

БІОГРАФІИ

РОССІЙСКИХЪ

ГЕНЕРАЛИССИМУСОВЪ

И

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ.

БИОГРАФИИ

РОССІЙСКИХЪ

ГЕНЕРАЛШЕФОВЪ

И

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛОВЪ.

СЪ 48 ПОРТРЕТАМИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ ТРЕТЬЕГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.**

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. —
С. Петербургъ, Апрель 23 дня 1840 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Государствованіе Императрицы Екатерины II-й.

БІОГРАФІИ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ:

	Стран.
24. Графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина	1
25. Князя Александра Михайловича Голицына . . .	17
26. Графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго	25
27. Графа Захара Григорьевича Чернышева . . .	50
28. Князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго	56
29. Князя Александра Васильевича Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, 3-го Генералиссимуса	89

Государствованіе Императора Павла I-го.

БІОГРАФІИ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛОВЪ:

30. Князя Николая Ивановича Салтыкова . . .	198
31. Князя Николая Васильевича Репнина . . .	204
32. Графа Ивана Григорьевича Чернышева . . .	234
33. Графа Ивана Петровича Салтыкова . . .	240
34. Графа Ивана Карповича Эльмта	247
35. Графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина	251
36. Графа Михаила Федотовича Каменскаго . . .	255
37. Дюка Виктора-Франциска Брольо	265

De Ste. Honneste.

Графъ Алексѣй Петровичъ

ВЕСНИЦУЖЕВЪ - РЮНИЦЪ.

Литогр. Тольска.

24-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

=

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ (*) одинъ, изъ Генералъ-Фельдмаршаловъ Россійскихъ, получилъ это достоинство не предводительствуя ни-

(*) Бестужевы-Рюмины происходятъ отъ древней Англійской фамиліи Графства Кентскаго. Предокъ ихъ, Гавриилъ *Бестъ* вывхалъ въ Россію въ 1403 году; сынъ его, Яковъ *Рюма*, писавшійся *Бестужевымъ*, получилъ отъ Великаго Князя Іоанна Васильевича Болрство и городъ Серпейскъ; внукъ, Василій Яковлевичъ, служилъ Околыничимъ. — Въ 1701 году велѣно Бестужевымъ, по прозванію ихъ прародителя *Бесту-жевъ*, писаться *Бестужевыми-Рюминими*. — Изъ 1-й части Гербовника.

Ч. II.

1

когда войсками и, даже, не находясь въ спискѣ военномъ.

Онъ родился въ Москвѣ 22 Мая 1693 года. Отецъ его, Петръ Михайловичъ, одаренный великимъ умомъ и, вмѣстѣ, гордый, чрезвычайно корыстолюбивый, занималъ разныя почетныя должности: былъ Воеводою въ Симбирскѣ (1701 г.); ѣздилъ въ Вѣну и въ Берлинъ съ разными порученіями (1705 г.); служилъ, потомъ, Генералъ Кригсъ-Цалмейстеромъ, Оберъ-Гормейстеромъ (съ 1712 г.) у вдовствовавшей Герцогини Курляндской Анны Іоанновны; награжденъ чиномъ Тайнаго Совѣтника (1726 г.); терпѣлъ гоненія отъ сильнаго Меншикова за преданность къ славному Морицу Саксонскому, желавшему быть Герцогомъ Курляндскимъ; семь лѣтъ находился въ ссылкѣ (съ 1730 по 1737) преслѣдуемый Бирономъ, которому прежде покровительствовалъ; освобожденъ *за вѣрную службу сыновей*; получилъ, съ ними, Графское достоинство отъ Императрицы Елисаветы въ 1742 году, не задолго до своей кончины.

Алексѣй Петровичъ, на шестнадцатомъ году отъ рожденія, отправленъ Петромъ Великимъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, Михаиломъ Петровичемъ, сначала въ Копенгагенъ, гдѣ учился въ тамошней Академіи; потомъ (1710 г.) въ Берлинъ. Въ последнемъ городѣ оказалъ онъ отличные успѣхи въ наукахъ, равно въ языкахъ Латинскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ и, будучи только девятнадцати лѣтъ, определенъ Двораниномъ Посольства на конгрессъ въ Утрехтѣ, поступилъ подъ начальство знаменитаго дипломата того времени Князя Бориса Ивановича

Куракина (1712 г.) (*). Находясь въ Ганноверѣ, Бестужевъ-Рюминъ умомъ и ласкостію обратилъ на себя вниманіе Курфюрста Георга-Лудовика, и, съ согласія Петра Великаго, причисленъ въ 1713 году къ Ганноверскому Двору Камеръ-Юнкеромъ съ жалованьемъ по тмелчи талеровъ въ годъ. Вскорѣ скончалась Англійская Королева Анна (1714 г.). Курфюрстъ, наследовавъ ей подъ именемъ Георга I-го, возложилъ на Бестужева-Рюмина лестное Посольство въ Россію. Государь чрезвычайно обрадовался, увидявъ своего подданнаго въ службѣ иностранной въ почетномъ званіи Министра, щедро одарилъ его и, по прошествіи трехъ лѣтъ, отозвалъ отъ Двора Великобританскаго (1717 г.).

(*) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, гвардіи Семеновскаго полка Подполковникъ и ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго кавалеръ, явилъ опыты своей храбрости подъ Азовомъ (1696 г.), Нарвою (1704 г.) и Полтавой (1709); но болѣе сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ на дипломатическомъ поприщѣ: былъ Полномочнымъ Министромъ въ Римъ и въ Венеціи (1707 г.); въ Ганноверъ и Брауншвейгъ (1709 г.); въ Лондонъ (1710 г.); въ Гагъ (1711 г.); сопутствовалъ Петру Великому во Францію; пожалованъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Парижъ (1724 г.); скончался въ этомъ городѣ 1727 года, на 51 отъ рожденія. — Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ Царяцы Евдокии Феодоровны (первой супруги Петра Великаго), Акинѣи Феодоровнѣ Лопухиной.

Сначала Бестужевъ поступилъ Оберъ-Камеръ-Юнкеромъ къ вдовствовавшей Герцогинь Курляндской, въ 1718 году, но черезъ два года, опредѣленъ въ Данию Резидентомъ. Здѣсь имѣлъ онъ случай приобрести особое благоволеніе Петра Великаго посредствомъ великолѣпнаго праздника, даннаго имъ 1 Декабря 1721 года, всѣмъ иностраннымъ Министрамъ и первѣйшимъ чинамъ Королевства. Передъ домомъ его были поставлены прозрачныя картины, представлявшія съ одной стороны бюстъ Петра Великаго, съ другой слѣдующую Латинскую надпись: *Шестнадцатъ лѣтъ ознаменовавъ подвижами, затмившими дѣланія Геркулеса, Онъ заключилъ 30 Августа 1721 года славный миръ въ Нейштадтѣ, заставивъ безмалоствовавать зависть и даровавъ Сѣверу давно ожидаемое спокойствіе.*—Такую-же надпись велѣлъ Бестужевъ выбить въ Гамбургѣ на медали съ изображеніемъ Обладателя Россіи; ибо на монетномъ Дворѣ Королевскомъ не согласились чеканить оную, находя предосудительнымъ для Государства выраженіе: *Сѣверу даровавъ спокойствіе.* Со всѣмъ тѣмъ Бестужевъ, къ удивленію посѣтителей и къ досадѣ многихъ изъ нихъ, роздалъ имъ медаль 1 Декабря. Лишь только Государь, находившійся тогда въ Персіи, осведомился объ этомъ похвальномъ подвигѣ, основанномъ на любви къ Отечеству, немедленно благодарилъ Аляксѣя Петровича собственноручнымъ письмомъ и вслѣдъ за тѣмъ пожаловалъ ему портретъ свой, осыпанный брилліантами, для ношенія на груди; а во время коронаванія Екатерины I-й, въ 1724 году, произвелъ его въ Дѣйствительные Камергеры.

Съ кончиною Петра Великаго, Бестужевъ лишился надежды и награды: сильный Меншиковъ наложилъ на него тяжкую руку; вѣтя за отца его, дерзнувшаго противодѣйствовать ему въ Курляндіи. Тщетно просилъ онъ увеличить получасное имъ жалованье, переименовать его, за *семилѣтніе при Датскомъ Дворѣ службы*, Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Участь Бестужева не переизмѣнилась къ лучшему, когда началъ царствовать Императрица Анна Юанновна, руководимая Бирономъ: изъ Коненгагена переизмѣненъ онъ, 1-го Февраля 1731 года, Резидентомъ же въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ, и только въ слѣдующемъ году, вѣроятно, по ходатайству своего брата, пожалованъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Михаилъ Петровичъ находился въ этомъ почетномъ званіи въ Пруссіи, гдѣ, къ удовольствію нашего Двора, примиривъ Короля Фридриха Вильгельма съ Крон-Принцемъ (въ послѣдствіи Фридрихомъ Великимъ), котораго жестокосердый отецъ заключилъ въ крѣпость и предалъ военному суду за предпринятое имъ путешествіе безъ его согласія.— Тогда Алексѣй Петровичъ ѣздилъ въ Киль, осмотрѣлъ Архивы Герцога Гольштинскаго и вывезъ потомъ въ С. Петербургъ множество любопытныхъ бумагъ, въ томъ числѣ духовную Императрицы Екатерины I-й, документъ весьма важный для Анны Юанновны, составленный въ пользу потомковъ Петра Великаго (*).

(*) «Если—сказано въ духовномъ завѣщаніи Екатерины— «Великій Князь (Петръ II) скончается безъ наследниковъ, то послѣ него вступаетъ на Престолъ Герцо-

Въ исходъ 1734 года Бестужевъ переведенъ снова въ Данию; при этомъ случаѣ получилъ орденъ Св. Александра Невского. Счастіе по времену начинало служить ему; ибо онъ умѣлъ въ послѣднюю бытность свою въ столицѣ приобрести любовь Бирона—ласкательствомъ, поклонами. Не успѣлъ Бестужевъ пріѣхать въ Копенгагенъ, какъ акредитованъ былъ въ чинъ Посланника и при Нижнемъ Саксонскомъ Округѣ, пожалованъ въ 1736 году Тайнымъ Совѣтникомъ, а въ 1740, Марта 25, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, съ повелѣніемъ явиться къ Высочайшему Двору для присутствования въ Кабинетъ. Нуженъ былъ Бирону человекъ съ хитростію и умомъ Алексѣя Петровича, для умаленія власти Графа Остермана. Онъ не ошибся въ своемъ выборѣ: Бестужевъ содѣйствовалъ въ назначеніи его Регентомъ Имперіи во время малолѣтства Юанна Антоновича и когда составился заговоръ противъ Бирона, совѣтовалъ ему принять надлежащія мѣры; но властолюбецъ, ослѣпленный счастіемъ, дѣлалъ участь свою тайному врагу, Фельдмаршалу Графу Миниху: арестованъ имъ, 8 Ноября 1740 года. Съ паденіемъ Бирона пострадалъ преданный ему Бестужевъ, заключенный также въ крѣпость Шлиссельбургскую.

«гния Голштинская Анна Петровна (Родительница «Петра III), потомъ Цесаревна Елисавета Петровна, «и наконецъ Великая Княжна Наталія Алексеевна («сестра Петра II) съ ихъ потомствами, такъ однако, что—
«бы мужское колыно имѣло преимущество предъ жен—
«скимъ.»

Дна имъ очная стаяна: «Несправедливо обвинилъ
«я Герцога — сказалъ Бестужевъ, увидевъ его —
«прешу господь Кривтъ-Коммисаровъ изъести слова
«мои въ протоколъ: торжественно объявляю, что одинъ
«только угрозы, жестокое обращеніе со мною и объ-
«щаніе свободы Фельдмаршаломъ Минникомъ, если я
«буду лжесвидѣтельствовать, могли исхитить гнусную
«клявету, отъ которой нынѣ отказываюсь!» — Ста-
рателься запутать его, но не успѣли: онъ совершенно
оправдался, получилъ свободу, лишился только дол-
жностей.

Вскорѣ Императрица Елисавета вступила въ на-
следственный права (1741 г.). Бестужевъ, тотчасъ,
вырлся въ сердце Лейбъ-Медика Ея, Лестока, глав-
наго виновника событія 25 Ноября, пользовавшагося
особою довѣренностію Государыни. Онъ началъ за-
щитать опального; исходатайствовалъ ему (30 Ноя-
бря) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго,
званія Сенатора, Главнаго Директора надъ почтами
и (12 Декабря) Вице-Канцлера; но Елисавета, зная
властолюбивый нравъ Бестужева, сказала тогда Ле-
стоку: *ты не думаешь о послѣдствіяхъ; связываешь для
себя пукъ розогъ (*)*. Вслѣдъ за тѣмъ, Алексій Пе-
тровичъ испросилъ отцу своему (25 Апр. 1742 г.)
Графское достоинство Россійской Имперіи, съ рас-
пространеніемъ онаго на его потомство; возведенъ
(1744 г.) въ Государственные Канцлеры; получилъ
Лифляндскій замокъ Венденъ съ 63 гаками.

(*) См. о Лестоку въ первой части, въ біографіи *Гене-
ралъ-Фельдмаршала Апраксина*.

Достигнувъ въ короткое время высшихъ почестей, и не имѣя совѣстниковъ, Графъ Бестужевъ-Рюминъ шестнадцать лѣтъ управлялъ коринною Государства. Преданный душою Кабинету Вѣнскому, любя Англію и питая ненависть къ Пруссіи и Франціи, онъ былъ главнымъ виновникомъ Ахейскаго мира въ 1746 году и разорительной войны противъ Фридриха Великаго, стоившей Россіи болѣе трехъ сотъ тысячъ человекъ и тридцати милліоновъ рублей. Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Петръ Феодоровичъ, ревностный почитатель Короля Прусскаго, ненавидѣлъ Бестужева и не скрывалъ своихъ чувствъ; не могъ простить ему, что онъ исхитилъ изъ Архива Голштинскаго духовную Екатерины I-й. Бестужевъ, съ своей стороны, отзывался невыгодно о Наслѣдникѣ и когда родился Павелъ Петровичъ, вздумалъ лишить родителя его законныхъ правъ и упрочить ихъ за Цесаревичемъ, подъ опекуновствомъ Екатерины. Тяжкая болѣзнь, постигшая Императрицу въ 1757 году, представила Бестужеву случай исполнить отважное намѣреніе: полагая, что Елисавета находится на смертномъ одрѣ, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы войска наши бывшія въ Пруссіи, ускорили обратнымъ походомъ въ Россію и, между тѣмъ, не выѣзжалъ изъ Царскаго Села, умолялъ безпрестанно Императрицу отстранить Наслѣдника отъ Престола, представляя: *что Петръ помрачить въ послѣдствіи славу Ея царствованія*. Хитрый Министръ руководствовался собственною пользою: не надѣясь властвовать при Петрѣ, полагалъ долго еще управлять Россіею во время малолѣтства Авгу-

стѣйшаго Сына Егю; не права Наслѣдника защищалъ Пастырь, украшенный добродѣтельною жизнію и строгими правилами, гремѣвшій на кафедрѣ, въ присутствіи Высочайшаго Двора, противъ льстецовъ и себялюбцевъ — Димитрій Сѣченевъ; Архіепископъ Новгородскій. Онъ далъ полезный совѣтъ Великому Князю отклонить угрожаемую опасность, не командовать одра больной Императрицы.

Побѣдатель при Гросъ-Эгерсдорфѣ исполнилъ волю перваго Министра; Россіяне отступили (*); Елисавета освободилась отъ болѣзни и велѣла арестовать Бестужева за самовольный поступокъ, лишила его, 27 Февраля 1758 года, чиновъ и знаковъ отличій. Алексѣй Петровичъ безпрекословно возвратилъ Государынѣ ленты, носимыя многими; но не отдалъ портрета Петра Великаго, сказавъ: что не останется съ нимъ. Старанія его оправдаться остались тщетными: главнымъ доносителемъ былъ Камергеръ Брокдорфъ, любимецъ Наслѣдника. Въ слѣдующемъ году Бестужевъ приговоренъ къ *отсѣченію головы*. Императрица сослала его на заточеніе въ одну изъ деревень, ему принадлежащихъ, не лишивъ имѣнія. Онъ выбралъ постояннымъ пребываніемъ село, находящееся въ ста двадцати верстахъ отъ Москвы, названное имъ *Гортовоымъ*. Въ изданномъ Манifestѣ о преступленіяхъ бывшаго Канцлера, означено, между прочимъ, что *вельно ему жить въ деревнѣ подѣ карауломъ, дабы другіе были огражены отъ уловленія*

(*) См. *біографію Генераль-Фельдмаршала Апраккина*, въ первой частѣ.

мерзкими усмирителями состарившагося въ мнѣ злодѣя.

Долго Бестужевъ обиталъ въ дынной избѣ, нося соотвѣтственную ей одежду, отростивъ бороду; наконецъ дозволено ему было построить домъ, названный имъ *обителью печали*. Въ немъ лишился онъ своей супруги, скончавшейся 15 Декабря 1761 года, и перенесъ этотъ ударъ съ твердостью христіанина, утѣшая себя чтеніемъ Священнаго Писанія. Ссылка его продолжалась до возшествія на Престолъ Императрицы Екатерины II-й (1762 г.): Она освободила Министра, Вю уважаемаго, пригласила его въ С. Петербургъ: возвратила ему ордена (*) и всѣ чины, со старшинствомъ службы и переименовала въ Генералъ-Фельдмаршала (3 Іюля). Канцлеромъ, въ то время, былъ (съ 1758 г.) Графъ Михаилъ Ларионовичъ Воронцовъ.

Бестужевъ просилъ о пересмотрѣніи его дѣла. Комиссія совершенно оправдала его. Обнародовавъ Манифестъ, въ которомъ Екатерина, защищая дѣяствія Елисаветы, слагала всю вину на клеветниковъ, во зде употребившихъ довѣренность Монархини. Сверхъ получаемаго жалованья по званію Фельдмаршала и Сенатора, Графу Алексію Петровичу опредѣлена еще ежегодная пенсія, двадцать тысячъ руб-

(*) Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, кромѣ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго, имѣлъ еще Польскій Бѣлаго Орла, полученный имъ въ 1740 году. — Наслѣдникъ воздвигнулъ на него, въ 1763 г., Голштинскій орденъ Св. Анны.

лей; но онъ уволенъ, во уваженіе преклонныхъ лѣтъ, отъ зачатій военныхъ и гражданскихъ и тѣло старался, 1764 года, выискаться въ назначеніе Короля Польскаго. Современникъ Петровъ, испытавшій столько переворотовъ въ жизни своей, не оставался празднымъ; навечатавъ въ Москвѣ 1768 года сочиненную имъ въсылку книжку подъ заглавіемъ: *Утѣшеніе Христіанина въ несчастіи, или стихи, избранныя изъ Селщеннаго Писанія, съ предисловіемъ Гавріила Петрова, Ректора Московской Академіи, въ послѣдствіи Митрополита Новгородскаго.* Отдавая справедливость непоколебимой твердости Графа Бестужева-Рюмина въ несчастіи, Гавріилъ упомянулъ въ предисловіи: *что одно только упованіе на Всемогущаго можетъ утѣшать человека во время испытаній и что Селщенное Писаніе есть источникъ селже утѣшеній.* Эту самую книжку, Графъ Бестужевъ навечатавъ потомъ въ С. Петербургѣ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; на одномъ Нѣмецкомъ въ Гамбургѣ и на Шведскомъ въ Стокгольмѣ. Она переведена и на Латинскій языкъ Преосвященнымъ Гавріиломъ. Серхъ сего, велѣлъ Бестужевъ выбить и дарилъ своимъ знакомымъ слѣдующія золотыя и серебряныя медали: 1) на Нейштадскій миръ, заключенный въ 1721 году (*); 2) по случаю постигшаго его несчастія 1757 года: съ одной стороны представленъ его портретъ съ Латинскою надписью вокругъ; съ другой двѣ скалы, среди волнующагося моря, надъ которымъ изъ мрачныхъ тучъ блещетъ

(*) См., выше, описаніе этой медали.

могнія, льется проливной дождь и вмѣстѣ съ противоположной стороны показываютъ лучи солнечные съ надписью: *immobilis in mobili* (*); внизу помѣщена другая надпись, какую употреблялъ онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ на печатяхъ: *semper idem* (**); 3) третья медаль, выбитая въ 1764 году на скорую его кончину, изображала третье (***) и послѣднее торжество его надъ единственнымъ врагомъ, у него оставшимся: на оборотѣ портрета представлена, среди пальмовыхъ деревь, на возвышеніи; гробница съ гербомъ Графа Бестужева; подлѣ оной съ правой стороны Религія, держащая въ одной рукѣ распятіе, въ другой пальмовую вѣтвь, наклоненную къ гробницѣ; съ лѣвой: твердость, облокотившаяся лѣвою рукою на столпъ и держащая въ правой лавровый вѣнокъ надъ гробницею. Вверху помѣщена слѣдующія Латинская надпись: *Tertio triumphat* (****); внизу: *Post duos in vita de inimicis triumphos de morte triumphat A. M. D. C. C. L. X aetat* (*****). — Предчувствіе его не обмануло: послѣ жестокихъ страданій, три недѣли продолжавшихся, онъ скончался отъ каменной болѣзни, 10

(*) *Неподвижный среди движеній.*

(**) *Всегда одинаковъ.*

(***) *Первымъ торжествомъ считалъ Бестужевъ постигшее его несчастье въ 1740 году.*

(****) *Въ третій разъ торжествуетъ.*

(*****) *Послѣ двухъ торжествъ въ жизни надъ врагами, торжествуетъ надъ смертію 176.. года.*

Апрѣля 1766 года, на семьдесятъ третьемъ своей многотрудной жизни.

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ съ обширнымъ, разборчивымъ умомъ, пріобрѣлъ долговременною опытностію навыкъ въ дѣлахъ Государственныхъ, былъ чрезвычайно дѣтеленъ, отваженъ; но вмѣстѣ гордъ, честолюбивъ, хитръ, пронырливъ, скупъ, мстителевъ, неблагодаренецъ, жизнь неводержанной. Его болѣе боялись, чѣмъ любили. Императрица Елисавета ничего не рѣшала безъ его мнѣнія. Онъ умѣлъ сдѣлаться для Нее необходимымъ; повелѣвалъ не только Сановниками Ея, но и приближенными; первый завелъ тайную переписку, подъ названіемъ *секретной корреспонденціи*, посредствомъ которой наши Министры, находившіеся въ чужихъ краяхъ, сообщали ему, кромѣ обыкновенныхъ извѣстій, свои догадки, мнѣнія, пересказы и народную молву. Онъ извлекалъ изъ этихъ свѣдѣній, что хотѣлъ для донесенія Елисаветѣ и, такимъ образомъ, направлялъ мысли Ея въ пользу и противъ иностранныхъ Державъ. Виновникъ его возвышенія, Лестевъ, которому онъ клялся въ неизмѣнной дружбѣ, былъ имъ очерченъ во мнѣніи Императрицы за то, что осмѣлился вмѣшиваться въ дипломатическія дѣла и переписывался съ Фридрихомъ Великимъ; преданъ суду (1748 г.), лишенецъ чиновъ, имѣнія, тринадцать лѣтъ томился въ изгнаніи. Присвоивъ себѣ власть располагать Престоломъ, Бестужевъ желалъ быть, по кончинѣ Елисаветы, Подполковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и Предсѣдателемъ трехъ Коллегій: Военной,

Адмиралтейской и Иностранной. Тесная дружба соединила его съ Фельдмаршаломъ Апраксинимъ. Бестужевъ надвѣялся на армію. Главнымъ врагомъ его и виновникомъ паденія (кромя Великаго Князя, Трубецкаго и Шуваловыхъ) былъ Маркизь Лопиталь, Французскій Чрезвычайный и Полномочный Посоль въ Россіи (1757 — 1761 г.), Генераль-Поручикъ и кавалеръ Св. Духа, который пользовался особымъ благоволеніемъ Императрицы и въ день возшествія на Престолъ стоялъ, во время обѣденнаго стола, за *Ея стуломъ съ тарелкою* (*). Онъ описалъ Бестужева Государынѣ самыми черными красками, какъ челоуѣка опаснаго по своимъ замысламъ.

Бестужевъ, женатый на Нвикѣ, покровительствовалъ ея единоверцамъ. Лютеранская церковь въ С. Петербургѣ, во имя Св. Петра и Павла, обязана ему многими богатыми приношеніями; въ Москвѣ сооружена имъ церковь у Арбатскихъ воротъ во имя Бориса и Глѣба, за два года передъ его кончиною, какъ будто для очищенія совѣсти. — Въ Медицинѣ известны капли, изобрѣтенныя Бестужевымъ.

Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Анны-Екатерины, рожденной Беттигеръ (**), сына, Графа Андрея Але-

(*) Изъ Записокъ Порошина. См. тамъ 14 Октября 1764 года.

(**) Тестъ Графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина Іоаннъ Фридрихъ Беттигеръ вступилъ въ нашу службу въ 1709 году и опредѣленъ Резидентомъ въ Гамбургъ и въ Нижній Саксонскій Округъ. Петръ Вели-

исвевича, и дочь, выданную за Князя Волконскаго. — Сынъ его, произведенный изъ Подпоручиковъ въ бомбардиръ въ Камеръ-Юнкеры (1744 г.), въ то самое время какъ отецъ получилъ достоинство Государственнаго Канцлера, былъ отправленъ въ Польшу, гдѣ дядя его находился Полномочнымъ Министромъ (*); потомъ, черезъ два года (1746 г.), пожалованъ Действительнымъ Камергеромъ; посланъ, въ 1747 году, въ Вѣну съ поздравленіемъ Импера-

кій всегда останавливался въ его домѣ и пожаловалъ ему Свой портретъ, осыпанный брилліантами. — Супруга Фельдмаршала Графа Бестужева погребена въ 1763 году въ старой Московской Лютеранской церкви, подъ алтаремъ.

(*) Графъ Михайль Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ родился въ 1688 году; былъ: Секретаремъ Посольства въ Копенгагенъ (1705 г.); Резидентомъ въ Лондонѣ (1720 г.); Министромъ въ Стокгольмѣ (1721 г.); Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Варшавѣ (1726 г.) и въ Берлинѣ (1730 г.); переведенъ въ Швецію (1732 г.) и въ Варшаву (1741 г.); пожалованъ Действительнымъ Тайнымъ Советникомъ, Оберъ-Гоемаршалоу, кавалеромъ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго; Графомъ (1742 г.); три мѣсяца содержался подъ карауломъ подъ влду своей супруги, дочери Великаго-Канцлера Графа Головкина, наказанной кнутомъ съ урзаніемъ языка, за участіе въ открытомъ заговорѣ (1743 г.); определенъ Посланникомъ въ Берлинъ (1744 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Польшу (въ томъ же году); Чрезвычайнымъ Посломъ въ Вѣну (1749 г.) и въ Парижъ (1755 г.); гдѣ скончался 26 Февраля 1760 года.

тора по случаю рожденія Эригершота: Леопольда; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго (1748 г.) имѣя отъ роду двадцать лѣтъ съ небольшими. Графъ Алексѣй Петровичъ надѣялся сдѣлать изъ него дипломата; но молодой Бестужевъ не былъ одаренъ умомъ и способностями отца своего, хотя, въ послѣдствіи, и дослужившоя до чина Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника. Онъ вступилъ, въ 1765 году, въ бракъ съ Княжною Долгоруковою, обобралъ ее, ругался надъ нею и выгналъ изъ дома. Императрица велѣла приставить къ нему гвардіи офицера съ солдатами и предоставила, потомъ, въ полное распоряженіе отца (*). Графъ Алексѣй Петровичъ заключилъ его въ монастырь, намѣревался лишить наследства; но въ скоромъ времени скончался, не подписавъ духовнаго завѣщанія. Надъ Графомъ Андреемъ Алексѣевичемъ опредѣлены были попечители которые, за уплатою долговъ, выдавали ему каждый годъ только по три тысячи рублей. Онъ имѣлъ пребываніе въ Ревель, гдѣ — какъ изъясняется Бишингъ — *оставилъ въ 1768 году сѣсть, для котораго былъ безполезенъ (**).* Съ нимъ пресѣклось Графское колено Бестужевыхъ-Рюминыхъ (***)).

(*) Изъ *Записокъ Порошина.*

(**) См. *Магазинъ Бишинга, ч. 2, стр. 432.*

(***) См. о заключенныхъ договорахъ Графомъ Алексѣемъ Петровичемъ въ первой части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, изд. въ 1836 году, стран. 141—153.

Рис. П. П. Платона.

Князь Александр Михайлович

ГОЛИЦЫНЪ.

Литогр. Тьлова.

25-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

Князь Александръ Михайловичъ

ГОЛИЦЫНЪ.

=

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, третій сынъ славнаго Полководца временъ Петра Великаго, родился 17 Ноября 1718. года и на тринадцатомъ своего возраста лишился отца (*). Записанный въ солдаты, по тогдашнему обыкновенію, онъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ поувятилъ себя служенію Отечества, но желалъ имѣть наставника достойнаго и избралъ Принца Евгенія, командовавшаго на Рейнѣ Австрійскою арміею (1735 г.). Подъ знаменами Героя XVIII столѣтія, юный Голицынъ выступилъ на военное поприще, стремясь за славою

(*) См. въ первой части, біографію Князя Михаила Михайловича Голицына.

для поддержанія имени, уважаемаго въ Европѣ. Возвратясь въ Россію, онъ отправился въ Константинополь (1740 г.), въ свитѣ нашего Посла Александра Ивановича Румянцова, будучи Капитаномъ Гвардіи. Вскорѣ Князь Александръ Михайловичъ пожалованъ Камергеромъ Высочайшаго Двора и опредѣленъ Полномочнымъ Министромъ въ Саксонію. Доселѣ онъ болѣе занимался дипломатическою частію, нежели военною, успокоивая нежную родительницу свою (*), хотя и былъ произведенъ (1744 г.) въ Генераль-Поручикъ; но когда она скончалась (1757 г.), Голицынъ полетѣлъ на поле чести, желая раздѣлить опасности и славу соотечественниковъ. Онъ овладѣлъ городомъ Торномъ (1758 г.); командовалъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи въ сраженіи при Франкфуртѣ на Одерѣ и, если предводимые имъ полки, составленные изъ рекрутъ, не выдержали сильнаго натиска неприятеля: то единственно потому, что Голицынъ былъ тогда раненъ, принужденъ слать команду другому (**). Императрица Елисавета Петровна пожаловала ему за ратные подвиги орденъ Св. Александра Невскаго и чинъ Генераль-Аншефа. По прекращеніи военныхъ дѣйствій противъ Пруссаковъ (1761 г.), онъ принялъ начальство надъ войсками нашими, расположенными въ Ливоніи.

(*) Родительница Князя Александра Михайловича Голицына была дочь Князя Бориса Ивановича Куракина, Княгиня Татьяна Борисовна, Оберъ-Гофмейстерина Высочайшаго Двора.

(**) См. о Франкфуртскомъ сраженіи въ биографіи Графа Петра Семеновича Салтыкова.

Когда вступила на Престолъ Императрица Екатерина II, Князь Александръ Михайловичъ удостоился получить въ день Ея коронаванія (1762 г.) орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; потомъ помѣщенъ въ число Генераль-Адъютантовъ и Членовъ Совѣта, учрежденнаго при Высочайшемъ Дворѣ. Довѣренность къ нему Государыни примѣтнымъ образомъ вознаграда: онъ имѣлъ свободный привѣздъ во Дворецъ, нередко угощалъ у себя Обладательницю Россіи. Въ исходе 1768 года, послѣдовавъ разрывъ съ Турцією, и Екатерина ввѣрила первую армию противъ Оттомановъ Князю Голицыну, вторую Графу Румянцову. *«Желаю ему счастье отцовское»*, писала Императрица о Голицынѣ къ Графу Салтыкову.

15 Апрѣля 1769 г. Князь Александръ Михайловичъ перешелъ Днѣстръ и 18 числа подступилъ къ Хотину. Корпусъ Турецкій изъ сорока тысячъ человекъ, находился подъ командою Карамана Пашы и былъ расположенъ лагеремъ въ ретраншаментѣ подъ самыми пушками крѣпости. Устроивъ батареи, Голицынъ атаковалъ непріятеля, не взирая на сильный отпоръ его, и артиллерією своею сбилъ весь Турецкій орудія, обратилъ Музульмакъ въ бѣгство: иные удалились въ Хотинъ, другіе во внутренность Молдавіи и къ Бендерамъ. Россіане гнались за Турками не только въ предметъ, но и до палисада самой крѣпости. Три знамя, семь пушекъ и весь лагерь непріятельскій были трофеями того дня. Довольный одержанною побѣдою и безъ осадной артиллеріи, Князь Голицынъ переправился, 21 Апрѣля, за Днѣстръ

къ тяжелому своему обозу; ибо оставленные имъ мѣста были совершенно разорены невѣрными. Отъ занимался обезпеченіемъ войскъ своихъ по части продовольствія, выполнялъ полки, когда получилъ вѣрное извѣстіе, что Турки и Татары Крымскіе, сосредоточивъ силы свои у Хотинца, намѣреваются ворваться въ Польшу и присоединиться къ Конфедератамъ. Отряженный отъ него храбрый Генераль-Маіоръ Князь Прозоровскій (*), 19 Іюня разбилъ двадцатитысячное Турецкое войско, переправившаеся у этой крѣпости на лѣвый берегъ Днѣстра и старавшееся проложить себѣ дорогу къ Каменецъ-Подольску. Для предупрежденія новыхъ покушеній непріятеля, Главнокомандовавшій рѣшился занять прежнюю позицію и, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, явился подъ стѣнами Хотина, вытѣснилъ, 2-го Іюля, Турокъ изъ ихъ укрѣпленій, бомбардировалъ въ некоторое время крѣпость и держалъ оную въ блокадѣ. Между тѣмъ многочисленныя Турецкія и Татарскія войска, поспѣшавшія на помощь къ городу подъ предводительствомъ Сераскира Молдоваджи Паши и Хана Крымскаго, расположились въ окрестныхъ мѣстахъ, укрѣпленныхъ самою природою и почти неприступныхъ. Армія наша не нуждалась въ продовольствіи, но не имѣла фуража, и Голицынъ, во второй разъ, рѣшился отступить за рѣку, въ надеждѣ заманить непріятеля къ главной битвѣ. Переправа эта послѣдовала 1 Августа.

(*) См. въ третьей части, біографію Князя Александра Александровича Прозоровскаго.

Извѣстія, получаемыя изъ первой арміи, не согласовались съ ожиданіями Императрицы; къ нимъ присоединились и стороннія донесенія, въ коихъ тайные враги не щадили Голицына. Екатерина рѣшилась смѣнить его Румянцовымъ и отправила къ первому слѣдующій рескриптъ, отъ 13 Августа: «Князь Александръ Михайловичъ! «Отсылая васъ отъ арміи, хочу Я съ вами объединиться, дабы вы отнюдь не приняли съ Моей стороны за гнѣвъ, но единственно, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ есть, за обстоятельства выходящія изъ положенія дѣлъ Моихъ, кои требуютъ вашего присутствія здѣсь, дабы въ бытность вашу при насъ, какъ очевидный въ арміи свидѣтель положенія тамошнихъ мѣстъ и дѣлъ, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, точныя для переду чрезъ васъ получать свѣдѣнія, которые великую пользу и облегченіе въ дѣлахъ нынѣшнихъ подать могутъ. Впрочемъ остаюсь навсегда вамъ доброжелательная.»

До пріѣзда Румянцова, судьба представила Князю Голицыну случай увѣнчаться блистательнымъ подвигомъ. Сераскиръ Молдованжи былъ возведенъ Султаномъ въ достоинство Верховнаго Визиря: съ правомъ воинственнымъ, дѣлкимъ, предприимчивымъ предводитель Оттомановъ соединялъ чрезвычайное самолюбіе, и уврѣнный въ побѣдѣ, напалъ, 29 Августа, на нашу армію, приготовившуюся къ оборонѣ; но былъ совершенно разбитъ, бѣжалъ въ Молдавію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, лишился семи тысячъ человекъ убитыми, 64 пушекъ; 14 мортиръ, множества повозокъ. Сентября 9, Россіяне заняли

Хотинь, брошенный Турками и, вслѣдъ за тѣмъ, вступили въ Яссы; 16 числа Румянцовъ принялъ первую армию. Князь Голицынъ отправился въ С. Петербургъ и 20 Октября произведенъ въ Генераль-Фельдмаршала. Симв неограничилось благоволеніе къ нему Императрицы, щедрой и вмѣстѣ справедливой: по случаю празднованія мира съ Турцію (1775 г.); Она пожаловала Голицыну, за *очищеніе Молдавіи де самими Ясы*, шпагу украшенную алмазами, и серебряной сервизъ, ввѣрила ему потомъ управленіе С. Петербургомъ, и при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), возложила на него ленту онаго, въ числѣ десяти савонниковъ, удостоенныхъ той же самой награды (*).

Здѣсь не лишнимъ почитаю упомянуть о великости души Екатерины, которая, любя Россію и стараясь распространять славу ея, не помышляла о своей собственной: въ 1780 году, во время отсутствія Императрицы изъ С. Петербурга, Князь Александръ Михайловичъ и многіе Вельможи согласились между собою поднести ей наименованіе *Великой, Матери Отечества* и открыли добровольную подписку на сооруженіе торжественныхъ вратъ. Тогда Екатерина прислала слѣдующее письмо къ Главно-

(*) Первые кавалеры Владимірскаго ордена были: Князь А. М. Голицынъ, Графъ Румунцовъ-Задунайскій, Князь Потемкинъ, Графъ Н. И. Панинъ, Князь Орловъ, Графъ З. Г. Чернышевъ, Графъ И. Г. Чернышевъ, Князь Н. В. Репнинъ, И. И. Бецкій, И. И. Шуваловъ и А. А. Безбородко.

командующему въ станицъ: «Князь Александръ
«Михайловичъ» Удѣлилась Я, что Дворянство
«Санктпетербургской Губерніи» радумало приносить
«Мнѣ» титулы, и собирается сдѣлать огромныя встре-
«чи. Вамъ невѣстенъ образъ мыслей Моехъ, а по-
«тому, и судить можете, сколь излишнимъ и непри-
«стойнымъ» все то Я почитаю. Не пріобрѣтеніе пу-
«стыхъ названій есть предметъ Моего царствованія,
«но доставленіе блага и спокойствія Отцеству, и
«вознесеніе славы и величія его; почему и не ма-
«жетъ иное Мнѣ пріятно и угодно быть, какъ по-
«свидѣніе Моей воли, ревностное и тщательное
«каждымъ» званіемъ на него возложеннаго исполненіе,
«вмѣсто утѣшенія въ подобныя выдумки. Ра-
«дуйтесь образомъ и встречамъ для Меня на нужды.
«Чего ради Я желаю, чтобъ собранныя деньги от-
«даны были въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія
«для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо
«сообщите Князю Александру Алексѣевичу Вязем-
«скому (*), такъ какъ можете сдѣлать тоже и со
«всеми другими, кои будутъ любопытствовать о
«семъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелатель-
«ная.» — P. S. «Сія есть непремѣнная Моя воля,
«которую выполнить вамъ предписываю.»

(*) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій двадцать
девять лѣтъ исправлялъ многотрудную должность Ге-
нераль-Прокурора (съ 1764 по 1793 г.); скончался 8
Января 1793 года. Въ его домѣ находилась *Тайная*
Экспедиція и онъ часто присутствовалъ при допро-
сахъ.

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ скончался въ С. Петербургѣ 11 Октября 1783 года, на шестьдесятъ шестомъ отъ рожденія. Императрица и всѣ знавшіе добродѣтельнаго вельможу почтили память его слезами. Онъ, подобно отцу своему, былъ храбръ, исполненъ чести, великодушенъ, обходителенъ, любимъ солдатами, скромнъ и въ опасностяхъ отличался хладнокровіемъ; строгъ, но дорожилъ жизнію ввѣренныхъ ему воиновъ и потому, дѣйствуя слишкомъ осторожно, не прославился быстротою и отважностію. Въ этомъ случаѣ сынъ долженъ уступить первенство отцу. Полководецъ Петровъ возвысился предъ другими вождями, ему современными; при Екатеринѣ великой: Румянцовъ, Суворовъ, Репнинъ побѣдами своими затмили славу покорителя Хотина.

Рис. И. Степанов

Графъ Петръ Александровичъ
РУМЯНЦОВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.

Литогр. Тюхена.

26-й

ГЕНЕРАЛЪ—ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

РУМЯНЦОВЪ—ЗАДУНАЙСКІЙ.

=

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій, сынъ Генералъ-Аншефа Графа Александра Ивановича (*) и правнукъ знаменитаго Боярина Мат-

(*) Графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, потомокъ Нижегородскаго Боярина *Василія Румянца*, оказавшаго, въ 1391 году, Великому Князю Василю Дмитриевичу при завоеваніи Нижняго Новгорода важныя услуги — занимаетъ почетное мѣсто между любимцами Петра Великаго. Онъ открылъ мѣстопробываніе несчастнаго Царевича Алексія въ чужихъ краяхъ и привезъ его изъ Неаполя въ Москву (1718 г.); отправленъ Чрезвычайнымъ Посланникомъ въ Константинополь (1724 г.); пожалованъ Подполковникомъ Гвар-

вѣва (*), родился въ 1725 году, достопамятномъ, ибо Россія лишилась тогда славнѣйшаго Полководца своего, Петра Великаго. Сначала Румянцовъ, записанный въ солдаты на шестомъ году своего возраста (1731 г.), обучался въ деревнѣ, подъ надзоромъ отца своего находившагося тогда въ ссылкѣ; потомъ, съ 1736 года въ Малороссіи; откуда отправленъ въ Берлинъ (1739 г.) Дворяниномъ Посоль-

дн Преображенскаго полка, в Генераль-Адъютантомъ (1730 г.); Губернаторомъ въ Казань (1735 г.); Главнымъ Начальникомъ Малороссіи (1736 г.); произведенъ въ Генераль-Аншефы (1737 г.); участвовалъ во взятіи Очакова; отразилъ, въ 1739 году, двадцатитысячный Турецкій корпусъ, намѣревавшійся переправиться черезъ Днѣпръ близъ Кременчуга; получилъ достоинство Украинскаго Статгальтера (Правителя) (1740 г.); снова вѣдиль въ Константинополѣ въ званіи Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла; склонилъ Порту Оттоманскую къ признанію Россіи Имперіею (1741 г.); награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; подписалъ (1743 г.), вивствѣ съ Барономъ Люберасомъ, въ Абовѣ славный и выгодный миръ для нашего Государства; возведенъ въ достоинство Графа Россійской Имперіи (1744 г.); скончался въ 1749 году, на 70 отъ рожденія.

(*) Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ Оберетатель (Канцлеръ) — былъ первымъ Совѣтникомъ и другомъ Царя Алексѣя Михайловича, который авричь ему воспитаніе дѣтей своихъ. Онъ ознаменовалъ свое Министер-

ства, для приобретения навыка по дипломатической части, но въ следующемъ году отозванъ въ Отечество; поступилъ въ Шляхетный сухопутный Кадетскій корпусъ, 29 Июля, и тамъ учился только четыре мѣсяца. Пылкій, огненный юноша не могъ подчинить ума своего единообразнымъ занятіямъ, сбросилъ узы, на него положенныя, пользуясь пребываніемъ отца въ чужихъ краяхъ (*), и на свободѣ

ство сохраненіемъ дружескихъ сношеній со всеми Христіанскими Державами; состраданіемъ къ несчастнымъ, подвигами благотворенія, ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, приобрѣлъ лестное именованіе *благодѣтеля народа*. Въ домъ Матвѣева Царь увидѣлъ въ первый разъ Наталію Кирилловну Нарышкину, родственницу его, и влюбился ею. Въ Государствованіе Θεодора Алексѣевича добродѣтельный Бояринъ; преслѣдуемый завистниками, осужденъ былъ на заточеніе въ Пустоозерскій острогъ, Архангельской губерніи; сдѣлался, потомъ, жертвою мятежнмъ Служакомъ, на четвертый день по возвращеніи въ Москву, 15 Мая 1682 года. Сынъ его, Андрей Артемоновичъ, былъ Чрезвычайнымъ Посломъ въ Голландію (1699 г.); въ Парижъ (1706 г.); въ Лондонъ (1708 г.); Полномочнымъ Министромъ въ Вѣнѣ, гдѣ возведенъ (1715 г.); въ достоинство Графа Римской Имперіи; пожалованъ Сенаторомъ и Президентомъ Юстицъ Коллегіи (1719 г.); Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ (1726 г.); скончался въ 1728 году. Онъ имѣлъ трехъ дочерей: *Марью*, вышедшую за А. И. Румянцова; *Наталію* за Князя Василія Ивановича Мещерскаго и *Нрасковю* за Амлея Степановича Шепелева.

(*) Александръ Ивановичъ Румянцовъ находился тогда

самъ начерталъ себѣ полетъ, котораго обыкновенные умы не въ состояніи постигнуть. Стремительно вооружаясь, онъ: въ 1743 году, на девятнадцатомъ отъ рожденія, былъ уже Армейскимъ Капитаномъ и присланъ отцемъ въ С. Петербургъ нѣтъ Абова съ мирнымъ трактатомъ. Императрица Елисавета Петровна столь была довольна прекращеніемъ военныхъ дѣйствій съ Швеціею и значительными пріобрѣтеніями, что пожаловала молодого Румянцева прямо въ Полковники.

Чѣмъ занимался въ то время будущій герой Россіи? Онъ удалствомъ превосходилъ товарищей, пламенно любилъ прекрасный полъ и былъ любимъ женщинами, не зналъ препятствій и часто, окруженный солдатами, въ виду ихъ торжествовалъ надъ непреклонными; обучалъ батальонъ, въ костюмъ нашего прародителя, передъ домомъ одного ревниваго мужа; заплатилъ другому двойной штрафъ за причиненное оскорбленіе и въ тотъ же день воспользовался правомъ своимъ, сказавъ: *что онъ не можетъ жаловаться; ибо получилъ уже впереди удовлетвореніе!*—Проказы Румянцева, доведенныя до Высочайшаго свѣдѣнія, заставили Императрицу Елисавету Петровну, во уваженіе заслугъ Графа Александра Ивановича, отправить къ нему виновнаго, съ тѣмъ, чтобы онъ, какъ отецъ, наказалъ его. Къ чести Графа Петра Александровича должно сказать, что и въ Полковничьемъ чинѣ передъ отцемъ онъ былъ

Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ въ Константинополь.

покоренъ, какъ ребенокъ (*).—Событія эти, не подверженныя сомнѣнію, открываютъ намъ, какъ основательно судить о людяхъ по начальнымъ ихъ дѣйствіямъ!

Румянцовъ участвовалъ въ славномъ походѣ Генералъ-Фельдцейхмейстера Князя Репнина въ Франкнію (1748 г.), и когда Россія ополчилась противъ Пруссій (1757 г.) обнажилъ мечъ, бывши Генералъ-Маіоромъ. Отсель начинается рядъ знаменитыхъ подвиговъ этого безсмертнаго Полководца XVIII столѣтія. Румянцовъ занялся прежде всего устройствомъ нашей конницы; потомъ вступилъ въ Тильзитъ, сданный ему на капитуляцію (въ Тюль); пожалованъ Генералъ-Поручикомъ (1758 г.); предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, имѣлъ разныя стычки съ непріязелемъ, на которыхъ всегда оставался побѣдителемъ; начальствовалъ въ сраженіи при Франкфуртѣ (1759 г.) серединою нашей арміи и содѣйствовалъ пораженію Фридриха Великаго, котораго часто угадывалъ тайныя замыслы: опрокинулъ, вмѣстѣ съ Барономъ Лаудономъ, и обратилъ въ бѣгство

(*) Любимецъ Петровъ велѣлъ принести пукъ розогъ. «Я Полковникъ — сказалъ ему сынъ. — «Знаю — отвѣчалъ отецъ — «и уважаю мундиръ твой; но ему ничего не сдѣлается; я буду наказывать не Полковника.» — Графъ Петръ Александровичъ повиновался, не дозволивъ; однакожъ, конюхамъ прикасаться до него; «потомъ — какъ самъ рассказывалъ — «когда его порядочно прихлопнули, закричалъ: *Держите, держите, утѣкаю!*»

неприятельскую конницу; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Главнокомандующій Графъ Салтыковъ, послѣ этой блистательной побѣды, уцѣлѣлъ Румянцова въ разныхъ переговорахъ съ Австрійскимъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Дауномъ. Въ 1761 году, предводительствуя снова отдѣльнымъ двадцати четырехъ тысячнымъ корпусомъ, расположилъ онъ лагерь свой подъ Колбергомъ, и держалъ въ блокадѣ этотъ городъ, въ виду Прусскаго стана, между тѣмъ какъ флотъ нашъ бросалъ бомбы съ моря. Россіяне нѣсколько разъ покушались на приступъ: редуты почти ежедневно переходили изъ рукъ въ руки; наконецъ Румянцовъ окружилъ Прусаковъ со всѣхъ сторонъ, преградивъ подвозъ продовольствія. Отряды неприятельскіе, посылаемые къ прикрытію обозовъ, были разбиваемы. Тщетно Фельдмаршалъ Бутурлинъ приказывалъ Румянцову отступить отъ Колберга по причинѣ глубокой осени и расположиться на зимнихъ квартирахъ: увѣренный въ побѣду, любимецъ славы ослушался своего начальника, съ которымъ былъ соединенъ узами родства (*): Принцъ Евгений Виртембергскій нашелся принужденнымъ предоставить Колбергъ на произволь судьбы; Румянцовъ съ частію вѣренныхъ ему войскъ овладѣлъ городомъ Трентау и вслѣдъ за тѣмъ заставилъ храбраго Комменданта Гейдена, два раза спасавшаго вѣренную ему крѣпость, сдать Колбергъ, 5 Декабря: 2903 чел. плѣнныхъ, сто сорокъ шесть орудій, 33

(*) См. въ первой части, конецъ біографіи Кнзя Михаила Михайловича Голицына, стр. 141.

тысячи ядръ и бомбъ, 500 тысячъ пуль и двадцать знаменъ были трофеями того дня. Императоръ Петръ III пожаловалъ Графа Румянцева Генераль-Аншефомъ и кавалеромъ орденовъ Св. Анны и Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Тогда прекратилась брань съ Пруссіею. — Обладатель Россіи намѣревался отторгнуть отъ Дании наследственное свое достояніе, Гольштинію; назначалъ уже Румянцева Главнокомандующимъ арміею; велѣлъ объявить въ Конференціи, 27 Іюня, о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ главную квартиру, какъ на другой день Императрица Екатерина II вступила на Престолъ, и Румянцовъ, готовившійся къ новымъ побѣдамъ, вложилъ въ ножны мечъ свой, не присягалъ Государыню до тѣхъ поръ, пока не удостоверялся въ кончинѣ Императора; опредѣленъ (1764 г.) Генераль-Губернаторомъ въ Малороссію, Президентомъ тамошней Коллегіи, учрежденной въ Глуховъ, Главнымъ Командиромъ Малороссійскихъ Козацкихъ полковъ, Запорожскихъ Козаковъ и Украинской дивизіи.

Покоритель Колберга оправдалъ выборъ мудрой Монархини: онъ уничтожилъ злоупотребленія, вкрапившійся въ Присутственныя мѣста; вселилъ въ молодыхъ Малороссіянъ любовь къ регулярной службѣ, всея они до того чуждались; строгою справедливостію истребилъ страхъ и недоувѣрчивость, питаемые жителями того края къ Великороссійскимъ войскамъ; доставилъ подымаетному ему народу разныя облегченія въ повинностяхъ и вмѣстѣ обратилъ особое вниманіе на сбереженіе казенныхъ имѣній посредствомъ хозяйственнаго благоустройства: при немъ

введенъ былъ въ Малороссію *Воинскій уставъ* (1768 г.) и предоставлено тамошнимъ жителямъ по части Гражданской руководствоваться *Статутомъ Великаго Княжества Литовскаго*.

Вскорѣ возгорѣлась война между Россіею и Портою Оттоманской; Екатерина, поручивъ первую армию Князю Голицыну, назначила Предводителемъ второй Графа Румянцова (1768 г.). Последнему, весьма было охранять границы Имперіи, которая тогда повсемѣстно почти отъ Польши до Каспійскаго моря окружены были народами, подвластными Турціи. Не упуская изъ виду сношеній съ Голицынымъ, Румянцовъ расположилъ войско свое такимъ образомъ, чтобы оно могло споспѣшествовать дѣйствіямъ первой армии, и лишь только узналъ о переходѣ Голицына на эту сторону Днѣстра (1769 г.), немедленно переправился за Днѣпръ, чтобы этимъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля, раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ за Дуная подъ предводительствомъ Визира. Недовольная медленностію Голицына, Императрица смѣнила его Румянцовымъ. Онъ принялъ первую армию 16 Сентября. Хотинъ и Яссы были тогда заняты Россіянами. Румянцовъ успѣшилъ очистить отъ Турокъ Валлахію. Зима и моровая язва не ослабили мужества нашихъ соотечественниковъ: они овладѣли крепостію Журжею (1770 г.), разбивали на всѣхъ пунктахъ Музульманъ, не смотря на превосходное ихъ число.

17 Іюня, Румянцовъ обратилъ въ бѣгство двадцать тысячъ Турокъ близъ Рябой-Могилы; 7 Іюля

одержалъ совершенную побѣду надъ непріателемъ за рѣчкою Ларгою. Армія Музульманъ, подъ предводительствомъ трехъ Пашей и Хана Крымскаго, состояла изъ восмидесяти тысячъ человекъ, находясь на высотахъ; лагерь былъ защищаемъ четырьмя ретраншаментами и сильною артиллеріей. Но Россійскій Полководецъ, по собственному его выраженію, *не могъ видѣть непріятеля, не наступая на него*: въ двенадцатомъ часу ночи, на седьмое число Іюля, онъ двинулся за рѣчку Ларгу тремя колоннами въ слѣдъ за Репнинымъ и Боуромъ. Татарскіе пикеты, согнанные движеніемъ передовыхъ полковъ нашихъ, возвѣстили въ станъ своемъ приближеніе Россійскихъ войскъ. Последнія еще до разсвѣта выстроились на высотахъ. Встревоженный непріатель открылъ сильную пушечную пальбу: не давъ опомниться врагамъ, Румянцовъ велѣлъ Боуру и Репнику атаковать лагерь ихъ съ правой стороны, а самъ, устроивъ армію *каррелями*, поспѣшилъ къ укрѣпленію. Здѣсь должно замѣтить, что герой, пріявъ начальство, отвергнулъ малодушныя осторожности славнѣйшихъ Полководцевъ: Монтекукулія, Евгенія Савойскаго, Графа Миниха. *He rogatki* — сказалъ онъ своимъ легіонамъ — *a огонь и мечь защита ваша* (*). — Татары устремились съ праваго крыла, гдѣ находился

(*) Графъ Румянцовъ отмѣнилъ *rogatki*, которыми прежде прикрывался фронтъ арміи отъ нападенія Турецкой конницы, потому что деревянныя эти преграды не могли удерживать сильнаго натиска искусныхъ наездниковъ, врубавшихся въ ряды съ немовѣрною жесточ. II.

ихъ станъ, дощикою на лавое наше крыло; но были отбиты. Между тѣмъ Мелисенно, заставляла молчать непріятельскую батарею мѣткими выстрѣлами своими, очищая путь въ укрѣпленія. Едва передовые отряды Боура и Репина начали пробиваться въ лагерь непріятельскій съ правой стороны, Племянниковъ пушечными выстрѣлами возвыстилъ приступъ свой на лавой. Тогда Румянцовъ поручилъ вести армию Генераламъ Олицу и Брюсу, а самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь. Храбрые гранадеры, одушевленные присутствіемъ героя, штыками и грудью низпровергли укрѣпленія, брали пушки, быстро неслись на крутую гору, не разстроиваясь въ рядахъ, и въ одно мгновеніе охъ влетѣли на высоту холмовъ. Бросивъ станъ свой, непріятель, поражаемый и на лѣвомъ крылѣ, обратился въ бѣгство. Битва Ларгская началась въ четыре часа утра, а кончилась въ двѣнадцать. Она была только предвѣстіемъ победы подъ Кагуломъ: весь Турецкій лагерь, тридцать три мѣдныхъ пушекъ, множество пленныхъ, знаменъ, значительное количество съестныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ увѣнчали торжество Румянцева. Императрица препроводила къ нему военный орденъ Св. Георгія перваго класса.

Сраженіе при рѣкѣ Кагулъ было гораздо блестящее. Оно походитъ болѣе на баснословное, нежели на дѣйствительно историческое; ибо семнадцать тысячъ Россіянъ побили на голову полтораста тысячъ

костію, между тѣмъ, какъ онѣ отрывали множество рукъ отъ орунтя.

Турекъ, отразивъ сто тысячъ Татаръ, угрожавшихъ съ тылу. Планъ Великаго Визиря Галиль Бея состоялъ въ томъ, чтобы, поставивъ Румянцова среди двухъ огней, уничтожить его малую армию; потомъ обратиться ко Львову, присоединить къ своимъ полчищамъ Конфедератовъ и перенести театръ войны правымъ крыломъ въ Россію, а левымъ въ Польшу. 20 Іюля, Турки заняли на левой сторонѣ устья Катгула лагерь верстахъ въ семи отъ нашего, между тѣмъ какъ Татары начали облегалъ тылъ, отрѣзывая подвозъ продовольствія. Россіяне находились въ затруднительномъ положеніи, но не унывали: ибо съ ними былъ Румянцовъ. Онъ раздѣлилъ малую армию свою на пять четырехугольниковъ, расположенныхъ въ некоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, и крестообразнымъ ихъ огнемъ не только удержалъ въ повиновеніи Турецкую конницу, но и защитилъ свою собственную отъ нападенія неверныхъ, поставивъ оную въ пустыхъ промежуткахъ карре, позади пушекъ. Такимъ образомъ конница наша, бывъ прикрыта огнемъ артиллеріи и пѣхоты, могла свободно действовать въ преслѣдованіи непріятеля. Построивъ войско въ боевой порядокъ, Румянцовъ двинулъ оное на разсвѣтъ (21 Іюля) къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго Императора Траяна, не ожидая, но самъ предупредилъ врага многочисленнаго. Изумленные отчаяннымъ мужествомъ Россіянъ и громомъ ихъ орудій, неверные отяжелели робостью мыслию, что истребятъ враговъ превосходствомъ силъ, встрѣтили полки наши съ ожесточеніемъ, съѣхали зайти имъ къ тылу; но Румянцовъ сквозъ дымъ и

огонь наблюдалъ всѣ шаги Музульманъ и быстрымъ поворотомъ своихъ войскъ угрожалъ отрезать Турецкую конницу отъ лагеря. Она съ крикомъ и съ чрезвычайной скоростію понеслась къ оному, оставивъ нападеніе на карре Племянникова. Съ пятого часа утра до восьмого Россіане въ непрерывномъ огнѣ пролагали себѣ дорогу къ стану Турецкому, между тѣмъ какъ Гудовичъ и Потемкинъ, занявшіе ночью съ вѣренными имъ отрядами выгодную позицію на высотахъ, прикрывали отъ Хана Крымскаго обозы и препятствовали ему атаковать армию нашу съ тыла. Всѣ пушечные выстрѣлы со стороны непріятеля обращены были на карре, гдѣ находился Румянцовъ, и на карре Племянникова, шедше по лѣвую сторону. Взвизгъ въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычарами. Румянцовъ безпрестанно былъ подъ тучею ядеръ, которыя часто попадали въ лошадей сопровождавшихъ его чиновниковъ. Уже Турецкія батареи начинали умолкать; уже карре Племянникова простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіемъ: вдругъ десять тысячъ Янычаръ, выскоча изъ ложины, ударили съ саблями, кинжалами и съ крикомъ на правую сторону карре, ворвались въ среднюю, смяли полки: Муромскій, 4-й Гренадерскій и Бутырскій, заставили ихъ бѣжать въ карре Олиця. Увидѣвъ смятеніе въ рядахъ своихъ, неустрашимый Румянцовъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому, находившемуся при немъ: *Теперь дѣло дошло до насъ!* и съ этимъ словомъ полетѣлъ къ бѣгущимъ, смѣшавшимся подъ саблями Турецкими, вскричалъ: *Стой, ре-*

блята! Голосъ героя въ одинъ мигъ отзывался въ слухъ и сердцахъ воиновъ; Россіи не остановились, устроились. Первый Гренадерскій полкъ, подъ предводительствомъ Бригадира Озерова, отразилъ Янычаръ. Карре Плещинникова сдвинуло ряды, и восклицая: «*Да здравствуетъ Екатерина!*» устремилось впередъ. Черезъ тройные рвы Россіи не заметили въ укрыленія. Визирь, устрешенный поражениемъ Янычаръ, составлявшихъ первую его стѣну, обратился въ бѣгство. Спасаясь отъ штыковъ, Турки гнали толпами въ волнахъ Дуная. Русскіе воины приветствовали мужественнаго Предводителя своего съ побѣдою, восклицали: *Ты прямой солдатъ!* — Весь Турецкій лагерь, сто сорокъ орудій, шестьдесятъ знаменъ, множество военныхъ снарядовъ и двѣ тысячи плѣнныхъ достались побѣдителямъ. Около сорока тысячъ погибло во время битвы и преслѣдованія. Уронъ нашъ ранеными и убитыми не превышалъ тысячи человекъ. Императрица возвела Румянцева, 2-го Августа, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала. Вслѣдъ за Кагульской битвою, Репнинъ овладѣлъ Измаиломъ и Киліею, Глѣбовъ Бранловымъ. Букарестъ и крѣпость Салча увеличили завоеванія Россіи: занявъ лѣвый берегъ Дуная, Румянцева обезпечилъ зимнія квартиры свои въ Молдавіи и Валахіи.

Въ 1771 году, громъ орудій нашихъ раздавался за Дунаемъ: оба берега этой величественной рѣки, отъ крѣпости Журжи до Чернаго моря, были очищены Россіянами. Открывшіеся переговоры о мирѣ между воюющими Державами (1772 г.) не увѣнчаны же-

лаемыми успѣхомъ. Вайсманъ, Потемкинъ и Суворовъ сражались въ разныхъ мѣстахъ съ Турками (1773 г.), съ новою славою для нашего оружія: Фельдмаршалъ осадилъ Сидистрію, неоднократно разбивалъ съ малыми силами многочисленнаго непріятеля; разбилъ станъ его, расположенный на высотахъ, окопанный ровомъ и защищаемый пушками; но не могъ овладѣть крѣпостію, имѣя только подъ ружьемъ тринадцать тысячъ человекъ; утомленныхъ трудами и непрерывными битвами. Въ 1774 г., вступилъ на престолъ Султанъ Абдулъ-Гамидъ, по воле брата своего Мустафы, Государь малодушный, преданный нынѣ, носившій одно именованіе Повелителя Оттомановъ; ибо вся власть была въ рукахъ сестры его и Верховнаго Визиря Махметъ Муеунъ-Заде. Театръ войны тогда перенесенъ былъ въ Булгарію: расположивъ лагерь на горахъ, Визирь, небывавшій генеральнаго сраженія, вывелъ противъ пятидесяти тысячъ Россіянъ двухъ сотъ тысячное войско. Между тѣмъ, какъ часть его арміи выступила изъ укрѣпленій, Румянцовъ съ нѣсколькими отрядами обошелъ Турецкій станъ, ворвался во флангъ, овладѣлъ многими орудіями, всѣмъ обозомъ. Въ то самое время Каменской, по распоряженію Главнокомандующаго, отразилъ Визирю всякое сообщеніе съ Адрианополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ. Страхъ объялъ всѣхъ Турокъ: они вышли изъ позиціонія, разсыпались во множествѣ. Визирь заговорилъ о мирѣ и согласился на всѣ условія, предписанныя ему побѣдителемъ. Кучукъ-Кайнарджескій договоръ, постановленный 10 Іюля, доставилъ

Крыжскимъ Татарамъ независимость; Россіи: Азовъ съ его областію; Керчь и Эникале въ Крыму; Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра и степь между этой рѣкою и Бугомъ; свободное плаваніе по Черному морю и черезъ Дарданеллы, даже до стѣнъ Константинополя; четыре милліона пять сотъ тысячъ рублей за военныя издержки.

Велики были заслуги, оказанныя Отечеству Руманцовымъ, но и награды, полученныя имъ отъ справедливой Монархини соответствовали быльи. Екатерина въ день мирнаго торжества, 10 Іюля 1775 года, пожаловала Графу Петру Александровичу: 1) наименованіе *Задумайскаго*, для прославленія черезъ то опаснаго перехода его чрезъ Дунай; 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) за разумное вождество: алмазами украшенный Фельдмаршальскій жезлъ; 4) за храбрый предпріятіа: шапку, алмазами обложенную; 5) за побѣды: лавровый вѣнокъ; 6) за заключеніе мира: маслячную вѣтвь (*); 7) въ знакъ Монаршаго благоволенія: крестъ и звѣзду ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанныя алмазами; 8) въ честь его и для поощренія примромъ его потомства: медаль съ его изображеніемъ; 9) для увеселенія его: деревню въ пять тысячъ душъ въ Бѣлороссіи; 10) на построеніе дома: сто тысячъ рублей изъ Кабинета; 11) для стола: серебряный сервизъ и 12) на убранство дома: картины. Этого мало: Екатерина умѣла и наградамъ своимъ прида-

(*) Лавровый вѣнокъ и маслячная вѣтвь были также осыпаны алмазами.

вать отличия, для возвышенія заслугъ и самой благодарности. Въ списокъ удостоенныхъ, 10-го Юля, Монаршаго благоволенія, первое мѣсто занималъ по старшинству Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, второе Румянцовъ, но Государыня хотѣла отличить послѣдняго передъ первымъ и собственною рукою прибавила къ его титулу слово *Господина*; между тѣмъ какъ Голицынъ наименованъ просто Генералъ-Фельдмаршаломъ! Она желала, чтобы *Задумайский*, по примѣру Римскихъ полководцевъ, имѣлъ въѣздъ въ столицу черезъ триумфальныя ворота на колесницѣ: скромный герой, привыкшій къ лагѣрной жизни, отказался отъ почестей и еще болѣе явилъ себя великимъ въ глазахъ соотечественниковъ! — Малороссія снова поступила подъ начальство его: оттуда Румянцовъ вызванъ былъ въ С. Петербургъ (1776 г.), для сопровожденія Наслѣдника Престола въ Берлинъ, по случаю назначеннаго бракосочетанія его съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртембергскою (*).

«Привѣтствую побѣдителя Оттомановъ,» — сказалъ Фридрихъ Великій Румянцову въ то время, какъ Фельдмаршалъ преклонилъ передъ нимъ побѣдоносное чело свое. — «Я нахожу великое сходство между вами и Генераломъ моимъ Винтерфельдомъ.» — *Государь!* — отвѣчалъ Румянцовъ — *для меня весьма бы лестно было хоть немного походить на Генерала, столь славно служившаго Фридриху.*» —

(*) Бывшею потомъ Императрицею Марією Фёдоровною.

«Нытъ— возрѣзавъ Король — «вы не стѣжь должно
«ны гордиться; но побѣдами вашими, которыя пере-
«скажутъ имъ Румянцова позднѣйшему потомству.»—
Уважая достоинства Россійскаго полководца, Король
приказалъ Военному Штабу своему явиться къ Ру-
мянцову съ почтеніемъ, съ поздравленіями; возло-
жилъ на него орденъ Чернаго Орла; собравъ вѣсь
гарнизонъ въ Цотсдамъ, представилъ приватное
Кагульское сраженіе, которымъ самъ вѣдводитель-
ствовалъ. Въ Берлинской Академіи Наукъ славный
Формей произнесъ рѣчь, въ которой выхваляя добле-
тели Наслѣдника Престола Россійскаго, вознулся и
Румянцова: «Да великая и процвѣтающая Имперія,
«предназначенная Вашему Высочеству — сказала
онъ — «всегда будетъ опираться на столбы столь
«же прочныя, каковыя и нынѣ поддерживаютъ ее:
«Да въ совѣтахъ Вашихъ первенствуютъ всегда Ми-
«нистры, въ арміяхъ Полководцы, одинаково люби-
«мые Минервою и Марсомъ. Да будетъ герой этотъ
«(здѣсь я невольнымъ образомъ предаюсь восторгу,
«ощущаемому мною при видѣ великаго Румянцова)
«долгое еще время ангеломъ хранителемъ Россіи!
«Распространивъ ужасъ своего побѣдоноснаго оружія
«за Дунаемъ, онъ нынѣ украшаетъ берега Шпрен
«доблестями, не менѣе славными, возбуждающими
«удивленіе. Но чтобы достойно возвеличить мужа,
«который съ храбростію Ахиллеса ссѣдываетъ до-
«бродѣтели Энея, надобно вызвать тѣни Гомера и
«Виргилія: голосъ мой для сего недостаточенъ.»—
Здѣсь должно прибавить, что въ этомъ собраніи Ру-
мянцовъ сѣдѣлъ подлѣ Короля, между тѣмъ какъ

два Принца Брауншвейгскіе и три Виртембергскіе стояли (*).

Возвратясь въ Отечество, Графъ Петръ Александровичъ вступилъ по прежнему въ управленіе Малороссією. Въ то время Потемкинъ, бывшій въ Турецкую войну подъ начальствомъ его, представлялъ первое лице въ Государствѣ; могуществомъ своимъ превосходя всѣхъ своихъ предшественниковъ. Благоволеніе Императрицы къ Кагульскому победителю не вымнилось: Она соорудила въ честь емуobeliskъ въ Царскомъ Селѣ; возложила на Румянцева орденъ Св. Владиміра 1-й степени въ самый день учрежденія оного (1782 г.); пожаловала его Подполковникомъ Конной гвардіи (1784 г.); наименовала Главнокомандующимъ Украинской арміи, выставленной противъ Турокъ въ 1787 году; но со всѣмъ тѣмъ Задунайскій представлялъ уже второстепеннаго предводителя: Потемкинъ былъ главнымъ. Тогда Екатерина предприняла путешествіе въ Тавриду: Румянцева встрѣтилъ Императрицу на границѣ Малороссійской и присединился къ особамъ, сопровождавшимъ Ее. На лицѣ этого знаменитаго воина — почти очевидныя черты его характера; смѣсь скромности и выскѣ гордаго благородства; которымъ всегда украшается истинное достоинство; внутренняя печаль и досада, чувствуемая имъ отъ предпочте-

(*) Изъ портретовъ Исторіографа Миллера, хранящихся въ Московск. Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

«нія, оказываемаго Потемкину; поначалу величественное зяло его: Онъ добиралъ изъясненіе неувольствованію; въ то время снакъ другіе Царедворцы тайно старались вредить любимому счастью; каторгій, кво адміно (Президента Военной Коллегии и перваго Министра, представлялъ къ наградѣмъ поднимъ только своихъ подчиненныхъ) странъ великолѣпныя зданія въ внутренности ему Наместничества; не-«вомъ, «красивою одеждой придавалъ блескъ; арміи «своей, между тѣмъ, какъ войны Румянцовъ носили «ветхія мундиръ, офицеры не получали поощреній, «казенныя работы приостановлялись въ Украйнѣ.» — Вражда эта въ томъ же году, по видимому, прекратилась: Потемкинъ, до открытія военныхъ дѣйствій, написалъ въ Зодунайскому письмо, называя себя умникомъ, геогр., и направлялъ советъ, или, лучше сказать, посылалъ, своего наставника.

— Между тѣмъ какъ Таврической осаждалъ Очаковъ (1788 г.), Румянцевъ, оставался въ Украйнѣ, быстро подвигалъ войска въ Молдавію и, предвидя, что соперникъ его будетъ претривать ему морду на ратномъ полѣ, свазался большимъ негационедатъ армію Потемкину, который присоединилъ ее къ своей. Удался (1789 г.), близи Кіева, въ мирное уединеніе, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, побдатель Оттомановъ дасково босвдевалъ съ своими поселенцами, воснакивалъ въ кругу оставныхъ военномъ дѣлахъ прошедшей славы. Любя чтеніе, даже подъ шумомъ военныхъ бурь, онъ посвящалъ тогда одному большую часть дня. *Вотъ мои умилели*, говорилъ Румянцовъ, указывая на книги. Нерядко, въ

простой одеждѣ и сиди на пнѣ, удляъ онъ рыбу. Однажды любопытные поевтители, прѣзвавшіе взглянуть на героя Кагульскаго, не могли различить его отъ другихъ. — «*Вотъ онъ* — сказала ииъ съ ласкою Румянцовъ: — *а наше дѣло города алякить, а да рыбку ловить.*» — Въ домъ его, богато убранномъ, находились и дубовые стулья. «*Если великолѣпная комната — говорилъ онъ своимъ приближеннымъ — а нушать мнѣ мысль, что я емше ково-либо изъ васъ: то пусть эти простые стулья ка-пожимаютъ, что и я такой же человекъ, какъ вы:*»

Такъ провелъ Румянцовъ нѣсколько лѣтъ: въ исходе 1791 года дошло до него извѣстіе о смерти Потемкина; великодушный герой не могъ удержаться отъ слезъ. «*Чему удивляеюсь вы?* — сказалъ онъ своимъ домашнимъ — *Потемкинъ былъ коимъ со-перникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго му-жа, а Отечество потеряло усерднѣйшаго сына.*» — Черезъ два года потомъ, Екатерина торжествовала миръ, заключенный съ Турціей, 1791 года, и не забыла Задунайскаго; онъ получилъ тогда шпагу, украшенную алмазмиа: за занятіе части Молдавіи въ началъ войны, какъ будто въ предзнаменованіе, что рука его должна еще ополчиться къ подвигамъ славы.

Въ 1794 году, 16 Мая, ввѣрено Румянцову главное начальство надъ войсками, расположенными отъ устья Днѣстра до предѣловъ Минской губерніи. Императрица собственноручно писала къ нему: «*Я слышала о лучшемъ состояніи теперь здоровья вашего, обрадовалась, и желаю, чтобъ оно дамо вамъ по-*

«ваши силы раздѣлить со Мною тягости Мои; ибо вы
 «сами довольно знаете, сколь Отечество помнить
 «васъ, держа незабвенно всегда заслуги ваши въ
 «сердцѣ своемъ; знаете также и то, сколь много и
 «все войско самое любить васъ и сколь оно пора-
 «дуются, услыша только, что обожаемый Велизарій
 «опять ихъ приемлетъ, какъ дѣтей своихъ, въ свое
 «домоченіе.»—Оставалось въ Украинѣ, онъ подвигалъ
 впередъ равные корпусы своей арміи, снабдилъ Су-
 ворова словесными наставленіемъ, сосредоточилъ
 полки подъ его знамена; и благоразумными распо-
 ряженіями содѣйствовалъ низложенію мятежа въ
 Подольѣ; награжденъ (1795 г.) похвальною грамотою,
 деревнями, домомъ съ приличнымъ убранствомъ и
 передъ онымъ памятникомъ, съ надписью: *Побѣдамъ
 Графа Румянцева-Задунайскаго* (*). Вскорѣ Императ-
 рица переселилась въ вѣчность (6 Ноября 1796 г.).
 Печальное извѣстіе это, полученное Румянцовымъ
 въ Ташани, чрезвычайно огорчило его. Сначала Им-
 ператоръ Павелъ I-й общелся съ нимъ весьма ми-
 лостиво, спрашивалъ совѣтовъ его по военной части;
 нарочные безпрестанно летали изъ С. Петербурга къ
 Кагульскому герою. Полководецъ Екатерининъ, на-
 дѣясь на свою силу и опытность, смѣло сообщалъ
 мысли свои; но онъ не все согласны были съ ви-
 дами Монарха.

(*) Памятникъ этотъ, поставленный на Царицыномъ лугу,
 передъ домомъ Румянцева, нынѣ находится на Ва-
 сильевскомъ островѣ, между Кадетскимъ Корпусомъ и
 Академіею Художествъ.

Параличный ударъ прекратилъ: (9 Декабря) слабую жизнь Румянцева. Необыкновенному вѣдью этому определено было родиться и умереть въ два значительныя эпохи для Россіи. Императоръ Павелъ I, съ памятью великихъ его Отчеству заслугъ, повелѣлъ издосидити военный трауръ на три дни.

Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій былъ высокаго роста; станъ имѣлъ стройный, величественный; физіономію пріятельскую, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей некоторую гордость; отличался превосходною памятью и крѣпкимъ сложеніемъ тѣла; не забывалъ никогда, что читалъ и видѣлъ; не зналъ болѣешия я на семидесятомъ году жизни своей могъ прождать верхокъ въ день: питьдесятъ веретъ. Она былъ набоженъ безъ суеврѣя; благоговѣлъ передъ Монархиною, умѣвшею возвеличить Россію, любилъ солдатъ, какъ дѣтей своихъ; заботился объ нихъ въ полѣ и на квартирахъ; одушевлялъ храбрыхъ воиновъ уврѣенностію въ побѣдѣ; былъ любимъ ими, не смотря на строгость свою и на частыя маневры (*); но изыскивая за малѣйшую несправность, обыкновенно трунилъ надъ подчиненными, не дѣлая ихъ несчастными. Однажды Задунайскій, обозрѣвая

(*) Румянцовъ — по словамъ Суворова — зналъ имена солдатъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ Кагульскаго сраженія узналъ онъ въ зародѣ Орла атороса, служащаго на той славной битвѣ рядовымъ; остановилъ его, назвалъ по имени, и поцѣловалъ. См. Анекдоты Суворова, стр. 7.

на разсѣять лагерь свой, приметилъ офицера, одымавинаго въ шалатъ, началъ съ нимъ разговаривать; всталъ его подъ руку, вывелъ изъ шалатки, прошелъ мимо войскъ и потомъ вступилъ вмѣстѣ въ шаторъ Фельдмаршальскій, окруженный Генералами и свитою Штабомъ. Съ умомъ прозорливымъ, основательнымъ, Румянцева соединялъ твердость, предприимчивость; былъ неустранимъ; не зналъ прекословія при исполненіи военныхъ предначертаній; не унывалъ среди опасностей, одаренный рѣшкимъ присутствіемъ духа: — «Задумайскаго — пишетъ Карамзинъ — можно смело назвать Тюреномъ Россіи. Онъ былъ мудрый полководецъ, зналъ своихъ некрѣпителей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ славному случаю и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отважнымъ, но былъ только проинимателемъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для победы; обожалъ славу, но могъ-бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обладавшій гениемъ натурь, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но оторвался-бы во глубинѣ сердца, еслибы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудобства.»

Еслибы герои Кагульскій имѣли какіе-либо недостатки: то они должны встѣпнуть во множествѣ

его отличныхъ качествъ и доблестныхъ подвиговъ, которые не умрутъ въ потомствѣ. Екатерина Великая, кромѣ двухъ памятниковъ, сооруженныхъ въ честь Румянцева, украсила еще мраморнымъ его бюстомъ Эрмитажъ. *«Онъ великій человекъ—говорилъ Императрица—человекъ Государственный; имѣетъ воинскія достоинства; не дюжакъ и храбръ умомъ, а не сердцемъ. Императоръ Юсифъ II всегда приказывалъ ставить за столомъ лишній приборъ для любезнаго своего Фельдмаршала. Суворовъ являлся къ нему въ полномъ мундирѣ и забывалъ при немъ шутки свои. Его покровительству обязана Россія славными Министрами: Безбородко и Завадовскимъ. Онъ имѣлъ отъ супруги своей, Графини Екатерины Михайловны, рожденной Княжны Голицыной, трехъ сыновей: Государственного Канцлера Графа Николая Петровича, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Графа Сергія Петровича и Оберъ-Шенка Графа Михайла Петровича. Съ женщиною втораго изъ нихъ (въ 1838 г.) пресѣклась фамилія Румянцовыхъ.*

Прахъ Задунайскаго покоится въ Киевопечерской Лаврѣ, у лѣваго крылоса Соборной церкви Успенія Св. Богородицы. Великолѣпный памятникъ, сооруженный старшимъ сыномъ его, не могъ, по огрѣнности, поставленъ быть на томъ мѣстѣ, но помѣщенъ при входѣ въ церковь съ южной стороны; гдѣ погребены два Архимандрита. Государственный Канцлеръ, съ Высочайшаго утвержденія, пожертвовалъ, въ 1805 году, капиталъ, изъ процентовъ котораго шесть особъ военно-служившихъ получаютъ каждый годъ по тысячи рублей, имѣя жительство

въ построенномъ для нихъ домѣ. Они обязаны, во время панихидъ, отправляемыхъ на память Фельд-маршала и церковнаго Соборнаго служенія, окружать его могилу. Ихъ избираетъ нынѣ Дума Военнаго ордена Св. Георгія.

27-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ЗАХАРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

=

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (*) родился въ 1722 году. Онъ былъ третій сынъ Генералъ-Аншефа Графа Григорія Петровича, который за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Шведовъ и полученныя имъ раны, награжденъ (1710 и 1714 г.) двумя портретами Петра Великаго, украшенными алмазами; безбоязненно говорилъ правду грозному Монарху; пожалованъ, въ званіи Сенатора, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1741 г.) и Графомъ Россійской Имперіи (1742 г.); скончался въ 1745 году.

(*) Чернышевы происходятъ отъ древней Польской фамиліи *Чернецкихъ*. — Родоначальникъ ихъ Иванъ Михайловичъ (который первый началъ писаться *Чернышевымъ*), выехалъ въ Россію въ исходъ XV столѣтія.

Рис. П. Шинкель

Графъ Захаръ Григорьевичъ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

Литог. Тюлева.

Имѣя только тринадцать лѣтъ отъ роду, Графъ Захаръ Григорьевичъ вступилъ въ военную службу (1735 г.) и въ началѣ 1741 года пожалованъ Капитаномъ. Вскорѣ (1742 г.) отправленъ онъ Дворяниномъ Посольства въ Вѣну, гдѣ находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ нашего Двора Людовикъ Ланчинскій, Польскій уроженецъ, известный съ 1707 года на дипломатическомъ поприщѣ (*). Подъ его руководствомъ Чернышевъ обогатилъ умъ свой разными познаніями, употребляя свободное время на усовершенствованіе себя въ иностранныхъ языкахъ. Онъ возвратился въ Россію (1744 г.) въ то самое время, какъ Наслѣдникъ Престола сочетался бракомъ съ Принцессой Ангальтъ-Цербстскою. Родительница Графа Чернышева пользовалась отличнымъ благоволеніемъ Императрицы Елисаветы Петровны: не трудно ей было помѣстить сына къ Великому Князю Камеръ-Юнкеромъ, съ чиномъ армейскаго Полковника. Умъ, любезность и ловкое обращеніе молодаго Чернышева пріобрѣли ему вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, умѣвшей различать людей: въ исходѣ 1745 года отправленъ онъ во Франкфуртъ на Сеймъ Имперскій Министромъ отъ Великаго Князя Петра Феодоровича, какъ Герцога Шлезвигъ-Голштинскаго, для охраненія правъ его, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился въ С. Петербургъ, нѣ приступивъ къ возложенному пору-

(*) См. біографію Ланчинскаго въ третьей части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, стр. 140—146.

ченію (*). Кратковременное отсутствіе Чернышева не уменьшило значенія его у Двора, которое пріятнымъ образомъ возрастало и послужило ему во вредъ; ибо, по неудовольствію Императрицы, онъ былъ удаленъ въ армію тѣмъ же чиномъ (1748 года).

Послѣ известнаго похода нашихъ войскъ на Рейнъ, Чернышевъ, участвовавшій въ ономъ, командовалъ С. Петербургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и произведенъ въ Генералъ-Маіоры 1750 года. Онъ присутствовалъ на Коллинской битвѣ (1757 года), знаменитой пораженіемъ Пруссакъ Фельдмаршаломъ Дауномъ; находился въ Австрійской арміи и въ началъ 1758 года; произведенъ въ Генералъ-Поручики; получилъ орденъ Св. Александра Невскаго: командовалъ гренадерами на Цорндорфскомъ сраженіи и, предводительствуя отдѣльнымъ корпусомъ, занялъ Берлинъ (1760 г.). Быстрая эта экспедиція стоила непріятелю пяти тысячъ человекъ, пятидесяти семи орудій и множества снарядовъ. Съ кончиною Елисаветы, политическія отношенія перемѣнились. Императоръ Петръ III ввѣрилъ Чернышеву начальство

(*) Полномочный Министръ нашъ Графъ Кейзерлингъ до-
несъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ: «что Графъ Чер-
нышевъ съ трудомъ можетъ быть употребленъ на Им-
перскомъ Регенбургскомъ Сеймѣ для того, что онъ
«есть особа, Греческой, а не Лютеранской Заковъ ис-
повѣдающая, и что по сему многія препятствія и за-
трудненія при Сеймѣ причиняются, а слѣдовательно
«и интересамъ Великаго Князя больше поврежденія,
«нежели пользы быть можетъ.»

надъ войсками Россійскими, присоединенными къ Прусской арміи (1761 г.): Фридрихъ Великій возложилъ на него орденъ Чернаго Орла; Екатерина II пожаловала Генераль-Аншефомъ и, въ день своего коронованія, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1762 г.). Онъ былъ верховнымъ Церемоніимейстеромъ при этомъ торжественномъ обрядѣ. Вслѣдъ за тѣмъ Графъ Чернышевъ, удостоенный особенною довѣренностію Императрицы, определенъ Вице-Президентомъ Военной Коллегіи (1763 г.), а въ 1773 году (22 Сентября) получилъ чинъ Генераль-Фельдмаршала и достоинство Президента, но вскорѣ (1774 г.) лишился этой должности, имѣя помощникомъ Потемкина, который находился въ то время во всей силѣ и вездѣ любилъ первенствовать.

Около двѣнадцати лѣтъ Графъ Чернышевъ съ примѣрнымъ искусствомъ и отличнымъ успѣхомъ управлялъ Военной Коллегіею: при немъ изданы штаты, положенія и инструкціи для полковъ; водворены въ войскахъ лучшій порядокъ и благоустройство. Онъ содѣйствовалъ въ присоединеніи Бѣлоруссіи къ Имперіи нашей, пожалованъ первымъ Генераль-Губернаторомъ этой Области (1772 г.); образовалъ изъ оной два Намѣстничества Могилевское и Псковское; отдѣлалъ дороги; переведенный въ Москву Градоначальникомъ (1782 г.), обновилъ, украсилъ древнюю столицу многими зданіями; награжденъ Императрицею орденомъ Св. Владиміра первой степени въ день учрежденія онаго; скончался въ Москвѣ 29 Августа 1784 года, на шестьдесятъ третьемъ отъ рожденія.

Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пламенно любилъ Монархину, Отечество и славу; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; отличался прозорливостію, трудолюбіемъ, правотою; но былъ строгъ въ дѣлахъ, угрюмъ, особливо по утрамъ, неприступенъ; давалъ приказанія въ полголоса; подчиненные трепетали предъ нимъ. Со всѣмъ тѣмъ Графъ Чернышевъ имѣлъ доброе сердце: однажды купецъ Московскій вручилъ ему просьбу, наполненную оскорбительными для него выраженіями: *«Возьми обратно свое прошеніе — сказалъ Чернышевъ — ты купецъ, я Фельдмаршалъ, слѣдовательно не могу обижаться твою бранью. Сожгую переписать бумагу, если не желавшь, чтобы она послужила тебѣ во вредъ.»* Въ числѣ друзей Чернышева находился Платонъ, Митрополитъ Московскій. Главнокомандующій, Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (*), осуждалъ при немъ, въ присутствіи многихъ, дѣйствія своего предѣстника, Графа Захара Григорьевича. *«У насъ мало въ Россіи людей, подобныхъ Чернышеву и Румянцову — сказалъ Платонъ; — на кого ни посмотримъ все Брюсъ, да «Платонъ.»* — Графъ Чернышевъ, дѣйствительно, занимаетъ въ Россіи первое мѣсто между Градодержателями, не молчалъ и въ Совѣтахъ Государственныхъ; но былъ второстепенный Полководецъ. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ называетъ его въ письмѣ

(*) См. объ немъ, въ первой части, въ концѣ біографіи Графа Якова Вилимовича Брюса.

къ Д. И. Фонъ-Визину: *Военнымъ Министромъ и
комнатнымъ Генераломъ* (*).

О возвышенномъ характеръ Чернышева, можно судить по слѣдующему анекдоту: «*Что новаго?*» — спросилъ онъ у одного знакомаго своего, въ 1779 году. — «Слышно, что Репнину дали Андреевскій орденъ.» — «*Какъ дали?*» — отвѣчалъ Чернышевъ — «*Мнѣ его дали и тебѣ могутъ дать; а Репнину самъ его взялъ.*»

(*) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ: Аннѣ Родіоновнѣ и Марьѣ Родіоновнѣ. Отецъ ихъ, Баронъ Вейдель, служилъ Генералъ-Поручикомъ; мать была родная сестра Генерала Пасека. Онъ лишился родителей въ малолѣтствѣ, взятъ во Дворецъ Императрицю Елисаветю Петровною, получили отличное воспитаніе и, потомъ, пожалованы Фрейлихами.

28-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЬ
ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

—

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, сынъ отставнаго Маіора, служившаго въ гарнизонномъ полку, родился, Смоленской губерніи, Духовщинскаго уезда, въ небольшой деревнѣ отца своего, Чижовѣ, въ Сентябрь 1736 года. Онъ произошелъ отъ древней дворянской фамиліи, переселившейся изъ Польши въ Россію и въ малолѣтство Петра Великаго довольно знаменитой (*). Назначает-

(*) Въ числѣ предковъ Князя Григорія Александровича находился Окольничій Петръ Ивановичъ Потемкинъ, известный своими Посольствами въ Испанію, Францію (1668 и 1680 г.), Англію (1681 г.) и въ Давію.— См. объ немъ въ четвертой части моего *Словаря достопамятныхъ людей Русской земли*, стр. 186-192.

Князь Григорій Александровичъ

ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Литогр. М.Тюлева.

мый въ духовное званіе, Потемкинъ обучался сначала въ Смоленской Семинаріи, потомъ отправленъ въ Московскій Университетъ. Здѣсь посѣщаль онъ съ большимъ прилежаніемъ лекціи Профессоровъ, оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ, *желая* — какъ твердилъ товарищамъ своимъ — *быть непременно Архіереемъ, или Министромъ*; получилъ золотую медаль (1756 г.) и вскорѣ соскучился единообразнымъ ученіемъ, пересталъ ходить въ Университетъ, выключенъ изъ онаго (*), обращался съ одними монахами, бесѣдуя въ Законоспасскомъ и Греческомъ монастыряхъ о догматахъ вѣры. Казалось, юноша, одаренный отъ природы колоссальнымъ ростомъ, мужественною красотой, умомъ бѣглымъ, памятью необыкновенною, готовилъ себя къ ношенію митры: вышло противное. Честолюбивый нравъ его не могъ довольствоваться саномъ пастыря Церкви, желалъ повелѣвать многими, гонялся за славою и внушилъ ему счастливую мысль сблизиться съ Дворомъ военною службой. Въ числѣ духовныхъ, которыхъ посѣщаль Потемкинъ, находился Амвросій Зертисъ-

(*) Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 года) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ Университета *за неповаженіе*, имя *Григорія Потемкина*. — *Помните ли* — сказала, потомъ, Князь Таврическій Профессору Барсову, во время славы своей и могущества. «*какъ вы выключили меня изъ Университета?*» — «*Ваша «Святость» тогда сего заслуживали*» — отвѣчалъ бывший наставникъ его.

Каменскій, бывший тогда Архіепископомъ Крутицкимъ и Можайскимъ: онъ одобрилъ его намѣреніе и далъ ему на дорогу пятьсотъ рублей (*). Изъ келліи монастырской Потемкинъ перенесся къ берегамъ Невы и вскорѣ принятъ въ Конную гвардію; обучался Французскому языку въ свободное время. Онъ былъ Вахмистромъ этого полка, когда вступила на Престолъ Екатерина II (1762 г.); находился въ Ея свитѣ и услышавъ, что Императрица желаетъ имѣть темлякъ на шпагъ, сорвалъ свой собственный, подъялъ къ Государынь и осмѣлился поднести оный. Ретивая лошадь Потемкина, привыкшая къ эскадронному ученію, поравнялась съ лошадью Императрицы и, не смотря на все усилія ея, упорствовала удалиться. Екатерина улыбнулась, взглянула на отважнаго всадника, спросила о его фамиліи, пронадела на другой день (29 Іюня) Потемкина офицеромъ гвардіи, потомъ Подпоручикомъ и Камеръ-Юнкеромъ, приказавъ выдать ему двѣ тысячи рублей. Онъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ къ Министру нашему при Шведскомъ Дворѣ, Графу Остерману, съ уведомленіемъ о послѣдовавшей перемѣнѣ въ Правленіи.

Возвратясь въ С. Петербургъ, Потемкинъ старался сблизиться съ Орловыми, которые находились

(*) Это передалъ мнѣ покойный мой родитель, родной племянникъ Пр. Амвросія. Потемкинъ нѣсколько разъ вспоминалъ потомъ объ этихъ деньгахъ, говоря: что онъ ему долженъ; но постарается заплатить съ процентами. Родитель мой ни о чемъ не просилъ его: тѣмъ и кончилась общанія.

во всей своей силѣ, былъ принятъ въ общество Императрицы, гдѣ любезность и простота замѣняли принужденныя обыкновенія, прикомандированъ, потомъ, будучи Поручикомъ, къ Оберъ-Прокурору Св. Синода Ивану Ивановичу Мелвину. Въ 1768 году онъ имѣлъ уже чинъ Дѣйствительнаго Камергера и Секундъ-Ротмистра Конной гвардіи. Тогда началъ Потемкинъ обдумывать планъ своего возвышенія и могущества, не довольствуясь полученными наградами; желалъ большаго и, чувствуя свои преимущества передъ другими, увѣренъ былъ въ успѣхѣ.

Въ 1769 году возгорѣлась война съ Турціею. Потемкинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы удалиться на некоторое время изъ столицы; служилъ сначала подъ знаменами Генералъ-Аншефа Князя Голицына, потомъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Графа Румянцева: участвовалъ 19 Іюня, въ пораженіи Генералъ-Маіоромъ Княземъ Прозоровскимъ двадцатитысячнаго Турецкаго войска, перешедшаго у Хотина на лѣвый берегъ Днѣстра и желавшаго пробраться къ Каменцу-Подольскому; въ овладѣніи, 2 Іюля, Турецкими укрѣпленіями подъ Хотинскимъ; пожалованъ въ Генералъ-Маіоры за *оказанную храбрость и опытность въ военныхъ дѣлахъ*; предводительствуя отрядомъ конницы, отличилъ себя въ сраженіи, 29 Августа, на которомъ Верховный Визирь, Молдованджи Паша, и Крымскій Ханъ были совершенно разбиты и обращены въ бѣгство.

Графъ Румянцовъ, принявъ главное начальство надъ арміею послѣ Князя Голицына и угадывая, какая участь ожидала Потемкина, доставлялъ ему

случаи пожинать лавры: онъ увѣнчалъ себя новою славой, въ началѣ Января 1770 года, въ окрестностяхъ Фокшанъ, опрокинулъ (4 числа) за рѣку Милку, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Графомъ Подгоричани, Турецкій десяти тысячный корпусъ, предводимый Сулиманъ Пашею и Сераскиромъ Румели-Валаси; положилъ на мѣсть тысячу человекъ, отнялъ пять орудій, два знамя и пять фуръ съ порохомъ; содѣйствовалъ (4 Февраля) Генералъ-Поручику Штофельну въ овладѣніи Журжею; преслѣдовалъ непріятеля, обращеннаго въ бѣгство Румянцовымъ, 17 Іюня, близъ Рябой-Могилы; участвовалъ въ битвахъ Ларгской (7 Іюля) и Кагульской (21 Іюля); отразилъ на послѣдней Хана Крымскаго, намѣревавшегося ударить въ тылъ Русской арміи; награжденъ орденами Св. Анны и Св. Георгія третьяго класса; принялъ дѣятельное участіе въ зайтіи Измаила Генералъ-Поручикомъ Княземъ Репнинымъ; первый вступилъ въ предместье Кишин, когда оно было объято пламенемъ; съ успѣхомъ отразилъ (1771 г.) нападенія Турокъ на Краіовъ; вытѣснилъ ихъ изъ Цимбры; освободилъ находившихся въ этомъ городѣ Христіанъ; сжегъ нѣсколько непріятельскихъ судовъ на Дунавъ и четыре магазина, наполненные мукою и сухарями; обратилъ въ бѣгство четырехъ тысячный отрядъ Турецкій (17 Мая) на походѣ къ рѣкѣ Ольтъ; держалъ въ осадѣ крѣпость Турну, вмѣстѣ съ Генералъ-Маіоромъ Гудовичемъ; предводительствуя небольшою флотиліею (въ Октябрѣ), дѣлалъ поиски на правомъ берегу Дуная, подходилъ къ Силистріи. Въ 1772 году происходили перегово-

ры о мирѣ, и Потемкинъ провелъ это время, большею частію, въ шлафрокъ или лежа на софѣ, погруженный въ размышленіе. Между тѣмъ онъ произведенъ въ Генераль-Поручики за прошедшую службу.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій (1773 г.) Потемкинъ снова обнажилъ мечъ свой: переправился черезъ Дунай въ виду многочисленнаго непріятеля, 7 Іюня; участвовалъ въ разбитіи Османа Паши подъ Силистріей, въ овладѣніи его лагеремъ. Эти подвиги Потемкина остались безъ награжденія. Оскорбленный Полководецъ, всегда предприимчивый, отправился въ С. Петербургъ и рѣшился написать слѣдующее письмо къ Императрицѣ (*): «Всемилющійшая Государыня! Опредѣлилъ я жизнь мою для «службы Вашей, не шадилъ ее отнюдь, гдѣ только «былъ случай къ прославленію Высочайшаго Имени. «Сіе поставя себѣ простымъ долгомъ, не мыслилъ «никогда о своемъ состояніи и если видѣлъ, что мое «усердіе соответствовало Вашему Императорскаго Величества волю, почиталъ уже себя награжденнымъ. «— Находясь почти съ самаго вступленія въ армію «Командиромъ отдѣленныхъ и къ непріятелю всегда «близкихъ войскъ, не упустилъ я наносить оному «всевозможнаго вреда: въ чемъ ссылаюсь на Командующаго арміею и на самихъ Турокъ. — Отнюдь не «побуждаемъ я завистію къ тѣмъ, кои моложе меня, «но получили лишніе знаки Высочайшей милости, а «тѣмъ единственно оскорбляюсь, что не заключаюсь»

(*) 27 Февраля 1774 года.

«ли я въ мысляхъ Вашего Величества меньше прочихъ достоинъ? Снмъ будучи терзаемъ, принялъ «дерзновеніе, павъ ко священнымъ стопамъ Вашего «Императорскаго Величества, просить, ежели служба моя достойна Вашего благоволенія и когда щедрота и Высокомонаршая милость ко мнѣ не оскудѣвають, разрешить сіе сомнѣніе мое пожалованіемъ «меня въ Генераль-Адъютанты Вашего Императорскаго Величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, «а я приму за верхъ моего счастья, тѣмъ паче, что «находясь подъ особливимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, удостоюсь принимать премудрыя Ваши повелѣнія и, вникая въ «оныя, сдѣлаюсь вѣще способнымъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества и Отечества.» — На другой день Потемкинъ удостоился получить слѣдующій собственноручный рескриптъ: «Господинъ «Генераль-Поручикъ! Письмо ваше Г. Стрекаловъ «Мнѣ сего утра вручилъ и Я просьбу вашу нашла «столь умеренною въ разсужденіи заслугъ вашихъ, «Мнѣ и Отечеству учиненныхъ, что Я приказала «изготовить указъ о пожалованіи васъ Генераль-«Адъютантомъ. Признаюсь, что и сіе Мнѣ весьма «пріятно, что довѣренность ваша ко Мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко Мнѣ, а не искали побочныхъ дорогами. «Впрочемъ пребываю къ вамъ доброжелательная «Екатерина (*).»

(*) Изъ портфелей Миллера, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Иностр. дѣлъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Потемкинъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго (1774 г.); началъ посещать по прежнему общества Императрицы; былъ веселъ, занималъ собою другихъ; потомъ сдѣлался пасмурнымъ, задумчивымъ, оставилъ совсѣмъ Дворъ, удалился въ Александрo-Невскій монастырь; объявилъ, что желаетъ постричься, учился тамъ церковному уставу, отстригъ бороду, носилъ монашеское платье. Такъ необыкновенный человекъ этотъ пролагалъ дорогу къ своему возвышенію! Душевная скорбь его и уныніе не остались сокрытыми отъ Двора, возбуждали любопытство и жалость онаго, и вскорѣ временный отшельникъ сбросилъ черную одежду и явился среди изумленныхъ царедворцевъ во всемъ блескѣ любимца счастія. Въ томъ же году пожалованъ онъ Генераль-Аншефомъ, Военной Коллегіи Вицъ-Президентомъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Подполковникомъ и (25 Декабря) кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Въ слѣдующемъ году (1775) получилъ орденъ Св. Георгія второго класса за ратные подвиги противъ Турокъ въ прошедшую кампанію; назначенъ Генераль-Губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властію и преимуществами Царскаго Намѣстника, а по заключеніи съ Портою Оттоманской мира, награжденъ (10 Юля): за *споспѣшествованіе къ оному добрыми совѣтами* Графскимъ достоинствомъ Россійской Имперіи; за *храбрые и неутомимые труды* шпагою, осыпанною алмазами, и *въ знакъ Монаршаго за то благоволенія* портретомъ Императрицы для ношенія на груди.

Сначала Потемкинъ не имѣлъ большаго вліянія на дѣла Государственныя, хотя и пользовался совершенною довѣренностію Екатерины, жилъ въ Дворцѣ, гдѣ ежедневно поклонники рабобѣдствовали передъ нимъ, въ то время какъ онъ, лежа на диванѣ, не обращалъ на нихъ вниманія. Въ 1776 году, Императрица пожаловала его Поручикомъ Кавалергардскаго Корпуса и исходатайствовала ему Княжеское достоинство Имперіи Римской съ титуломъ *Септимальшаго*. Между тѣмъ возрастающее могущество Потемкина заставило и другихъ Государей искать въ немъ: Король Польскій препроводилъ къ нему орденъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава; Фридрихъ Великій поручилъ брату своему, Принцу Генриху, возложить на него ленту Чернаго Орла; Датскій Король прислалъ орденъ Слона, Шведскій орденъ Серафима.

Сдѣлавшись необходимымъ для Екатерины Великой, гордый вельможа, увѣренный въ своей силѣ, отправился (1777 г.) въ подчиненное ему Намѣстничество для поправленія разстроеннаго здоровья. Царедворцы, враги Потемкина, радовались удаленію его; но путешествіе это было основано на утонченной политикѣ: онъ уклонился на время для того только, чтобы достигнуть потомъ вѣрнѣе предполагаемой цѣли. На дорогѣ вездѣ строили въ честь его триумфальныя ворота, говорили ему привѣтственныя рѣчи, давали праздники. Екатерина подарила ему Аничковскій дворецъ и пожаловала восемьдесятъ тысячъ рублей на поправку мебели; но Потемкинъ, возвратясь въ столицу, остановился по прежнему

въ Зимнемъ дворцѣ и потомъ переехалъ въ смежный съ онымъ, принадлежащій Эрмитажу (1777 г.). Здѣсь приступилъ онъ къ давно обдуманному имъ плану относительно изгнанія Турокъ и Татаръ изъ Европы, восстановления Греческой Имперіи. Увѣряють, будто-бы Потемкинъ намѣревался основать тамъ независимое Государство. Положено было, прежде, овладѣть Крымомъ: Екатерина вооруженною рукою утвердила (1777 г.) Ханомъ Шагинъ-Гирея, не смотря на угрозы Порты. Многія семьи Грековъ и Армянъ переселены изъ Тавриды въ Россію. При устьѣ Днѣпра основанъ Потемкинымъ Херсонъ съ корабельною гаванью (1778 г.). Тщетно Фридрихъ Великій старался убѣдить Императрицу къ постановленію оборонительнаго союза съ Турціею, лаская честолюбіе Потемкина Курляндскимъ Герцогствомъ; онъ не перемѣнилъ образа мыслей и умѣлъ склонить на свою сторону Императора Іосифа II въ бытность его въ Россіи (1780 г.). Столь же неудачны были и усилія Англійскаго Министерства отвлечь Россійскій Дворъ посредствомъ Потемкина отъ вооруженнаго нейтралитета: вѣрный исполнитель великихъ намѣреній Екатерины не пожертвовалъ выгодами Отечества для своихъ собственныхъ. Въ 1782 году, по его представленію, какъ Екатеринославскаго Генералъ-Губернатора, многія пустыни Новороссійскія заселены людьми, вышедшими изъ разныхъ другихъ областей Имперіи. Тогда Екатерина II учредила орденъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра и возложила оный на Потемкина. Вскорѣ Крымскія дѣла отозвали его въ Херсонъ. Между тѣмъ, какъ происходили

переговоры съ Ханомъ и верховными начальниками народовъ Кубанскихъ, Потемкинъ несколько разъ вздигъ въ С. Петербургъ; наконецъ ласкою, убѣжденіями, золотомъ и грознымъ вооруженіемъ умѣлъ онъ склонить Шагинъ-Гирей къ уступкѣ полуострова Россіи (*). Важный подвигъ этотъ, къ безсмертной славѣ Потемкина, совершень (1783 г.) безъ всякаго кровопролитія. Таманъ и вся страна Кубанская присоединены также къ Имперіи нашей. Твердость и дѣятельность Булгакова (**), упрочилъ эти пріобрѣтенія за Россією на вѣчныя времена.

Въ началѣ 1784 года (2 Февраля) Екатерина, признательная къ заслугамъ, пожаловала Потемкина Президентомъ Военной Коллегіи съ чиномъ Генералъ-Фельдмаршала, Екатеринославскимъ и Таврическимъ Генералъ-Губернаторомъ и Шефомъ Кавалергардскаго полка. Тогда открылось новое поле

(*) Шагинъ-Гирей удалился въ Россію, гдѣ получалъ пенсію отъ Императрицы; потомъ, соскучась, отправился въ Турцію и былъ, удавленъ, по приказанію Султана.

(**) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, товарищъ Потемкина по Университету, находился тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ въ Константинополѣ. Онъ заключилъ, 28 Декабря, съ Турецкими Полномочными актъ: объ уступкѣ Россіи Турціей Крымскаго полуострова. «Вы приписываете это мнѣ— писалъ Потемкинъ Булгакову—«и тѣмъ увеличиваются «еще болѣе заслуги ваши! Все отъ Бога; но вамъ обдана «Россія и сами Турки: ваша твердость, дѣятельность «и умъ отвратили войну. Турки были-бы побѣждены; «но Русская кровь также-бы потекла!»

для необрѣзательнаго ума его: онъ выдалъ (1786 г.) уставъ, въ которомъ съ великою точностію означены были издержки каждаго полка; перемѣнилъ невыгодную одежду войскъ Русскихъ, велѣлъ отбрасывать носы, бросить пудру; одѣлъ солдата въ куртку, покойныя шаравары, полусапожки и удобную, красную каску; передвигалъ безпрестанно полки съ одного мѣста на другое, чтобы они въ мирное время не приучались къ лѣтѣ. Въ Тавриду, взвѣренной его попеченію, дикія степи превратились въ плодородныя поля, гдѣ повсюду видны были многочисленныя, прекрасныя стада, благословенныя нивы, богатые ослонія, возвышались многолюдные города. Чтобы прикрыть границы отъ непріятельскихъ нападений и содержать въ страхѣ Татаръ и другіе кочующіе народы онъ протянулъ цѣпь войскъ на берегу Кубани; Севастополь и Херсонъ наполнились флотами; Русскій флагъ развѣвалъ свободно на Черномъ морѣ.

1787 годъ достопамятенъ въ жизни Потемкина: Екатерина очастливила своимъ посѣщеніемъ Херсонъ и Тавриду. Тогда большія дороги и хребты горъ оживлены были разноцвѣтными огнями; Дивуръ покрытъ великолѣпными галерами; вездѣ сооружены дворцы; лѣса превращены въ Англійскіе сады. «Путешествіе Императрицы — описываетъ сопровождавшій Ея Принцъ де Линь — «можно назвать волшебствомъ. На каждомъ почти шагу встрѣчались мы нечаянное, неожиданное. Тамъ видѣли «эскадры, тамъ конные отряды, тамъ освѣщеніе, «на нѣсколько верстъ простиравшееся; здѣсь сады,

«въ одну ночь сотворенныя! Повсюду увѣнчалась «Екатерина торжествами, изъявленіями благодарности, благоговѣнія и восторговъ.» На воротахъ: въ Перекопѣ изображена была слѣдующая надпись; сочиненная Потемкинымъ: *Предпослала страхъ и принесла миръ (1787 г.)*; въ Кременчугѣ: *Возродительница сихъ странъ.* Въ провозѣ черезъ Таврическую область сопутникомъ Императрицы былъ Юсифъ, прибывшій подъ именемъ Графа Фалкенштейна. Возвратясь въ С. Петербургъ, Екатерина повелѣла Правительствующему Сенату изготovitъ похвальную грамоту, съ означеніемъ подвиговъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина: въ присоединеніи Тавриды къ Имперіи Россійской, въ успѣшномъ заведеніи хозяйственной части и населеніи губерніи Екатеринославской, въ строеніи городовъ и въ умноженіи морскихъ силъ на Черномъ морѣ, съ прибавленіемъ ему именованія *Таврическаго.* — Англія и Пруссія вооружили въ томъ году Порту Оттоманскую противъ Россіи: въ Константинополь требовали отъ нашего Посланника Булгакова возвращенія Крыма, заключивъ его въ семибашенный замокъ. 9-го Сентября былъ обнародованъ Манифестъ о войнѣ съ Турками. Предводителями войскъ назначены Румянцовъ-Задунайскій и Потемкинъ-Таврическій. Первому ввѣрена Украинская армія; второму Екатеринославская.

28. Іюня (1788 г.) Потемкинъ явился подъ Очаковымъ и въ виду этого города занялъ станъ свой при Дивпровѣскомъ устьѣ. 25 Іюля, онъ обозрѣвалъ устраиваемый редутъ къ берегу Чернаго

моря на пушечный выстрѣлъ отъ непріятеля. Ядры сыпались изъ крѣпости со всѣхъ сторонъ; находившіеся въ свѣтъ Главнокомандовавшаго Генераль-Маіоръ Синельниковъ и Козакъ были смертельно ранены; послѣдній испустилъ жалостный вопль. «*Что ты кричишь?*» — сказалъ ему Потемкинъ съ твердостію духа и хладнокровно распоряжалъ работами. Дорожа кровью себя подобныхъ, онъ не хотѣлъ изъ честолюбивыхъ видовъ жертвовать жизнию человѣческою и рѣшился тѣсною осадой принудить Турокъ къ сдачѣ. Въ половинѣ Августа кончены были батареи наши. Гарнизонъ Очаковскій защищался отчаянно, повторялъ свои вылазки. 7 Сентября, Потемкинъ открылъ сильный огонь со всѣхъ своихъ батарей, для воспрепятствованія осажденнымъ поправлять поврежденные укрѣпленія. Между тѣмъ Турецкій флотъ потерпѣлъ сильное пораженіе на Ливанѣ; отдѣльные отряды Потемкина наносили страхъ и опустошеніе за Кубанью и на берегахъ Анатолійскихъ; Березанскій островъ съ крѣпостью занятъ храбрыми Черноморскими Козаками (7 Ноября). Въ великолѣпной землянкѣ своей, подъ громомъ пушекъ, среди движеній ратныхъ, Князь Тавриды находилъ время бесѣдовать съ Музами, писалъ стихи, переводилъ Церковную Исторію Аббата Флери. Настала сильная стужа, сопровождаемая большими спѣгами. Непріятель сдѣлалъ изъ Очакова вылазку (11 Ноября), но былъ отбитъ. Положеніе войска становилось безпрестанно тягостнѣе. Усилившіяся болѣзни каждый день похищали множество людей. Солдаты просили своего Полководца

вести ихъ противъ ~~мечетникова~~ города, который хотѣли превратить въ гробъ врагамъ Христіанства. Дедъ, покрывшій Лиманъ, представлялъ удобство напасть на Очаковъ съ той стороны, укрѣпленной слабѣ прочихъ. Потемкинъ рѣшился взять крѣпость приступомъ, назначилъ для сего день Св. Николая и на канунъ нѣсколько разъ осматривалъ неприятельскіе ретраншаменты, подъ самыми пушками; ободрялъ солдатъ: обещалъ имъ отдать городъ въ полную волю, если только они возмуть его. Все приготовленія къ приступу были сдѣланы. Подоже но въ одно время напасть на ретраншаментъ нагорный, на Гассанъ Пашинскій замокъ и на самую крѣпость. Потемкинъ раздѣлилъ армию на шесть колоннъ: четыре, подъ предводительствомъ Князя Репнина, должны были действовать на правомъ крыльѣ; двѣ, подъ начальствомъ Генерала отъ артиллеріи Меллера (*) на лѣвомъ; обратилъ остальные полки въ два резерва; велѣлъ быть при нихъ конницы, а легкимъ войскамъ наблюдать со стороны Днѣстра. Наступилъ роковой день (6 Декабря): Главнокомандовавшій повторилъ приказаніе, чтобы войска, на-

(*) Иванъ Ивановичъ Меллеръ, Генералъ отъ артиллеріи, кавалеръ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Георгія второго класса и Св. Владиміра первой степени, возведенъ былъ, *во уваженіе отличныхъ заслугъ*, въ Баронское достоинство Россійской Имперіи, съ наименованіемъ *Меллеромъ - Закомельскимъ* (1789 г.). Умеръ отъ полученной имъ раны подъ Кілією 10 Октября 1790 года.

значенныя на приступъ, но заминался пареструвлюю, действовали итынами со всевозможною быстротою; отвѣтъ молодецкъ и въ семь часовъ утра началось нападеніе. Непріятель отчаянно защищался; но огонь его орудій, глубина рововъ, высокіе валы в палисады, адскій зѣвъ взорванныхъ подкоповъ не остановили Русскихъ воиновъ: они шли впередъ по гудамъ неприятелискихъ тѣлъ и по трунамъ своихъ братьевъ, опрокидывали все, нападавшееся имъ на встрѣчу — и Очаковъ завоеванъ! — Потемкинъ оставался во время приступа на одной батарее и, подперши рукою голову, повторялъ безпрестанно: *Господи помилуй!* Онъ принужденъ былъ сдержать свое роковое слово: позволенъ жестокому войску три дни грабить взятый городъ Крокъ богатой добычи, триста десять пушекъ и жортырь, сто восемьдесятъ знаменъ и множество оружія достались побѣдителямъ. Въ числѣ пленныхъ находились: Главнѣй Начальникъ вражески, трехъ-бунчужной Паша Гюссемъ и три Чектырь-Бей, комендантские на галерахъ и вышнѣе достоинство двухъ-бунчужныхъ Пашей. Жестокая зима не позволила зарыть въ землю всѣхъ труповъ; Фельдмаршалъ приказалъ бросать убитыхъ неприятели на ледъ, чтобы они приплыли къ Турецкимъ берегамъ. — Многие изъ нихъ служили пищею голоднымъ волкамъ и хищнымъ птицамъ. — Онъ получалъ за взятіе Очакова давно желанный имъ орденъ Св. Георгія первой степени и сто тысячъ рублей; а за побѣды на Диманъ осыпанную брилліантами и украшенную лаврами шапку въ двадцать тысячъ, съ надписью:

Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, усильями уепчанскому. Она прислана къ нему на золотомъ блюде, на которомъ было вырѣзано: Командующему Екатеринославскою сухопутною и морскою силою, яко строителю военныхъ судовъ.

Осматривая въ началѣ 1789 года Очаковскую степь, Князь Таврическій обратилъ особенное вниманіе на удобство мѣста, гдѣ рѣка Ингуль впадаетъ въ Бугъ, и приступилъ къ заложенію при ономъ корабельной верфи. Мѣсто это Потемкинъ наименовалъ *Николаевымъ*, желая воздать долгъ благодарности покровителю Русскаго оружія, Св. Чудотворцу Николаю. Вскорѣ получилъ онъ позволеніе явиться въ С. Петербургъ, гдѣ ожидалъ его блистательный пріемъ. Нѣсколько дней до пріѣзда покорителя Очакова освѣщаема была каждую ночь дорога, ведущая въ столицу, на разстояніи двадцати верстъ. Императрица предупредила его своимъ посѣщеніемъ и потомъ объявила на предворномъ балѣ: что *пришла отъ Князя Потемкина*. Такъ Екатерина умѣла награждать заслуги подданныхъ! Царедворцы давали ему праздники, стараясь на перерывъ прѣзойти другъ друга великолѣпіемъ и пышностію. Передъ отъѣздомъ изъ С. Петербурга Потемкинъ получилъ отъ Государыни сто тысячъ рублей, Фельдмаршальскій жезлъ, украшенный брилліантами и обвитый богатымъ лавровымъ вѣнкомъ, орденъ Св. Александра Невскаго, для ношенія на груди, укрѣпленный къ драгоценному солитеру, стоившему сто тысячъ руб-

лей (*) и шесть милліоновъ на продолженіе военныхъ дѣйствій.

Въ Турціи владычествовалъ тогда Селимъ III, племянникъ Абдулъ-Гамида, Государь юный лѣтами, но отважный. Расточая золото, чтобы шадеть кровь человеческую, Потемкинъ умѣлъ склонить на свою сторону Султаншу Валиду и Капитана Пашу, который содѣйствовалъ потомъ въ умерщвленіи Верховнаго Визиря, явнаго врага Россіи. Победы при Галацѣ Генерала Дерфельдена; при Фокшанахъ и подъ Рымникомъ Суворова; на рѣкѣ Салчѣ Решнина и сдача Бендеръ (5-го Ноября) Князю Таврическому — ознаменовали кампанію 1789 года. Любопытно, что во время осады этой крѣпости, Потемкинъ осматривалъ работы въ Фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ орденахъ: ядра свистѣли около него; одно упало въ нѣсколькихъ шагахъ и забросало его землею. «*Турки съ меня щелятъ — сказалъ съ спокойнымъ видомъ герой, — но Богъ защитникъ мой: Онъ отразилъ этотъ ударъ.*» — Потомъ не сходя съ мѣста, сѣлъ на лошадь и продолжалъ обозрѣвать производимыя работы. — Въ Бендерахъ найдено триста орудій, двадцать пять мортиръ, нѣсколько тысячъ пудъ пороха, множество бомбъ, ядеръ, гранатъ, ружей, сабель, двадцать двѣ тысячи пудъ сухарей и двадцать четыре тысячи четвертей муки. Императрица прислала

(*) Орденъ этотъ возложенъ Императрицею на Потемкина въ Придворной церкви, послѣ заутрени на Св. Хр. Воскресеніе. — Онъ былъ кавалеромъ онаго съ 1774 года.

завоевателю сто тысячъ рублей, лазурный взноукъ, осыпанный изумрудами и бриллиантами въ полтора-ста тысячъ и золотую медаль, выбитую въ честь его (*). Веліе Бендеръ довершило завоеваніе Молдавіи и большей части Бессарабіи. Расположивъ войска свои на зимнихъ квартирахъ, Потемкинъ отъправился въ Яссы, гдѣ производилъ переговоры съ Константинополемъ.

9 Февраля 1790 года прекратилась жизнь великаго союзника Екатерины II, Императора Іосефа: Потемкинъ; возведенный на степень Великаго-Гетмана Козачихъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ войскъ; открылъ, въ Май, военныя дѣйствія въ предѣлахъ Турціи: Контръ-Адмиралъ Ушаковъ поразилъ Оттомановъ на водахъ Чернаго моря; Генералъ-Майоръ Германъ разбилъ на Кубани славнаго Сараскира Баталъ-Пашу и взялъ его въ плѣнъ; Генералъ Гудовичъ овладѣлъ Килією; Контръ-Адмиралъ Рибасъ Тульчею; братъ его Исакчию; Суворовъ Измаиломъ. Потемкинъ проводилъ это время въ Яссахъ съ великолѣпіемъ и цѣлностію, ему одному свойственными; но среди различныхъ увеселеній, Князь Тавреды былъ мраченъ, задумчивъ, некалъ разсѣянн, и вездѣ умныя, грусть преслѣдовали его. Шестнадцатъ лѣтъ онъ первенствовалъ въ Россіи, не страшаясь совѣстниковъ: явился Зубовъ (**), и могуще-

(*) Такая-же медаль была выбита въ честь Потемкина, за покореніе Очакова.

(**) Зубовъ, Платонъ Александровичъ, будучи Штабсъ-Ротмистромъ Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, пожало-

ствомъ своимъ пробудилъ сладостную дремоту само-
надеяннаго вельможи. — «Матушка, Всемилости-
вѣйшая Государыня! — писалъ тогда къ Императри-
цѣ Потемкинѣ — «Матушка родная! При обстоя-
тельствахъ, Вася облегчающихъ, не оставляйте
«меня безъ уведомленія. Не ужели Вы не знаете
«миру моей привязанности, которая особая отъ всѣхъ?
«Какое слышать мнѣ со всѣхъ сторонъ нелыжная
«новости и не знать: вѣрить ли, или нѣтъ? Забота
«въ такой неизвестности погрузила меня въ нескла-
«занную слабость. Лишась сна и пищи я хуже мла-
«денца. Вся видятъ мое изнуреніе. Бхать въ Хер-
«сонь сколь ни нужно, не могу двинуться. Еслили
«моя жизнь чего нибудь стоитъ: то въ подобныхъ
«обстоятельствахъ скажите только, что Вы здоровы
«и проч.» (*). Онъ отправился въ С. Петербургъ,

ванъ Полковникомъ и Флигель-Адъютантомъ (1789 г.)
и, вскорѣ, Генераль-Маіоромъ, Корнетомъ Кавалер-
гардскаго Корпуса, кавалеромъ орденовъ: Св. Анны,
обонхъ Польскихъ и Св. Александра Невскаго, на двад-
цать третьемъ году отъ рожденія (1790 г.); получилъ,
черезъ три года потомъ, орденъ Св. Апостола Андрея
Первозваннаго (1793 г.); чинъ Генераль-Фельдцейх-
мейстера, портретъ Государыни, орденъ Св. Влади-
мира первой степени (1796 г.) и передъ кончиною Ека-
терины II достоинство Святѣйшаго Князя Рымской
Имперіи; скончался въ 1822 году.

(*) Подпись на этомъ письмѣ (списанномъ мною съ под-
линнаго): «Пока живъ, вѣрнѣйшій и благодарнѣйшій
подавннѣ.»

въ Февраль 1791 года, былъ принятъ съ отличнымъ уваженіемъ Императрицею, получилъ отъ Нее въ подарокъ дворець, известный подъ именемъ *Таврическаго*; платье, украшенное алмазами и дорогими камнями, въ двести тысячъ рублей.

Всѣ продолжали раболѣпствовать передъ Потемкинымъ и со всѣмъ тѣмъ глубокая печаль не покидала его: онъ скучалъ почестями, ласками; былъ недоволенъ всѣми, даже самимъ собою; жаловался приближеннымъ на боль зуба, говорилъ: *что выдѣтъ изъ С. Петербурга тогда только, какъ выдернетъ онъ и*, предаваясь горестнымъ предчувствіямъ, устраивалъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ блистательный праздникъ для Екатерины. Особливое вниманіе заслуживали двѣ огромныя залы, отдѣленные одна отъ другой восемнадцатью колоннами. Первая изъ нихъ назначена была для танцевъ: колоссальныя столбы въ два ряда окружали оную; между ними находились логи, убранныя гирляндами и внутри богатыми штофами; на сводѣ висѣли огромныя шары, служившіе вмѣсто люстръ; блескъ ихъ отражался въ безчисленныхъ зеркалахъ; вазы Каррарскаго мрамора необыкновенной величины, и печи изъ лазуреваго камня украшали эту залу. Въ другой находился зимній садъ, наполненный лавровыми, помаранцовыми и митровыми деревьями: песчаныя излучистыя дорожки, зеленые холмы и прозрачныя водоемы, въ которыхъ рѣзвились золотыя и сребристыя рыбы; пріятный запахъ раствній; восхитительное пѣніе птицъ; гротъ, убранный зеркалами съ мраморною купальнею внутри; возвышавшійся на сту-

пеняхъ сквозной алтарь, съ восьмью колоннами, поддерживающими сводъ его; яшмовыя чаши, лампы, вѣнки и цѣпи изъ цвѣтовъ, украшавшія оный; поставленная среди колоннъ на порфировомъ подножій съ золотою надписью: *Матери Отчества и мнѣ прелюбосердой*, статуя Императрицы изъ Пароскаго мрамора; лабиринтъ, окружавшій алтарь съ жертвенниками благодарности и усердія, истуканами славныхъ мужей въ древности, драгоценными сосудами, и на зеленомъ дугу высокая пирамида, обдѣланная въ золото, съ гранеными цѣпочками и вѣнцами, изъ разныхъ прозрачныхъ каменьевъ, съ лучезарнымъ именемъ Екатерины: все это напоминало о волшебныхъ замкахъ, изумляя взоры прелестнымъ соединеніемъ разныхъ климатовъ и временъ года.

На этотъ праздникъ были приглашены Княземъ Таврическимъ (28 Апрѣля) три тысячи особъ обоего пола. Всѣ были въ маскарадныхъ платьяхъ. Потемкинъ явился въ алонъ кафтанъ и богатой длинной епанчѣ изъ черныхъ кружевъ. Одежда его блистала драгоценными камнями, а на шляпѣ было ихъ столько, что одинъ Адъютантъ вѣсъ оную. После шести часовъ прибылъ туда Дворъ. Когда карета Императрицы подъѣхала къ крыльцу, раздались въ воздухъ ура! загремѣли трубы на амфитеатръ, построенномъ противъ Дворца, и начался народный праздникъ (*). Потемкинъ и всѣ гости его встрѣтили Государыню съ знаками глубочайшаго

(*) Кроме разныхъ блюдъ и напитков, которыми угощали народъ, дарили еще оному платья.

почтенія и преданности. Вступивъ въ залу, Императрица вошла на приготовленное для нея мѣсто, окруженное прозрачными картинами и надписями. Все собраніе раскинулось подъ волоннами и въ лежахъ. Торжественные звуки музыки вокальной и инструментальной (*) разнеслись подъ сводами вѣды. Двадцать четыре пары знатнѣйшихъ дамъ и кавалеровъ начали танцовать балетъ, изобретенный самимъ хозяиномъ. Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи, своимъ участіемъ придали болѣе блеска этой прелестной труппѣ. Танцовавшіе были въ бѣлыхъ платьяхъ, украшенныхъ брилліаннами на десять милліоновъ рублей. Въ концѣ балета явился славный Ле-Пикъ. — Императрица удалилась потомъ въ другую залу, гдѣ богатые ковры и гобелены обратили вниманіе посѣтителей. Въ близкой комнатѣ стоялъ искусственный золотой слонъ, на которомъ висѣли жемчужныя бахрамы и множество было алмазовъ, изумрудовъ и рубиновъ. Онъ верочалъ хоботомъ и сидѣвшій на немъ Персіанинъ, великолѣпно одѣтый, ударилъ въ колоколь. Тогда Потемкинъ повелъ высшихъ своихъ посѣтителей и прочихъ гостей въ театръ. Занавѣсъ поднялся: явилось лугезарское солнце, въ срединѣ котораго въ зеленыхъ лаврахъ сіяло вензловое имя Екатерины II-й. Поселяне и поселянки, воздвигая руки къ благотворному свѣтлу, показывали движеніями усерднѣйшія свои чувствованія. За снѣгъ являлась

(*) Оркестръ состоялъ изъ трехъ сотъ человекъ музыкантовъ и пѣвчихъ.

комедія, а послѣ оной балетъ, представлявшій Смирнскаго купца, торгующаго невольничками всѣхъ народовъ, между которыми не было, однакожь, ни одного Русскаго. Изъ театра собраніе возвратилось въ большую залу и зимній садъ: сто тысячъ огней освѣщали внутренность дома. Карнизы, окна, просянки усыпаны были кристалливыми шарами, наполненными воскомъ. Огромныя люстры и фонари умножали блескъ. Вездѣ сверкали яркія звѣзды или прекрасныя радуги изъ рубиновъ, изумрудовъ, яхонтовъ и топазовъ. Безчисленныя зеркала и хрустальныя пирамиды отражали это волшебное зрѣлище. *«Жили мы тамъ, гдѣ и прежде были?»* — спросила Императрица Потемкина съ удивленіемъ. Между тѣмъ на хорахъ, украшенныхъ драгоцѣнными Китайскими сосудами и двумя позлащенными органами, заиграли Польской съ громомъ литавръ, въніемъ и пушечными выстрѣлами:

Громъ победы раздавайся!

Веселися храбрый Россѣ!

Звучной славой украшайся:

Магомета ты потрѣсь.

Славься снмъ, Екатерина!

Славься, вѣжная къ намъ Мать!

Воды быстрыя Дуная

Ужь въ рукахъ теперь у насъ;

Храбрость Россовъ почитая,

Тавръ подъ нами и Кавказъ.

Славься снмъ, Екатерина!

Славься, вѣжная къ намъ Мать! и проч. (*)

(*) Слова Державина; музыка Козловскаго.

Во время бала, Государыня играла въ карты съ Великою Княгинею Маріею Феодоровною. Музыка, танцы, пляски (въ томъ числѣ Русскія и Малороссійскія), качели, находившіяся внутри покоевъ, и разныя другія увеселенія занимали гостей. Въ наружномъ саду, наполненномъ толпами любопытнаго народа, зажжены увеселительные огни; пруды были покрыты флотиліею, прекрасно иллюминированною; роши и аллеи испещрены также фонарями. Голоса пѣсенниковъ и звуки роговъ раздавались между деревьями. — По данному отъ хозяина знаку вдругъ исчезъ театръ, а на мѣсто его, и еще въ нѣсколькихъ комнатахъ, явились для шести сотъ особъ накрытые столы. Они расположены были такимъ образомъ, что взоры всехъ обращались къ лицу Государыни. Прочіе гости ужинали стоя: для чего разставлено у стѣнъ множество столовъ. Въ концѣ залы, на самой высотѣ, сіяли стеклянные разноогненные сосуды. Сервизъ былъ золотой и серебряный. Кушанья и напитки соответствовали великолѣпному убранству дворца, богатой одеждѣ служителей. Потемкинъ самъ служилъ Императрицѣ; но Она пригласила его сѣсть. Послѣ ужина балъ продолжался до утра. Государыня съ Августѣйшею Фамиліею уехала въ одиннадцать часовъ. Никто не помнилъ, чтобы Она пробывала гдѣ нибудь на балѣ такъ долго. Казалось, Екатерина удаленіемъ своимъ боялась нарушить блаженство хозяина. Когда Она выходила уже изъ залы, вдругъ раздалось нѣжное пѣніе съ тихимъ звукомъ органовъ, нѣшедшее съ хоровъ, которые закрыты были разноцвѣтными стеклянными

ми сосудами, озаренными яркимъ огнемъ. Вся без-
молвствовали и внимали пріятной гармоніи:

Царство здѣсь удовольствій ;
Владычество щедротъ Твоихъ ;
Здѣсь вода, земля и воздухъ
Дышетъ все Твоей душой ;
Лишь Твоимъ я благомъ
И живу и счастливъ .

Что въ богатствѣхъ и честахъ ?
Что въ великости моей ,
Если мысль, Тебя не зрѣть ,
Духъ свергаетъ въ ужась .

Стой и не лети, ты, время !
И благъ нашихъ не лишай :
Жизнь ваша путь есть печалей :
Пусть въ ней цвѣтутъ цвѣты (*) .

Императрица изъявила признательность свою По-
темкину, который съ благоговѣніемъ палъ на колѣ-
на передъ Нею, схватилъ Ея руку, оросилъ оную
слезами, нѣсколько минутъ держалъ съ особливимъ
душевнымъ умиленіемъ

Такъ удивлялъ Потемкинъ своимъ великолѣпіемъ
жителей береговъ Невы; между тѣмъ берега Дуная
обагрятся кровію Христіанъ и Оттомановъ. Онъ
откладывалъ отъѣздъ въ армію, жертвовалъ славой
своею и безъ пользы терялъ только время, Уже Реп-

(*) Этотъ хоръ, взятый изъ Италіанской оперы, пѣтъ на
Италіанскомъ языкѣ.

нинъ разбилъ на голову, 28 Июня, при Мачинъ Верховнаго Визиря Юсуфъ-Пашу, подписалъ съ Турецкими Полномочными, 31 Июля, предварительныя мирныя статьи, какъ наконецъ прибылъ въ Галацъ Князь Таврическій. Въ досадъ на храбраго Полководца, исхитившаго у него побѣду, Потемкинъ уничтожилъ постановленный имъ договоръ, считая оный не соответственнымъ достоинству Имперіи. Предписывая тягостныя условія Турціи, онъ готовился къ новой брани, въ то время, какъ смерть невидимо носилась надъ главою его и предвѣстники ея, изнуреніе силъ, тоска увеличивали душевныя страданія! Въ Галацъ скончался Принцъ Виртембергскій: выходя (12 Августа) изъ церкви, растрескиваемый, огорченный Потемкинъ съелъ, вмѣсто своихъ дрожекъ, на дроги, приготовленныя для мертваго тѣла. . . . Въ Яссахъ постигла его лихорадка: искусство медиковъ, Тимана и Массота, осталось недействительнымъ. Потемкинъ, своенравный, привыкшій къ роскошнымъ обѣдамъ, давалъ пищу своей болѣзни. Между тѣмъ дѣятельность его не ослабѣвала: онъ продолжалъ вести обширную переписку; курьеры летали во всѣ концы Европы чаще обыкновеннаго; Польскіе вельможи, недовольные новыми переменами, послѣдовавшими въ ихъ отечествѣ и бояре Молдавскіе — искали его покровительства. Но внутренняя скорбь не давала ему покоя: онъ чувствовалъ приближеніе своей кончины; приобщился Св. Тайнъ 19 Августа и 27 Сентября (*); простился съ окружа-

(*) «Въ оба раза когда я приобщалъ Св. Тайнъ покойна-

шими одръ его и, черезъ несколько дней, изъявилъ желаніе выѣхать изъ Яссы, говоря: «по крайней мѣрѣ умру въ моемъ Николаевѣ.»

4 Октября 1791 г., въ 8 часу утра, положили Потемкина въ коляску. Онъ отъѣхалъ въ тотъ день не болѣе двадцати пяти верстѣ; былъ довольно веселъ; утѣшалъ себя мыслию: что оставилъ гробъ свой (*). Наступила ночь: болѣзнь усилилась. Потемкинъ безпрестанно спрашивалъ: скоро ли разсвѣтетъ? Въ шесть часовъ (5 Октября) велѣлъ вынести себя въ коляску; повезли его далѣе: смертельная тоска продолжала его беспокоить; онъ приказывалъ останавливаться, вопрошалъ: *нѣтъ ли въ близи деревни?* — велѣлъ ѣхать скорѣе и на тридцать восьмой верстѣ отъ Яссы, въ двѣнадцатомъ часу по полуночи, при усилившемся мучительномъ безпокойствѣ и томленіи, произнесъ слабымъ голосомъ: «*Будеть. Теперь не куда ѣхать: я умираю. Выньте меня изъ коляски; хочу умереть на полѣ.*» — Исполнили волю его: положили умирающаго на разостланный плащъ близь дороги. Здѣсь лежалъ онъ три четверти часа, обращая умиленный взглядъ попеременно на Небо и на предстоявшихъ и въ двѣнадцать часовъ тихо опочилъ на рукахъ любимой своей племянницы, Графини Браницкой, въ силѣ мужества,

«го — писалъ Духовникъ Князя Потемкина моему родителю — «до нынѣ еще ни въ комъ не видѣлъ столь живыхъ знаковъ въры.»

(*) Такъ называлъ Потемкинъ Яссы.

нмѣя только пятьдесятъ пять лѣтъ отъ роду (*). Ночью повезли его обратно въ Яссы, въ томъ же самомъ экипажѣ, окруженномъ факелами.

Екатерина оплакала кончину Потемкина, повелѣла въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманской (1793 г.): въ память его заготовить грамоту съ прописаніемъ въ оной завоєванныхъ имъ крѣпостей въ прошедшую войну и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ; грамоту сію хранить въ Соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналъ тогоже града помѣстить его изображение и въ честь ему выбить медаль.

Гробница Потемкина поставлена на катафалкѣ въ склену, обитомъ чернымъ бархатомъ и находящемся подъ алтаремъ Соборной церкви воздвигнутаго имъ Херсона (*). Нынѣ сооруженъ ему въ этомъ городѣ колоссальный памятникъ, изваянный славнымъ художникомъ нашимъ, Мартосомъ.

(*) Прекрасно описалъ Державинъ въ своемъ *Водопадѣ* Потемкина и его кончину:

• Чей одръ — земля; кровъ — возлужь снѣгъ,
Чертоги — вокругъ пустыни вѣды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный Князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незванно палъ среди степей? » и проч.

(**) Входъ въ этотъ склепъ былъ задвѣянъ въ Государствованіе Императора Павла I. Увѣряють, будто и останки Потемкина оттуда перевесены были въ другое мѣсто.

Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій имѣлъ прекрасную, мужественную наружность, крѣпкое сложеніе тѣла, ростъ величественный. Въ молодыхъ лѣтахъ повредилъ онъ себѣ одинъ глазъ, но это не уменьшало красоты лица его. Онъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ людей своего вѣка, отличаясь разительными противоположностями: любилъ простоту и пышность; былъ гордъ и обходителенъ; хитръ и доврчивъ; скрытенъ и откровененъ; расточителенъ и часто скупъ; съ жестокостію соединялъ состраданіе, робость съ отважностію. Ничто не могло равняться съ дѣятельностію его воображенія и его тѣлесною лѣвностію. Въ его дѣлахъ, удовольствіяхъ, нравѣ, походкѣ — примѣтенъ былъ какой-то безпорядокъ. Иногда мечталъ онъ о Герцогствѣ Курляндскомъ, коронѣ Польской; въ другое время желалъ быть Архіереемъ, простымъ монахомъ; строилъ великолѣпныя дворцы и, не окончивъ, продавалъ оныя; посылалъ курьеровъ въ отдаленнѣйшія мѣста за нѣкоторыми потребностями для своего стола и часто, прежде нежели посланные возвращались, терялъ охоту отвѣдать привозимое ими (*). То занимался онъ одною войной, окруженный офицерами, Козаками и Татарами, или политикою: хотѣлъ дѣлить Оттоманскую Имперію, завоевать Персію, взволновать кабинеты Европейскіе; въ другое время проводилъ цѣлый мѣсяць вечера въ гостяхъ, забывая, по видимому, все дѣла.

(*) Онъ посылалъ курьеровъ даже за кислыми щами и клюквою.

То затмевалъ придворныхъ блестящею своею одеждою, орденами разныхъ Державъ, алмазами величины необыкновенной; давалъ, безъ всякой причины, очаровательные праздники — и послѣ вѣскольکو недѣль сряду оставался дома, въ кругу родныхъ и приближенныхъ, лежа на софѣ въ шлафрокъ, съ босыми ногами, обнаженной шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, повислыми бровями и молча игралъ въ шахматы или карты. Онъ любилъ обѣщать, но не всегда держалъ данное слово. Никто не читалъ меньше его; не многіе могли равняться съ нимъ въ знаніяхъ. Они были поверхностны, но весьма обширны. Въ разговорахъ онъ назумлялъ литератора, артиста, богослова. Слогъ его былъ отрывистый, сильный. — «Презирайте происки Французовъ» — писалъ онъ (1783 г.) въ Константинополь къ Посланнику нашему Я. И. Булгакову — «вѣрьте, что все обратится къ стыду ихъ и гибели. «Французы у васъ мутятъ, здѣсь кланяются, а дома погибаютъ.» — Любя пламенно Отечество, онъ отдавалъ полную справедливость достоинствамъ Суворова, писалъ къ нему: «Вѣрь мнѣ, другъ сердечный! что я нахожу мою славу въ твоей.» — Дорожилъ солдатами: «Они не такъ дешевы, — упомянулъ въ одномъ письмѣ къ тому же Полководцу — «чтобы ихъ терять по пустякамъ.» — Императрица Екатерина II удостоивала Потемкина неограниченной довѣренностью, пожаловала ему, кромѣ значительныхъ суммъ и подарковъ, множество деревень. Увѣряютъ, будто въ десять лѣтъ (съ 1774 по 1784 г.) получено имъ наличными деньгами и драгоцен-

ными вещами на восемнадцать миллионов рублей. Онъ имѣлъ бланки отъ Государыни, и могъ, сверхъ того, обращаться въ Казенныя Палаты съ своими требованіями. Въ началѣ 1791 года опредѣлилъ онъ на умноженіе капитала Московскаго Университета, въ которомъ обучался, доходы съ Ачуевской своей дачи (*).

«Потемкинъ былъ Мой воспитанникъ — говорила Императрица Екатерина II. — «Я произвела «его во всѣ чины: изъ унтеръ-офицера до Генераль-«Фельдмаршала. Онъ имѣлъ необыкновенный умъ, «нравъ горячій, сердце доброе; глядѣлъ волкомъ и «потому не былъ любимъ; но, давая щелчки, бла-«годѣтельствовавъ даже врагамъ своимъ. Его не «льзя было подкупить; трудно найти другаго, по-«добнаго ему (**).»

Императрица также отзывалась о Потемкинѣ: что онъ страстно любилъ Великаго Князя Александра Павловича и называлъ его *Ангеломъ, воплощеннымъ для блаженства Имперіи; le Prince de son coeur.*

Суворовъ говорилъ, что Потемкинъ былъ: *великій человекъ и человекъ великій; великъ умомъ, великъ*

(*) По кончинѣ только Потемкина, Университетъ узналъ объ этомъ пожертвованіи, получивъ, въ 1796 году, семь тысячъ четыреста шестьдесятъ восемь рублей отъ Атамана войска Донскаго, Генераль-Поручика Алексѣя Ивановича Иловайскаго, завѣдывавшаго этой дачею.

(**) См. *Памятныя Записки А. В. Храповицкаго*, помѣщ. въ *Отечественныхъ Запискахъ П. П. Саввина*.

и ростомъ; не походилъ на того высокаго Французскаго Посла въ Лондонъ, о которомъ Канцлеръ Баконъ сказалъ: что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ (*).

Къ числу знаменитыхъ подвиговъ этого исполнена XVIII столѣтiя, принадлежитъ и преобразование суровой Запорожской Свѣчи въ общежительное сословіе Черноморскихъ Козаковъ. Онъ хлебнулъ только нѣсколько ложекъ ухи съ Кошевымъ Атаманомъ и батько Гришко (такъ называли Князя Таврическаго Запорожцы) сдѣлался властелиномъ необузданной вольницы, беспокоившей до того предѣлы Россiи.

(*) Изъ сочиненій Г. Фукаа, изд. 1827 г., стр. 109.

Рис. П. М. Топова

Князь Александр Васильевич

ЩЕПЕТИНСКІЙ,

Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Литогр. М. Топова.

29-й

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬ

и

3-й ГЕНЕРАЛ-ССИМУСЪ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ИТАЛІЙСКІЙ,

ГРАФЪ СУВОРОВЪ-РЫМНИКСКІЙ.

=

Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, сынъ Генераль-Аншефа, Сенатора и кавалера ордена Св. Александра Невскаго, Василя Ивановича Суворова (*), родился въ Москвѣ 13 Ноября 1729 года. Отецъ его, человекъ просвѣщенный и зажиточный, приготовлялъ сына къ граж-

(*) Суворовы происходятъ отъ древней благородной фамиліи Шведской. Предокъ ихъ, *Суворъ*, выехалъ въ Россію въ 1622 году при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и принялъ Россійское подданство. *Изъ второй части Гербовника.*

данской службѣ; но Суворовъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, оказывалъ предпочтеніе военной: обучался съ успѣхомъ Отечественному языку, Французскому, Нѣмецкому, Италіянскому, Исторіи и Философіи, и съ жадностію читалъ Корнелія Непота, Плутарха, описаніе походовъ Тюрена и Монтекукули; говорилъ съ восхищеніемъ о Кесарѣ и Карлѣ XII, заставилъ отца своего переимѣнить намѣреніе. Онъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ (1742 г.), продолжая учиться въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Между тѣмъ попечительный родитель преподавалъ ему самъ инженерную науку; каждый день читалъ съ нимъ Вобана, котораго Василій Ивановичъ перевелъ въ 1724 году съ Французскаго на Россійскій языкъ по приказанію своего крестнаго отца, Петра Великаго; заставлялъ сравнивать переводъ съ подлинникомъ. Одаренный отъ природы необыкновенною памятью, молодой Суворовъ зналъ Вобана почти наизусть (*).

Еще въ юномъ возрастѣ, Суворовъ строго соблюдалъ военную дисциплину. Однажды, стоя съ ружьемъ на караулѣ въ Монъ-плезирѣ, отдалъ онъ честь Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Она спросила: какъ его зовутъ? и пожаловала ему крестовикъ; но Суворовъ осмѣлился сказать: «*Всемилющійшая Государыня! Законъ запрещаетъ солдату при-*

(*) См. *Анекдоты Суворова*, издан. Г. Фуксомъ, С. Петерб., 1827 г., стр. 23. — Переводъ Василія Ивановича остался въ рукописи, вѣроятно, по случаю кончины Петра Великаго.

пидажь деньги на часалъ.» — «Ай, молодецъ! — про-
несла Государыня, потрепавъ его по щежъ и давъ
поцѣловать Ея руку — «Ты знаешь службу. Я поло-
жу монету здѣсь на землю: возьми, когда смѣнишь-
«ся.» — Суворовъ почиталъ этотъ день счастливей-
шимъ въ своей жизни, хранилъ даръ Елисаветинъ,
какъ святыню, каждый день цѣловалъ его (*).

Медленно возвышался Суворовъ: современные ему
Полководцы: Румяновъ былъ Полковникомъ на
девятнадцатомъ году отъ рожденія; Потемкинъ Под-
поручикомъ Гвардіи и Камеръ-Юнкеромъ Высочай-
шаго Двора въ чинъ Бригадира, на двадцать шес-
тостомъ своего возраста; Ренинъ въ тѣхъ же лѣтахъ
пожалованъ Полковникомъ. Суворовъ служилъ Ка-
праломъ (1747 г.); Унтеръ-офицеромъ (1749); Сер-
жантомъ (1751) и только въ 1754 году вышущенъ
въ армию Поручикомъ; произведенъ черезъ два года
въ Оберъ-Провіантмейстеры (1756 г.); потомъ въ
Генераль-Аудиторъ-Лейтенанты и имѣлъ чинъ Пре-
міеръ-Маіора въ 1759 году, когда побѣдоносныя вой-
ска наши въ третій разъ вступили въ Пруссію.

Первымъ руководителемъ его на военномъ по-
прищѣ былъ знаменитый Ферморъ, известный Цорь-
дорфскою побѣдой (**); сражавшійся въ 1759 году
подъ предводительствомъ Графа Салтыкова. Суворовъ

(*) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Г. Фукса*, издан.
въ С. Петерб., 1827 г., стр. 108.

(**) См. о Ферморѣ въ началѣ біографіи Генераль-Фельд-
маршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, въ пер-
вой части.

участвовалъ въ поражениі Фридриха Великаго при Франкфуртѣ и сказалъ, когда Главнокомандовавшій повелъ обратно армию за Одеръ: *я бы прямо пошелъ къ Берлину*. Столица Пруссіи была завоевана только въ слѣдующемъ году Генераломъ Тотлебенномъ (1760). Суворовъ служилъ въ то время подъ его начальствомъ.

Въ 1761 году любимецъ славы, будучи Подполковникомъ, находился въ легкихъ войскахъ, швейцарскихъ Генераль-Мажору Бергу, который прикрывалъ отступление Россійской арміи къ Бреславию. Подъ Рейхенбахомъ, Суворовъ участвовалъ въ поражениі Прусскаго Генерала Кноблоха; обратилъ въ пепель, въ виду многочисленнаго непріятеля, большой магазинъ съ сномомъ; потомъ, съ сотнею козаковъ, переправился вплавь чрезъ Нейсу при Дризень; перешелъ ночью шесть Нѣмецкихъ миль къ Ландсбергу; разбилъ городскія ворота; вошелъ въ городъ; захватилъ въ плѣнъ Прусскихъ гусаръ, тамъ находившихся; сжегъ половину моста на Вартѣ. Тогда велѣно ему тревожить Прусскій корпусъ, состоявшій подъ начальствомъ Платена. Суворовъ, съ тремя гусарскими и четырьмя козацкими полками, устремился, чрезъ Регенсвальдъ, къ Колбергу; опередилъ Прусскаго Генерала; ударилъ, подъ Фридбергомъ, изъ лѣса на фланговые его отряды, опрокинулъ ихъ; преслѣдовалъ подъ самыя пушки непріятельскія, захватилъ двѣсти драгунъ и гусаръ; атаковалъ (въ Октябрѣ), въ окрестностяхъ Старгарда, съ саблею въ рукъ, съ однимъ эскадрономъ драгунъ и нѣсколькими козаками, батальонъ корпуса Генерала Шенкендорфа; ис-

требилъ значительное число Пруссаковъ; остальныхъ, загнавъ въ болото, принудилъ положить оружіе; сразился съ Прусскими драгунами: разбилъ ихъ, взялъ два орудія, двадцать плѣнныхъ и, окруженный многочисленнымъ непріателемъ, прорубилъ себѣ дорогу; бросилъ пушки, но не плѣнныхъ своихъ. Въ этотъ день Пруссаки потеряли ранеными и плѣнными до тысячи человекъ.

Отважность, быстрота, внезапность еще въ то время были принадлежностію Суворова. Онъ имѣлъ разныя стычки съ непріателемъ: разбилъ Полковника де-ла-Мотъ-Курбіера, командовавшего авангардомъ Генерала Платена; напалъ, потомъ, на Прусскую конницу, взялъ 800 плѣнныхъ, захватилъ фуражировъ; ворвался съ тремя батальонами въ Глоггау, подъ сильнымъ огнемъ Пруссаковъ; гналъ непріателя въ улицахъ и черезъ мостъ. Тогда убита подъ нимъ лошадь и онъ самъ раненъ отъ рикошета. Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ атаковалъ близъ Нейгартена два Прусскихъ батальона и часть драгунскаго полка съ двумястами человекъ; прорубился между драгунами, ударилъ на батальонъ Принца Фердинанда, положилъ многихъ на мѣсть, взялъ болѣе ста человекъ въ плѣнъ. Подъ нимъ снова убита лошадь. Эти мужественные подвиги приобрьли ему въ слѣдующемъ году (1762) чинъ Полковника Астраханскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ Новой Ладогѣ; въ 1763 году пожалованъ онъ командиромъ Суздальскаго полка, также пѣхотнаго; смѣнившаго Астраханскій. Доказательство, что Суворовъ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ Полководцевъ и

могъ нести всякую службу. Екатерина, при самомъ началѣ, постигла его.

Ему было тогда тридцать четыре года. Потемкинъ, будущій начальникъ его, служилъ еще Камеръ-Юнкеромъ и не имѣлъ значенія при Высочайшемъ Дворѣ; но въ то время, какъ предприимчивый Царедворецъ, въ послѣдствіи водитель нѣ побѣдамъ и утонченный Министръ, пролагалъ себѣ дорогу по паркетамъ придворнымъ, Суворовъ прметупилъ къ исполненію обдуманнаго имъ плана; рѣшился быть единственнымъ, на кого не походить: отличался отъ всѣхъ своими странностями, проказами; старался, по видимому, смѣшить, не улыбаясь, и въ это самое время трунилъ надъ другими, осмивалъ перочныхъ или вещь предесудительную, получалъ желаемое или отклонялъ непріятный разговоръ; забавлялъ и колотъ; не боялся простираться, иногда, слишкомъ далеко своихъ шутокъ, ибо онъ обратились для него въ привычку, удивляли каждого оригинальностію, переливались въ сердца солдатъ, которые говорили о немъ съ восторгомъ въ лагерь и на квартирахъ, любили его языкъ и неустрашимость, были веселы, когда находились съ нимъ. Онъ учредилъ для дѣтей ихъ училище въ Новой-Ладогѣ, выстроилъ домъ на своемъ издивеніи, и былъ самъ учителемъ Арифметики.

Держась правила: *что солдатъ и въ мирное время на войнѣ*, Суворовъ обучалъ вонновъ своихъ разнымъ маневрамъ и весьма желалъ показывать имъ натурнъ. Мысль эта пришла ему въ голову, когда онъ проходилъ съ полкомъ мимо одного монастыря:

въ пылу воображенія, тотчасъ составилъ онъ планъ къ приступу и полкъ, исполняя повелѣнія его, бросился по всемъ правиламъ штурма, овладѣлъ монастыремъ. Екатерина пожелала увидѣть чудака. *Это первое свиданіе* — говорилъ Суворовъ — *проложило ему путь къ славы* (*).

Прошло шесть лѣтъ по окончаніи военныхъ дѣйствій въ Пруссіи и Суворовъ, съ чиномъ Бригадира (1768 г.), отправленъ, въ половинѣ Ноября, съ величайшею поспѣшностію къ Польскимъ границамъ. Не смотря на едва замерзшія рѣки и болота, онъ въ мѣсяць прошелъ съ вѣрною ему бригадою тысячу верстъ (288 миль); зимою продолжалъ обучать солдатъ стрѣлять въ цѣль, дѣйствовать штыками; совершалъ съ ними ночные переходы, дѣлалъ фальшивыя тревоги. Въ слѣдующемъ году (1769), Суворовъ двинулся къ Оршѣ, потомъ къ Минску, командуя авангардомъ корпуса Генераль-Поручика Нумерса, котораго въ скоромъ времени смѣнилъ Генераль Веймарнъ. Тогда продолжалась, въ Польшѣ война конфедератовъ. Суворовъ получилъ приказаніе идти къ Варшавѣ съ Суздальскимъ полкомъ и двумя драгунскими эскадронами; раздѣлилъ войска свои на двѣ колонны и въ двѣнадцать дней перешелъ шестьсотъ верстъ, явился подъ Прагою. Онъ, безъ пролитія крови, отдѣлилъ отъ конфедератовъ два уланскихъ полка, Пеліаки и Корсикскаго; разбилъ близъ Варшавы Котелуповскаго; въ Литвѣ обоихъ Пулавскихъ, разсылавъ ихъ войска, которыя состояли изъ

(*) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ, стр. 115.

шести тысячъ человекъ; награжденъ чиномъ Генералъ-Майора (1770 г.).

Въ Апрель (1770), Суворовъ, переправясь чрезъ Вислу съ двумя ротами, тремя эскадронами и двумя пушками, пошелъ ночью къ Клементову: встретился съ Мошинскимъ, расположившимъ, близъ лѣса, тысячу человекъ конницы въ боевой порядокъ при шести орудіяхъ и, не взирая на безпрестанную пальбу, опрокинулъ штыками ряды непріятельскіе, преслѣдовалъ Подаковъ, захватилъ ихъ пушки; разбилъ вторично, при Опатовъ, Мошинскаго, получившаго подкрѣпленіе; взялъ въ плѣнъ до двухъ сотъ человекъ; награжденъ (въ Сент.) орденомъ Св. Анны. Тогда Суворовъ былъ боленъ около трехъ мѣсяцевъ, получивъ сильный ударъ въ грудь объ понтонъ, при переправѣ черезъ Вислу.

Новыя победы вѣнчали его въ 1771 году. Онъ выступилъ, въ Мартъ, изъ Люблина съ четырьмя ротами пѣхоты, нѣсколькими пушками и съ пятью эскадронами; переправился чрезъ Вислу у Сендомира; разбилъ отдѣльныя партіи конфедератовъ, атаковалъ Ландскрону, овладѣлъ городомъ, не смотря на сильное сопротивленіе, но не могъ взять замка. Въ этомъ дѣлѣ шляпа и мундиръ Суворова были прострѣлены пулами. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вступилъ, неожиданно, въ городъ Казиміръ, захватилъ въ плѣнъ лучшей Польскій эскадронъ Маршала Жабы; разсылалъ конфедератовъ, которые нѣсколько дней осаждали три роты его полка въ Красникъ; переправился вплавъ чрезъ рѣку Дунаецъ; занялъ Краковъ; овладѣлъ въ разстояніи на одну милю отъ этого

города редутомъ, въ которомъ находились двѣ пушки и сто человекъ; разбилъ, обратилъ въ бѣгство четырехъ тысячный отрядъ конфедератовъ; преслѣдовалъ ихъ до предѣловъ Шлезіи; положилъ на мѣсть пятьсотъ человекъ; взялъ въ плѣнъ двѣсти; сразился съ Пулавскимъ у Замостья: опрокинулъ своею кавалеріей пѣхоту его; развѣлъ близъ Краснастава отрядъ Полковника Новицкаго; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія третьяго класса (Авг. 19).

Около этого времени Императрица опредѣлила Главнокомандующимъ расположенныхъ въ Польшѣ войскъ, вмѣсто Веймарна, Генералъ-Поручика Александра Ильича Бибикова, начальствовавшего, до того, полкомъ на Цорндорфскомъ сраженіи (1758 г.); раненаго при Франкфуртѣ (1759); одержавшаго совершенную побѣду при городѣ Трептау надъ Прусскимъ Генераломъ Вернеромъ (1760); славнаго, въ послѣдствіи, пораженіемъ полчищъ Пугачева. Конфедератами управлялъ тогда известный Косаковскій, который волновалъ умы своими огненными обнародованіями, именовался *Литовскимъ Гражданиномъ* и самопроизвольно жаловалъ въ Маршалы; одѣвалъ въ черные мундиры формируемыя имъ войска; возмутилъ всѣ регулярные полки Польскіе; имѣлъ въ товарищахъ великаго Гетмана Литовскаго Графа Огинскаго. Суворовъ рѣшился самъ собою предупредить соединеніе ихъ и съ девятьюстами воиновъ напалъ, 12 Сентября, при Столовичахъ, на пятитысячное войско Огинскаго, разбилъ его, овладѣлъ двѣнадцатью пушками, Гетманскимъ жезломъ, многи-

ми знаменами, выгнать въ плѣнь болѣе семисотъ человекъ, въ томъ числѣ тридцать Штабъ и Оберъ-офицеровъ и Дежурнаго Генерала Литовскаго Гетмана. Последний едва успѣлъ ускакать отъ преслѣдовавшихъ его двухъ козаковъ, удалился, потому, въ Данцигъ. Косаковский бѣжалъ въ Венгрію. Мѣсто битвы усыпано было трупами неприятельскими. Поляки потеряли до тысячи человекъ убитыми; мы лишились только 80 человекъ; но около 400 переранено (*). Суворовъ, въ чинѣ Генераль-Маіора, награжденъ (20 Дек.) орденомъ Св. Александра Невскаго, котораго не имѣлъ еще Главнокомандующій Библиковъ и Потемкинъ, служившій тогда подъ знаменами Румянцева.

Неожиданное событіе постигло Суворова въ 1772 году: Полковникъ Штакельбергъ, человекъ уже молодыхъ лѣтъ, начальствовалъ въ Краковѣ и преданный цвѣтъ, надѣясь на сильное покровительство, лежалъ у ногъ прекраснаго пѣла, рабствовалъ, думая повелѣвать. Одна женщина, подъ видомъ коллюбія, уговорила его свести часовыхъ отъ подземнаго прохода, сдѣланнаго для выбрасыванія нечистоты. Французы, высланные въ Польшу на помощь конфедератамъ, составили заговоръ противъ безопаснаго градодержателя и, нарядясь въ бѣлую одежду Ксензовъ, прокрались ночью, чрезъ оставленное отверстіе,

(*) Фридрихъ Великій, упоминая въ твореніяхъ своихъ о Сталовичскомъ сраженіи, *возпитовалъ Полякамъ остерегаться Суворова, чтобы вторично не попасться ему въ руки.*

въ Краковскій замокъ съ 21 на 22 Января. Неусыпные козаки первые примѣтили обманъ и произвели стрельбу. Мятежники и заговорщики быстро напали на часовыхъ и всѣхъ изрубили. Узнавъ оплешность свою, Штакельбергъ старался отразить непріятеля, но принужденъ былъ оставить замокъ. Главнокомандующій сдѣлалъ замѣчаніе Суворову, который поклялся отомстить Французамъ: немедленно осадилъ Краковъ; покушался (18 Февр.) взять замокъ приступомъ, но не имѣлъ успѣха; держалъ его въ осадѣ до половины Апрѣля; сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ проломъ и принудилъ, въ неходъ мѣсяца, Французскаго Коменданта Швази положить оружіе, объявить себя и весь гарнизонъ пѣвными. Наказывая Французовъ за употребленную ими хитрость, Суворовъ заставилъ ихъ выйтъ тѣмъ самымъ нечистымъ проходомъ, которымъ они прокрались въ замокъ; а уважая мужественную оборону, возвратилъ офицерамъ знаги, пригласилъ ихъ къ обѣду и, потомъ, отправилъ въ Любмицъ. Уронъ нашъ въ продолженіе осады простирался до двухъ сотъ человекъ убитыхъ и до четырехъ сотъ раненыхъ. Велѣлъ за тѣмъ Суворовъ овладѣть Заторомъ (въ двѣнадцать миляхъ отъ Кракова), велѣлъ взорвать тамошнія укрѣпленія и взять двѣнадцать пушекъ. Императрица изъявила ему Свое благоволеніе въ милостивомъ рескриптѣ отъ 12 Мая; пожаловала тысячу червонныхъ, а на войско его десять тысячъ рублей.

Кончилась война съ конфедератами и Суворовъ, надѣявшійся увидѣть берега Дуная, получилъ другое назначеніе: перемѣщенъ въ корпусъ Генераль-

Поручика Эльмта, которому приказано было идти къ границамъ Швеціи (*). Онъ писалъ тогда къ Библикову изъ Вильны: «Съ сожалѣніемъ оставляю этотъ край, гдѣ желалъ дѣлать только добро или, по крайней мѣрѣ, всегда о томъ старался. Безуко- ризненная моя добродѣтель услаждается одобреніемъ моего поведенія. Но когда разсматриваю неправед- ныхъ оскорбителей моей невинности, начинаю сво- боднѣе дышать. Какъ честный человекъ оканчиваю здѣсь мое поприще и отъ нихъ избавляюсь. Жен- щины управляютъ здѣшнею страной, какъ и вездѣ. Мнѣ не доставало времени заниматься съ ними, и я страшился ихъ, не чувствовалъ въ себѣ доста- точной твердости защищаться отъ ихъ преле- стей (**).

Суворовъ — по собственнымъ его словамъ — го- товился *сражаться среди льдовъ, шель туда, какъ солдатъ (***)*; но слава ожидала его не на Сѣверѣ. Екатерина поручила ему (1773 г.) обозрѣть Фин- ляндскую границу и узнать мнѣніе тамошнихъ жи- телей о послѣдовавшей перемѣнѣ въ правленіи Швед- скомъ (****). Тогда имѣлъ онъ случай перейти въ ар-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Эльмта.

(**) См. *Жизнь Суворова*, изд. Г. Глинкою 1819 г., стр. 47 и 49.

(***) Тамъ же, стр. 55.

(****) Въ половинѣ 1772 года Густавъ III сдѣлался почти самодержавнымъ Государемъ, въ противность корен- ныхъ законовъ.

нію Задунайскаго, поступилъ въ корпусъ Генераль-Аншефа Графа Салтыкова (*).

Первый шагъ Суворова въ предѣлахъ Турціи ознаменованъ побѣдой. Салтыковъ отрядилъ его къ Туртукаю: онъ въ одну ночь прискакалъ на почтѣ въ Негошгъ, въ три дни осмотрѣлъ мѣстоположеніе, все устроилъ и, не взирая на приказаніе Румянцева отступить, рѣшился послушаться его, овладѣвъ (10 Мая) Туртукаемъ, прекратилъ Туркамъ сообщеніе между Силистріей и Рущукомъ, обезопасилъ отряды, посылаемые отъ устья Аргиса и, вмѣсто обыкновеннаго донесенія, увѣдомилъ Румянцева стихами:

«Слава Богу! слава вамъ!

«Туртукай взятъ и я тамъ.»

Задунайскій представилъ Императрицѣ оригинальный рапортъ: «какъ безпримѣрный *лаконизмъ* безпримѣрнаго Суворова» — ; но, вмѣстѣ, долженъ былъ предать ослушника суду. «Римъ — говорилъ, потомъ, Суворовъ—«меня-бы казнилъ. Военная Коллегія поднесла докладъ, въ которомъ Секретарь ея «не выпустилъ ни одного закона на мою погибель; ано Екатерина написала: *побѣдителя судить не должно* и я остался въ арміи на служеніи моей Спасительницѣ (**).» — Военный орденъ Св. Георгія большаго креста втораго класса увѣнчалъ (30 Іюня) его знаменитый подвигъ.

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Г. Фуксомъ. стр. 114.

Туртукай, отданный на жертву солдатамъ, былъ обращенъ ими въ пепелъ. Съ нашей стороны убито 60 человекъ; ранено 150. Суворовъ увезъ десять знаменъ и шесть медныхъ пушекъ изъ числа отнятыхъ у непріятеля; бросилъ въ Дунай восемь тяжелыхъ орудій; овладѣлъ 50 судами; укрѣпилъ монастырь Негоешти; но, обучая войска свои, не смотря на полученную имъ контузію въ ногу, разстрѣлялъ адепровъ, занемогъ лихорадкою и отправился въ Бухарестъ для излеченія.

Герой перемѣнилъ тогда образъ войны: въ Польшѣ, усмиряя непріятеля, охранялъ онъ селенія; въ Турціи желалъ, чтобы одно имя его приводило въ трепетъ невѣрныхъ и достигнулъ цѣли своей.

Онъ, снова, выступилъ на поле брани, чувствуя еще чрезвычайную слабость, поддерживаемый двумя солдатами: переправился ночью на правый берегъ Дуная, овладѣлъ, 17 Іюля, несколькими шанцами непріятельскими, лагеремъ Турецкимъ, 18 медными пушками, 26 лодками. Уронъ Турокъ простирался до двухъ тысячъ человекъ; въ числѣ убитыхъ находился храбрый Сари-Мехметъ Паша, известный силою и красотой своей. Суворовъ предалъ тѣло его землѣ съ должными военными почестями. Побѣда эта, одержанная во время неудачнаго покушенія на Силистрію, обрадовала Задунайскаго: такъ умѣлъ Суворовъ, пользуясь случаями, соединить славу свою съ славою главнаго Предводителя нашихъ войскъ.

Подъ Гарсовымъ ожидало Турокъ, 3 Сентября, новое пораженіе: ихъ войско простиралось до одиннадцати тысячъ; Суворовъ имѣлъ: три эскадрона гу-

сарь, сто козаковъ, четыре пѣхотныхъ полка и нѣсколько орудій. Онъ заманилъ непріятеля къ укрепленному стану своему и когда невѣрные, преслѣдуя бѣжавшихъ, покушались ворваться на валъ, вдругъ двинулись штыки Рускіе, опрокинули ихъ, между тѣмъ какъ пѣхотный полкъ Князя Гагарина, обойдя высоту, напалъ кареємъ на лѣвое крыло Турецкое, а Баронъ Розенъ врубился въ ряды Музульманъ съ конницею. Турки, наступавшіе строемъ, по примѣру Европейскому, и не привыкшіе сражаться такимъ образомъ, не могли выдержать сильнаго натиска противниковъ, смѣшались, приведены были въ совершенный безпорядокъ, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые побѣдителями за тридцать верстъ. Больше тысячи человекъ пало на мѣстѣ битвы, въ томъ числѣ двое Пашей. Съ нашей стороны ранено двѣсти человекъ. Трофеи того дня состояли изъ восьми пушекъ, одной мортиры и девяти знаменъ; въ плѣнъ взято около ста человекъ. Суворовъ произведенъ былъ въ Генералъ-Поручики.

Онъ содѣйствовалъ въ 1774 году Каменскому въ одержаніи (9 Іюня) блистательной побѣды подъ Козлуджи надъ сорока-тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ (*). Два героя сражались единодушно, хотя не любили другъ друга: одинъ завидовалъ славу младшаго товарища; другой, чувствуя свое превосходство, тяготился подчиненностію. — Вскорѣ Кочукъ-Кайнарджійскій договоръ положилъ (10 Іюля) конецъ кровопролитной брани.

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа М. Ѳ. Каменскаго.

Умолкли громы на берегахъ Дуная и еще продолжались въ недрахъ нашего Отечества: Донской козакъ, служившій въ Турецкую войну, бѣжавшій, потомъ, въ Польшу, укрывавшійся между раскольниками, явился на Яикъ; началъ возмущать тамошнихъ козаковъ; пойманъ; бѣжалъ, снова, на Яикъ изъ темницы Казанской (1773 г.); дерзнулъ выдавать себя Императоромъ Петромъ III и съ горстію отчаянныхъ сообщниковъ началъ опустошительныя свои дѣйствія: вступилъ въ Илецкій городокъ; взялъ приступомъ крѣпость Разсыпную; овладѣлъ крѣпостями: Нижне-Озерною, Татышевою, Чернорѣченскою, Пречистенскою; принять въ Сакмарскомъ городкѣ съ колокольнымъ звономъ и дарами; осадилъ Оренбургъ; ворвался въ крѣпость Ильинскую; занялъ крѣпости Тодкую и Сарачинскую; потерпѣлъ совершенное пораженіе отъ храбраго Генераль-Маіора Князя Голицына (1774 г.) (*); бѣжалъ за рѣку Сакмару въ степь; собралъ новую сволочь; занялъ Сакмарскій городокъ; возмутилъ Башкирцевъ; разорилъ Магнитную крѣпость; устремился къ Карагайской Уральскими

(*) Князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, родной племянникъ славнаго Генераль-Фельдмаршала времени Петра Великаго, извѣстенъ уже былъ военными своими подвигами въ Польшѣ противъ конфедератовъ; имѣлъ орденъ Св. Георгія 3 класса. Императрица наградила его Александровскою лентой за пораженіе Пугачева, пожаловала ему двѣ тысячи крестьянъ, произвела, потомъ, въ Генераль-Поручики; но, вскорѣ, сдѣлался онъ жертвою зависти и палъ, на поединкѣ, въ цвѣтъ лѣтъ и красоты, 11 Ноября 1775 года.

герман; обратилъ ее въ пепель; разорилъ, сжегъ крѣпости: Петрозаводскую, Степную, Троицкую; разбить на голову Генераль-Поручикомъ Де-Колонгомъ и, потомъ Михельсовомъ (*); удалился къ Башкирцамъ; собралъ свѣжее войско: завладѣлъ, на рѣкъ Камъ, большимъ дворцовымъ селомъ Каракули-

(*) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, Лиондскій уроженецъ, тяжело раненый въ Франкфуртской битвѣ (1759 г.) и на Кагульскомъ сраженіи (1770 г.); оказавшій въ Польшѣ рѣдкія и великія дарованія воинскія, пожалованъ за свои подвиги противъ самозванца: Полковникомъ, кавалеромъ Св. Георгія 3 класса, Шефомъ кирасирскаго полка военнаго ордена и получилъ еще золотую шпагу, украшенную брилліантами, тысячу крестьянъ, значительную сумму денегъ (1775 г.). Въ послѣдствіи удостоенъ онъ чина Генераль-Маіора, и ордена Св. Александра Невскаго (1778 г.); произведенъ въ Генераль-Поручики (1786 г.); служилъ съ честію въ Шведскую войну подъ главнымъ начальствомъ Графа-Музина-Пушкина (1788 и 1789 г.); возведенъ Императоромъ Павломъ I въ достоинство Генерала отъ Кавалеріи; управлялъ при Императорѣ Александрѣ Новороссійскимъ краемъ и Бѣлоруссіею; получилъ Андреевскій орденъ (1806 г.); пожалованъ Главнокомандующимъ Днѣстровской арміи: овладѣлъ Суллинскимъ проходомъ въ Дунай (1807); отразилъ осмнадцати тысячный корпусъ Турецкій, посланный противъ него изъ Журжи; разбилъ подъ Измаиломъ Пегливана Пашу; скончался въ Букарестѣ 19 Августа 1807 года, оплакиваемый арміею, какъ храбрый вождь и добрый начальникъ; былъ первый партизанъ на войнѣ, искусный кавалеристъ и, вмѣстѣ, ловкій царедворецъ.

нымъ; выжегъ городокъ Осу; разорилъ до основанія каменные винокуренные заводы: Ижевскій и Воткинскій; взбунтовалъ работниковъ; осадилъ Казань: ворвался въ городъ, предалъ его огню и мечу, готовился овладеть крѣпостью, былъ обращенъ въ бѣгство, преслѣдованъ мужественнымъ Михельсономъ; возмутилъ Заволжскихъ жителей; ограбилъ Цывилъскъ и Курмышъ; опустошилъ: Алатырь, Саранскъ, Пензу, Петровскъ и Саратовъ; умерщвлялъ вездѣ градодержателей, духовныхъ, чиновниковъ, купцовъ, дерзавшихъ противиться ему.

Въ это время Императрица ввѣрила главное начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева, Графу Петру Ивановичу Панину, который готовился тогда идти на встрѣчу бунтовщикамъ съ вооруженными служителями, намѣревался, присоединясь къ первой командѣ, подчинить себя младшему его чину (*). Устрашенный именемъ Панина, самозванецъ, бывший свидѣтелемъ завоеванія Бендеръ — бѣжалъ изъ Саратова къ Царицыну; преслѣдуемый, тѣснимый на всѣхъ пунктахъ.

Въ числѣ вождей, подчиненныхъ Панину, который въ одинъ мѣсяць даровалъ спокойствіе и тишину Россіи — находился Суворовъ. Военная Коллегія, еще въ продолженіе Турецкой войны, вызывала героя на новый подвигъ, видя важность возмущенія, но Румянцовъ удержалъ его въ своей арміи, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о вну-

(*) См. объ этомъ знаменитомъ мужѣ въ біографіи Генер. Фельди. Графа Петра Семеновича Салтыкова:

треникъ. безпокойствахъ Государства. — «Такова «была слава Суворова!» — восклицаетъ Пушкинъ въ Исторіи Пугаченскаго бунта (*). Кончилась война и Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно явиться къ Графу Панину. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева; переправился чрезъ Волгу въ Царицынъ; взялъ, подъ видомъ наказанія, въ одной изъ бунтовавшихъ деревень, пятьдесятъ паръ воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездамъ. Тамъ скитался Пугачевъ: Злодѣй надвѣлся еще укрыться между Киргизами отъ заслуженной казни, продолжалъ обматывать сообщниковъ; но послѣдніе лишились терпѣнія и выдали своего предводителя Яицкому Коменданту Симонову, славному обороною ввѣренной ему крѣпости, которую мятежники держали въ тѣсной осадѣ семь мѣсяцевъ; отразившему, съ горстію людей, два приступа самозванца; утодавшему голодъ лошадинымъ мясомъ, овечьими кожами, костями и, наконецъ, землею!

Суворовъ, послышавъ къ тѣмъ мѣстамъ, сбился ночью съ дороги, и нашелъ на огни; напалъ неожиданно на воруящихся Киргизовъ; разсѣлъ ихъ; прибылъ черезъ нѣсколько дней въ Яицкій городокъ; принялъ Пугачева; посадилъ его въ деревянную клетку на двухколесной телегѣ; окружилъ сѣль-

(*) Часть I, стр. 157.

ныиъ отрядомъ при двухъ пушкахъ; не отлучался отъ него; самъ караулилъ ночью и, въ началѣ Октября, сдалъ въ Сибирскъ Графу Панину. Въ Москвѣ совершилась казнь надъ самозванцемъ 10 Января 1775 года.

Векоръ въ древней столицѣ, осчастливленной присутствіемъ Екатерины, праздновали (10 Июля) миръ съ Портою Оттоманской. Суворовъ былъ награжденъ золотою шагаю, осыпанныю брилліантами и наименованъ, потомъ, начальникомъ С. Петербургской дивизіи.

Тогда Потемкинъ, съ которымъ сравнился было Суворовъ на полѣ чести, вдругъ предприимчивымъ умомъ и отважностію опередилъ многихъ, сдѣлался главнымъ вельможею въ Государствѣ и, среди лести и роскоши, приступилъ къ исполненію гигантскихъ предпріятій относительно изгнанія невѣрныхъ изъ Европы. Войска наши вступили въ Крымъ подъ предводительствомъ Князя Прозоровскаго (1776 г.). Явился Суворовъ и разсѣялъ (1777) скопища Хана Девлетъ-Гирея, преданнаго Портѣ; заставилъ его бѣжать въ Константинополь; содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи Ханомъ Шагинъ-Гирея, малодушнаго и неспособнаго управлять народомъ, котораго политическое существованіе исчезло съ возстановленіемъ мнимой независимости. Турція готовилась къ новой войнѣ. Суворовъ укрѣпилъ правый берегъ Кубани; сдѣлалъ также укрѣпленія въ разныхъ пунктахъ полуострова и даже въ горахъ. Въ началѣ 1778 года Князь Прозоровскій отозванъ въ Петербургъ и войска, находившіяся въ Крыму, были

ввѣрены Суворову. Турецкій флотъ, подъ предводительствомъ Капитана Паши крейсировалъ въ Черномъ морѣ, подступилъ къ берегу Крыма, угрожалъ высадкою и удалился безъ боя. Между тѣмъ неутомимый Полководецъ занялся переселеніемъ двадцати тысячъ Грековъ и Армянъ въ Екатеринославскую губернію. Духовенство содѣйствовало ему; но Министры, управлявшіе новымъ Ханомъ, явно возстали противъ распоряженія, долженствовавшаго уменьшить получаемые ими доходы. Суворовъ окружилъ жилище ихъ солдатами, приставилъ пушку и Министры на все согласились (*). Въ половинѣ 1779 года Порта признала Шагинъ-Гирея Ханомъ; Суворовъ выхалъ изъ Крыма, вслѣдъ за тѣмъ присоединеннаго къ Имперіи. Государыня наградила труды его: табакеркою съ портретомъ Ея, осыпаннымъ бриліантами; возложила на него въ Петербургъ, бриліантовую звѣзду Александровскаго ордена, которую сама носила на орденской одеждѣ; назначила командиромъ Малороссійской дивизіи. Въ 1780 году онъ осматривалъ, по приказанію Императрицы, берега Каспійскаго моря; переведенъ былъ, потомъ, въ Казанскую дивизію (1781 г.); наименованъ командиромъ пятаго корпуса, расположеннаго на Кубани (1782 г.).

Дѣятельно вспомошествовалъ Суворовъ Потемкину въ знаменитыхъ предпріятіяхъ: ласками, дарами и угощеніемъ склонилъ онъ Нагайскихъ Татаръ къ пріятію Россійскаго подданства (1783 г.); награжденъ орденомъ Св. Владиміра большаго креста пер-

(*) *Побѣды Суворова*, изд. 1809, ч. 2, стр. 23.

вой степени (28 Июля); разбил Нагайманъ, возмущенныхъ Шагинъ-Гиреевъ; привелъ ихъ въ повиновение.

Россия наслаждалась миромъ и Суворовъ, обучавшій въ это время возвращенныя ему войска Владимирской и С. Петербургской дивизій, пожалованъ былъ Генералъ-Аншефомъ въ 1786 году. Вскорь Императрица предприняла путешествие въ полуденный край (1787 г.) (*); Суворовъ находился въ Малороссіи. Она спросила его въ Кременчугъ: «не имѣетъ ли онъ какой просьбы?» — Заслуженный воинъ бросился къ ногамъ Государыни и умолялъ о замѣнѣ за намятою имъ ее тою городою квартиру. Въ тотъ же день выдано ему изъ казны, по его показанію, двадцать пять рублей съ копѣйками (**), но вслѣдъ за тѣмъ удостоился онъ получить табакерку съ иззеловымъ именемъ Императрицы, осыпанную бриллиантами. Тогда ввѣрены ему были войска, стоявшія въ Херсонѣ и въ Киубурнѣ. Разрывъ съ Турціей казался неизбежнымъ. Суворовъ, всегда дѣятельный и осторожный, укрѣплялъ берега Днѣпра, особливо Буга, на которомъ было много удобныхъ переправъ; приказалъ заложить передъ гаванью Глубокою большую батарею о двадцати четырехъ 18 и 24 фунтовыхъ пушкахъ, для защищенія обонхъ фарватеровъ; а на островъ подъ Херсономъ построилъ пять батарей съ меньшимъ числомъ пушекъ, для произведенія кре-

(*) См. объ этомъ путешествіи въ Биографіи Князя Потемкина-Таврическаго.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, изд. Фуксомъ, стр. 177.

стообразнаго огня; старался также о безопасности полуострова Кинбурнскаго. Городъ былъ окруженъ ничтожными стѣнами, землянымъ гласисомъ, мѣлкимъ ровомъ. Суворовъ остался въ Кинбурнѣ, предвидя нападеніе.

Турки, дѣйствительно, при самомъ началѣ войны, намѣревались овладѣть Кинбурномъ, какъ слабымъ укрѣпленіемъ; потомъ надвѣялось ворваться въ Херсонъ и Крымъ; располагали сжечь корабли наши. Предводимые Французскими офицерами, они пришли, 30 Сентября, къ Косъ и начали укрѣпляться. Войска Суворова состояли только изъ 1000 человекъ, къ которымъ подоспѣли 4 козачьихъ полка и еще 1000 человекъ конницы. Число Турокъ, вступившихъ на берегъ, 1-го Октября, простиралось до 6 тысячъ. Главный предводитель ихъ, Юсъ-Паша, звавшій совершенно Кинбурнъ, рѣшился побѣдить или умереть, велѣлъ своимъ перевознымъ судамъ удалиться. Турки начали бомбардировать; но имъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ изъ крѣпости; попали ложементы, безъ всякаго препятствія съ нашей стороны. Суворовъ далъ приказаніе *дѣйствовать, когда неприятель подойдетъ на дѣйстви шаговъ; назначилъ сигналомъ залпъ со всѣхъ крѣпостныхъ полигоновъ, находившихся на той сторонѣ; между тѣмъ молился въ церкви, велѣлъ, когда кончилась литургія, пѣть молебень. Въ часъ по полудни Турецкій авангардъ подошелъ къ назначенному разстоянію; сигналъ былъ данъ: Полковникъ Иловайскій, съ двумя козачьими полками и двумя эскадронами легкой конницы, обвѣхавъ крѣпость съ*

лѣвой стороны по берегу Чернаго моря, напалъ на неприятельскія войска, которыя состояли изъ нѣсколькихъ сотъ человекъ, несшихъ лѣстницы, и зарубилъ ихъ, въ томъ числѣ Юсь-Пашу, не хотѣвшаго сдаться. Между тѣмъ Орловскій пѣхотный полкъ, предводимый Генералъ-Маіоромъ Рекомъ, сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости и устремился на неприятеля съ правой стороны, проложилъ себѣ штыками дорогу въ ложементы, очистилъ половину оныхъ, подъ громомъ шести сотъ орудій съ Турецкихъ кораблей. Въ это время храбрый Рекъ, опасно раненый, былъ вынесенъ за фронтъ. Суворовъ подкрѣпилъ сражавшихся батальономъ Козловскаго полка, но со всѣмъ тѣмъ, Рускіе отступили; герой остался впереди съ горстію людей. Мушктеры бросились выручать своего Генерала; подъ нимъ убита тогда лошадь; уже одинъ Турка готовился поразить его, какъ былъ поверженъ на землю унтеръ-офицеромъ Новиковымъ. Наши сражались еще некоторое время, но, подавляемые силою, принуждены были отступить. Суворовъ, не смотря на полученную имъ рану картечью въ бокъ, вывелъ свѣжія войска. Отчаянная битва возобновилась въ третій разъ. Победа казалась на сторонѣ Турокъ, какъ вдругъ подоспѣли къ нашимъ десять эскадроновъ легкой конницы, стоявшихъ въ тридцати верстахъ за Кибурномъ. День склонился уже къ вечеру. Пѣхота, получивъ подкрѣпленіе, ударила на неприятеля съ большимъ ожесточеніемъ; козаки устремились во фланги. Турки, ободряемые дервишами, продолжали нападеніе, бросались съ отчаяніемъ

въ ряды наши. Суворовъ былъ, снова, раненъ пулею въ лѣвую руку, но не оставилъ поля сраженія. Вскорѣ сдѣлалось совершенно темно: въ девятомъ часу присоединились еще триста человекъ Муромскаго полка, лишь только прибывшіе изъ Херсона и рѣшили побѣду. Турки отступили къ морю, оборонялись съ полчаса и, потомъ, принуждены были искать спасенія въ волнахъ, гдѣ погибло ихъ множество. Въ десять часовъ все утихло.

Потеря наша убитыми простиралась до двухъ сотъ человекъ, въ томъ числѣ десять Штабъ и Оберъ-офицеровъ; ранено восемьсотъ. Изъ шести тысячъ Турокъ, высадившихъ на берегъ, едва десятая часть спаслась отъ пораженія. Императрица, получивъ донесеніе Князя Потемкина объ одержанной побѣдѣ Суворовымъ, принесла (17 Окт.) благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой и сказала, потомъ, приближеннымъ: *«Александръ Васильевичъ поставилъ насъ на колѣни; но жаль, что старика ранили (*).»* Она собственноручнымъ рескриптомъ благодарила его, на другой день, за оказанные имъ и вѣрнымъ ему войскомъ мужественные подвиги; изъявила искреннее соболѣзнованіе о полученныхъ Суворовымъ ранахъ; желала скораго выздоровленія и, вслѣдъ за тѣмъ, наградила его (9 Ноября) орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, *который онъ— по выраженію Екатерины— заслужилъ върою и вър-*

(*) См. *Памятныя Записки Храповицкаго* въ Отечеств. Запискахъ Г. Свильяна.

ностию (*); преисповедла къ нему шесть Георгіевскихъ крестовъ, для раздачи, по собственному его выбору, отличившимся офицерамъ. — Суворовъ писалъ (20 Декабря), изъ Кинбурна, къ своей дочери, которая еще воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ: «У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ въ правду потанцовали, въ бою пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мордочку отстрелили: насилу часовъ чрезъ восемь отпущивъ съ театра въ камеру. Я теперь только, что возвратился; выѣздили близъ пятисотъ верстъ верхомъ, въ шесть дней и не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на Ливанѣ! вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, осетры: пропасть! Прости, мой другъ Наташа и проч.»

Въ 1788 году, Потемкинъ повелъ взрѣнную ему армию къ Очакову. Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Суворовъ вызывался овладѣть этою крѣпостью, но получилъ отказъ: 28 Августа, преслѣдуя Турокъ, сдѣлавшихъ вылазку, онъ, въ жару сраженія, съ нѣсколькими гренадерскими батальонами ворвался въ непріятельскій ретраншементъ, почти овладѣвъ онымъ, но былъ раненъ пулею, которая попала на два пальца отъ горла и остановилась въ затылкѣ. Тогда нѣсколько сотъ человекъ погибли, во время безпорядочнаго отступленія.

(*) Довизъ ордена.

Герой находился у вратъ смерти; пуля вынута; онъ велѣлъ вести себя въ Квинбуръ; занемогъ горячкою; съдѣлалось воспаленіе; прибѣгнули къ новой операци: вырѣзали изъ раны нѣсколько кусковъ сукна и подкладки отъ мушкетера, которыхъ не примѣтили при первой перевязкѣ. Ожидали кончины страдальца; но благодѣтельный сонъ возвратилъ ему силы и опасность миновалась. Во все время леченія, которое продолжалось три недѣли, Суворовъ не лежалъ въ постели; уже начиналъ выздоравливать, какъ одна бомба, въ числа взорванныхъ отъ загорѣвшагося пороховаго магазина, разбила часть стѣны той комнаты, въ которой онъ находился: Суворовъ еще слабый на ногахъ, хотѣлъ выдти и былъ засыпанъ множествомъ щепъ, раненъ ими въ лицо, въ грудь и въ колѣно.

Къ тѣлеснымъ страданіямъ присоединились душевныя, которыя болѣе первыхъ подавляютъ человека: «Мнѣ странно — писалъ гордый Князь Тавриды къ безстрашному Полководцу — «что въ присутствіи моемъ дѣлается движеніе безъ моего приказанія пѣхотою и конницею. . . . Извольте меня «уведомлять, что у васъ происходитъ будетъ; а не «такъ, что даже я не прислалъ мнѣ сказать о движеніи *впередъ*.» — Суворовъ заговорилъ: что желаетъ удалиться въ Москву для *лучшаго излеченія ранъ*. — «Невидность не терпитъ оправданій — отвѣчалъ онъ Потемкину. — «*Всякій имѣетъ свою систему, — такъ и по службѣ я имѣю мою. — Мнѣ «не переродиться, — и поздно! Свѣтлѣйшій Князь! «успокойте остатки моихъ дней! — Шея моя не «раплена, — чувствую сквозную рану, — тѣло изло-*

чmano. — Коли вы не можете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя. — *Добродѣтель всегда гонима.* — Вы вѣчны, вы кратки!» — Такъ, стараясь смягчить оскорбленнаго вельможу, герой напоминалъ ему о смерти, которая прерываетъ навсегда земное значеніе.... Потемкинъ забылъ прошедшее, называлъ Суворова въ письмахъ *сердечнымъ своимъ другомъ*, призывалъ его, снова, къ Очакову — черта похвальная въ жизни Князя Таврическаго! Между тѣмъ Суворовъ имѣлъ пребываніе въ Малороссіи, возстановлялъ силы свои и не гонялся за славою, которая ожидала его на каждомъ шагу съ распростертыми объятіями. Въ началѣ 1789 года отправился онъ въ С. Петербургъ для свиданія съ дочерью; былъ отлично принятъ Императрицею; получилъ бриліантовое перо на каску съ литерою *К* (Кинбургъ).

Новая блистательнѣйшая кампанія ожидала его. Суворовъ отправился въ армію, которою предводительствовалъ одинъ только Потемкинъ: Задунайскій вложилъ въ ножны мечъ, испытывая разные неприятности по службѣ со стороны Президента Военной Коллегіи (*), жилъ тогда на одной мызѣ въ окрестностяхъ Яссъ. Тамъ посѣтилъ Кагульскаго героя достойный ученикъ его, Суворовъ, который видѣлъ въ немъ бывшаго своего начальника, непобѣдимаго вождя, и не смотрѣлъ на отношенія къ нему Князя Таврическаго.

Принявъ въ Берладѣ отъ Генералъ-Поручика Дер-

(*) Президентомъ Военной Коллегіи былъ Потемкинъ.

фельдена ввѣренный ему корпусъ, Суворовъ, по приказанію Князя Репнина, начальствовавшаго въ Молдавіи и въ Бессарабіи, вступилъ въ сношенія съ Принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, который командовалъ вспомогательными Австрійскими войсками. Онъ находился въ Валахіи, не зная еще лично Суворова, но уважалъ его: вскорѣ тѣсная дружба соединила ихъ.

Турецкая армія, подъ предводительствомъ Сера-скира, двинулась отъ Браилова къ Фокшанамъ и угрожала нападеніемъ на корпусъ Принца Кобургскаго: Суворовъ поспѣшилъ къ нему и, проходя ближайшею дорогою, горами и лѣсомъ, сдѣлалъ восемьдесятъ верстъ въ 36 часовъ. Тогда оба корпуса переправились за рѣку Стратушъ въ двухъ колоннахъ: авангардъ состоялъ изъ однихъ Австрійцевъ, чтобы Турки не знали о прибытіи союзниковъ.

21 Іюля произошло сраженіе при Фокшанахъ, на которомъ 18,000 Австрійцевъ и 7000 Рускихъ совершенно разбили 40,000 Турокъ; обратили ихъ въ бѣгство; преслѣдовали по двумъ дорогамъ: Букарестской и Браиловской; положили на мѣсть до двухъ тысячъ человѣкъ; взяли въ плѣнъ около трехъсотъ; отняли 16 знаменъ, 12 пушекъ; овладѣли богатымъ лагеремъ. Императоръ Іосифъ наградилъ Принца Кобургскаго большимъ крестомъ ордена Маріи Терезіи и прислалъ Суворову, при лестномъ рескриптѣ, табакерку съ вензельнымъ именемъ, осыпанную брилліантами. Въ столицѣ ожидали дальнѣйшихъ извѣстій о его побѣдахъ.

Веноръ Верховный Визирь съ шестидесятитысяч-нымъ войскомъ, переправивъ отъ Браилова чрезъ рѣку Бузео, сталъ лагеремъ при деревнѣ Граденешти, въ близкомъ разстояніи отъ Австрійцевъ. Принцъ отправилъ нарочнаго къ Суворову, который находился въ Берладъ. Россійскій Полководецъ, сначала, не спышавъ походомъ; но получивъ второе уведомленіе, отвѣчалъ двумя словами: *Иду, Суворовъ*; полетѣвъ на помощь союзникамъ и 9 Сентября, вечеромъ, соединился съ ними, въ виду непріятельскаго стана. Принцъ, тотчасъ, пригласилъ къ себѣ Генераль-Аншефа; послѣдній велѣлъ ему доложить: *Суворовъ Богу молится*. Принцъ отправилъ другаго посланнаго: *Суворовъ ужинаетъ* — сказалъ герой. Явился третій и услышалъ: *Суворовъ спитъ*. Между тѣмъ, не помышляя о снѣ, дѣятельный Полководецъ обозрѣвалъ съ высокаго дерева мѣстоположеніе непріятельское и, на разсвѣтъ, явился къ Принцу Кобургскому, условился съ нимъ о нападеніи. — «Еслибъ «при самомъ началѣ — произнесъ Суворовъ Генера-ламъ — «пошелъ я къ Принцу, мы провели-бы всю «ночь въ толкованіяхъ тактическихъ; мы сформид-«бы и упустили время.»

Союзныя войска, въ двухъ колоннахъ, перешли вечеромъ, 10 Сентября, Милковъ въ бродъ и пона-веденнымъ мостамъ; приблизились, въ глубочай-щей тишинѣ, къ крутымъ берегамъ Рымника и со-вершили переправу черезъ эту рѣку 11 числа на разсвѣтъ.

Рускіе двинулись впередъ въ трехъ линіяхъ: пѣхота, находившаяся въ первой и второй, шла

шестью парями; конница подвигалась за ними в третьей. Число войск простиралось, какъ и подъ Фокшанами, только до семи тысячъ человекъ, при двадцати орудіяхъ. Австрійцы слѣдовали также тремя линіями: девять кареевъ составляли двѣ первыя, а конница третью. Всѣхъ ихъ было до 18,000. Взирь, узнавъ, что долженъ будетъ сразиться съ Суворовымъ, сказалъ: «Это навѣрно другой Суворовъ, потому, что первый умеръ отъ ранъ въ Клинбурнѣ.»

Лишь только Русскіе подошли къ неприятельскому лагерю на полторы версты, Турки открыли сильный огонь изъ своихъ орудій; но солдаты не смотря на рытвины, затруднявшія артиллерію, быстро подвигались впередъ. Между тѣмъ конница, бывшая на правомъ крылѣ подъ командою Бригадiera Буриашева, начала атаку. Турки стоявшіе на возвышеніи, зашли ложиною нанимъ въ бокъ и ударили на каре Шастакова, который также находился на правомъ крылѣ. Ихъ было до семи тысячъ человекъ: янычары сидѣли на однихъ лошадяхъ съ спагами и, приближаясь къ Русскимъ, тотчасъ спотыкались, напали на противниковъ съ ожесточеніемъ; но число навѣрныхъ не утратило храбрыхъ воиновъ, предводительскъ Суворовымъ: они приняли Турокъ холоднымъ оружіемъ и отбросили назадъ; янычары спасались отъ смерти на лошадяхъ спаговъ и первые падали подъ саблю нашей конницы. Въ это время Османъ Паша, съ 5,000 охотниковъ изъ спаговъ, потерпѣлъ пораженіе на лѣвомъ крылѣ нашемъ. Въ неприятельскомъ лагерѣ не найдено ни одной пушки. Когда происходила битва при Тирго-

кули, Принцъ Кобургскій, переправившись чрезъ Рымникъ, верстъ на семь ниже Суворова, не успѣвъ еще соединиться съ нимъ и находился верстахъ въ четырехъ. Османъ Паша съ 15,000 чел. конницы намѣревался возобновить нападеніе на Рускихъ и неожиданно сошелся съ Австрійцами, былъ во второй разъ обращенъ въ бѣгство.

Давъ отдохнуть войскамъ, Суворовъ, въ первомъ часу по полудни, выступилъ къ деревнѣ Боксъ. Австрійцы стояли отъ него верстахъ въ трехъ; Визирь расположился за Крингумеларскимъ лѣсомъ на Рымникъ, въ десяти верстахъ отъ союзниковъ. Турки выкопали вдоль по опушкѣ лѣса шанцы, за которыми намѣревались 12 числа оставить тяжелый обозъ передъ нападеніемъ на Принца Кобургскаго; но Суворовъ не любилъ откладывать и, между тѣмъ, какъ Австрійцы вступили въ бой съ Визиремъ, обошелъ непріятельскія батареи, поставилъ свои шесть каре полукружіемъ и повелъ ихъ скорымъ шагомъ къ укрѣпленному лѣсу. Сильная пальба не остановила безстрашныхъ: чтобы сберечь людей, Суворовъ приказалъ конницѣ нападать на лѣсъ чрезъ интервалы между кареями. Въ укрѣпленіяхъ находилось болѣе 15,000 янычаръ; конница Турецкая стояла по бокамъ. Принцъ Кобургскій, отразивъ шесть сильныхъ атакъ, также двинулъ свои полки къ лѣсу. Конница наша быстро перенеслась чрезъ рвы и валы и врубилась въ толпы янычаръ: завязался рукопашный бой; Турки отчаянно защищались саблями и кинжалами; многіе изъ нихъ изрублены на пушкахъ, которыхъ не хотѣли покинуть. Старо-

дубокіе карабинеры, предводимые храбрымъ Миклашевскимъ и Венгерскіе гусары первые бросились на непріятеля. Козаки, Австрійскіе уланы и Арнауты ударили на Турецкую конницу, смяли ее и окружили лѣсъ слава и слади. Устремилась пѣхота и въ четыре часа соединенные корпусы совершенно овладѣли лѣсомъ. Турки были вездѣ опрокинуты и искали спасенія въ бѣгствѣ. Тщетно Визирь убѣждалъ свое войско возратиться на поле битвы, заклиная аллиораномъ, который держалъ въ рукѣ; наконецъ, обратилъ на малодушныхъ два орудія: ничто не помогло. Суворовъ самъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ по трунамъ убитыхъ, не давалъ никакой пощады непріятелю, приказывалъ рубить всѣхъ и запретилъ брать въ плѣнъ. Визирь, прогнанный въ Браиловъ, заперся въ крѣпости. Турки лишились убитыми болѣе десяти тысячъ человекъ. Потеря союзниковъ не превышала 600 человекъ убитыми и 300 ранеными. Въ числѣ трофеевъ было: восемьдесятъ пушекъ и сто знаменъ; весь лагерь, обозъ и множество рогатаго скота достались побѣдителямъ. Взятіе Бѣлграда Лаудономъ и сдача Бендеръ и Акермана Князю Потемкину были слѣдствіемъ Рымникской битвы.

И здѣсь, какъ подѣ Кишбурномъ, угрожало Суворову пораженіе: вечеромъ, 11 Сентября, Принцъ Кобургскій получилъ, съ курьеромъ, выговоръ отъ Князя Таврическаго за то, что конницы не были готовы и, будучи Имперскимъ Княземъ, находясь въ службѣ Римскаго Императора, не считая себя подчиненнымъ Россійскому Фельдмаршалу, чрезвычайно оскорбился; сказалъ Суворову: «что еслибъ

«мурьеръ прѣикалъ по утру, то онъ не вступилъ бы въ дѣло съ Турками (*)».

Екатерина наградила Суворова бриллиантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго; шпагою, украшенною бриллиантами и лавровыми вѣнками, съ надписью: *Побдителяю Верховнаго Визиря* и, вслѣдъ за тѣмъ, препроводила къ нему дипломъ на Графское достоинство Россійской Имперіи, съ наименованіемъ *Рымскимъ*, также орденъ Св. Великомученика Георгія перваго класса (18 Окт.). Последняя награда чрезвычайно обрадовала героя. Онъ писалъ тогда къ дочери своей: «Слышала ли, сестрица (**), душа моя? Отъ моей щедрой Матушки (***) Рескриптъ на полуцѣль, будто Александру Македонскому; знаки Св. Андрея тысячь въ пятьдесятъ, да выше всего, голубошка, первый классъ Св. Георгія. Вотъ каковъ твой папашка за доброе сердце. Чуть, право, отъ радости не умеръ.» — Иосифъ возвелъ Суворова въ Графское достоинство Римской Имперіи (19 Окт.); пожаловалъ Принца Кобургскаго Генералъ-Фельдмаршаломъ. Онъ получилъ отъ Екатерины одинакую шпагу съ Суворовымъ. После одержанной ими победы, Принцъ пришелъ въ палатку нашего Полковника, сопрово-

(*) См. *Побды Суворова*, ч. 3, стр. 32.

(**) *Сестрицею* называлъ Суворовъ дочь свою, подражая монастыркамъ. Въ началѣ письма именуешь онъ ее: *Comtesse de deux Empires! Любезною Наташею Суворочкою.*

(***) Императрицы.

исдаемий своимъ Штабомъ, и оба вождя бросились въ объятія другъ друга.

Австрийцы расположились въ Валахін. Корпусъ Принца Кобургскаго увеличился до сорока тысячъ человекъ. Новый Визирь Юсуфъ Паша двинулъ сильную армию къ Рущуку (1790 г.). Суворовъ послышалъ къ Букаресту. Въ это время скончался вѣрный союзникъ Россіи, Императоръ Іосифъ II, и Лепольдъ, поставивъ перемиріе съ Турціею, оказавъ Принца въ Венгрію. Онъ изъявлялъ въ письмѣ своемъ къ Суворову душевную скорбь; называлъ его достойнымъ, драгоценнымъ другомъ; несправедливо ущемлялъ; уверялъ: что не въ силахъ просить о немъ лично; просилъ о продолженіи къ нему дружбы, которая одна утѣшаетъ военную жизнь его.

Между тѣмъ оружіе наше торжествовало въ Турціи: Контръ-Адмиралъ Рибасъ овладѣлъ Тульчею; братъ его вступилъ въ Исакчу, Гудовичъ въ Кимлію. Тогда Потемкинъ, въ глубокую осень, приказавъ Суворову взять Измаиль, во чтобы то ни стало, да двадцать лѣтъ впередъ тѣмъ эта крѣпость; имѣла семь верстъ въ окружности; восемь бастіоновъ; валъ, вышиною въ три и четыре сажени; рвы: отъ шести до семи саженой — сдѣланы на уловоиѣ Репнину. Турки гордились, потомъ, два раза неудачною осадой Русияхъ. Въ 1790 году, Измаиль, сильно укрѣпленный Французскими инженерами, нечитаемый неприступнымъ Турціей и Европою, вмѣщалъ въ себя тридцати пяти тысячный гарнизонъ, который состоялъ большею частію изъ лычарь, подъ предводительствомъ Сераскира Аудузу

Паши, стараго воина, отказавшагося отъ Визирскаго достоинства.

Армія Суворова простиралась только до 28,000 человекъ, изъ которыхъ около половины были козаки. Она расположилась полукружіемъ въ трехъ верстахъ отъ Измаила и занимала почти двадцать верстъ отъ одного берега Дуная до другаго: въ ней свирѣяствовали разныя болѣзни по причинѣ ненастной погоды; претерпѣвали недостатокъ въ фуражѣ. Холодъ увеличивался; Суворовъ приказалъ нарѣзать тростнику, чтобы солдаты могли грѣться у огня; приготовилъ лѣстницы и фашины; обучалъ ночью войска дѣйствовать ими; осматривалъ мѣстоположеніе; отражалъ вылазки; построилъ батареи въ сорока сажняхъ отъ Измаила, желая обмануть Турокъ правильною осадой; велѣлъ стрѣлять въ крепость, откуда также отвѣчали жестокииъ огнемъ и начертилъ, между тѣмъ, планъ приступа. Контръ-Адмиралъ Рибасъ дѣйствовалъ со стороны Дуная: укрѣпилъ островъ, лежащій противъ Измаила, построилъ на немъ батареи, бросалъ бомбы въ крепость, сжегъ и потопилъ почти всю Турецкую флотилію.

7-го Декабря Суворовъ вступилъ въ сношенія съ Сераскиромъ; два раза убѣждалъ его сдать крепость. Гордый Аудузлу-Паша отвѣчалъ: «Скорѣе Дунай остановится въ теченіи своемъ и небо преклонится къ землѣ, нежели сдастся Измаилъ.» — Суворовъ въ третій разъ уведомилъ Сераскира: *что если въ тотъ же день не выставитъ онъ благо флага, то крепость будетъ взята приступомъ, а гарни-*

зона сдѣлается жертвою ожесточенныхъ воиновъ. Паша оставилъ отзывъ Главнокомандовавшаго безъ отвѣта.

Въ это время Князь Таврическій, страшась помрачить неудачею славу оружія Рускаго, вдругъ отмѣнилъ данное приказаніе и совѣтовалъ Суворову: «не отваживаться на приступъ, если онъ не совершенно увѣренъ въ успѣхъ.» — «*Мое намѣреніе непремѣнно*» — отвѣчалъ Суворовъ: — *два раза было Россійское войско у воротъ Измаила — стыдно будетъ, если въ третій оно отступитъ не вошедши въ него.*» — Собранъ былъ военный совѣтъ: Бригадиръ Платовъ (прославившійся, потомъ, въ Отечественную войну) первый написалъ: *штурмовать*. Всѣ то же подтвердили. Суворовъ вбѣжалъ въ ставку, перецѣловалъ всѣхъ и сказалъ. «*Одинъ день Богу молиться; другой день учиться; въ третій день славная смерть или побѣда (!)*».

Ночью съ 10 на 11 Декабря передъ приступомъ Суворовъ велѣлъ изрѣдка бомбардировать крѣпость, чтобы обмануть Турокъ недостаткомъ пороха и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ: онъ не сомкнулъ въждей своихъ, сидѣлъ у огня съ нѣсколькими офицерами и ожидалъ сигнала. Въ пять часовъ утра, когда пущена была третья ракета, вдругъ шесть колоннъ, среди которыхъ находился Суворовъ, сухимъ путемъ, и три на судахъ двинулись къ Измаилу; первыми тремя или правымъ крыломъ коман-

(*) См. *Рускую Исторію* С. Н. Глинки, напечат. 1818 г., ч. 8, стр. 179.

доваль Генераль-Поручикъ Потемкинъ, двоюродный братъ Фельдмаршала; левымъ роднымъ племянникъ Князя Таврическаго Генераль-Поручикъ Самойловъ. Подъ начальствомъ послѣдняго находились Голеннищевъ-Кутузовъ (*). Онъ предводительствовалъ пестрою колонною. Конница раскложилась въ одной верстѣ, подъ пушнями ярпости; козачи, назначенные для приступа, свѣшившись, укоротились своими.

Темнота и туманъ продолжались до девяти часовъ утра. Лишь только Русскіе подошли на четыреста шаговъ, Турки открыли сильный картѣчный огонь, причинившій большое опустошеніе въ рядахъ нашихъ. Секундъ-Маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся съ егерями въ охотники, первый бросился въ ровъ, наполненный водою и изъ глубины онаго, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій и штыковъ, взобрался на валъ подъ пушки непріятельскія; приказалъ егерямъ, къ ободренію товарищей, стоявшихъ у рва, выстрѣлить въ промежутки Турецкой батареи; вскочилъ, потомъ, на бастіонъ, овладевъ оружіями и тяжело раненъ (**). Генераль-Маіоръ Лас-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Голеннищева-Кутузова-Смоленскаго.

(**) Неклюдовъ цѣлый годъ страдалъ отъ ранъ и Суворовъ, считая его умершимъ, не представлялъ о немъ. Въ 1792 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина наградила героя Измаильскаго военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса, произвела его изъ Секундъ-Маіо-

си, начальствовавший второю колонною, прежде всѣхъ взомель на валъ въ шесть часовъ: первая колонна, подъ командою Генераль-Маіора Львова и третья, предводимая Генераль-Маіоромъ Мекнобомъ, должны были его подкрѣпить; но нѣсколько опоздали. Львокъ и Мекнобъ были тяжело ранены; Ласси, слегка, въ руку и, продолжая нападеніе, захватилъ многія батареи за Хотинскими воротами. Между тѣмъ, лѣвое крыло дѣйствовало съ одинакимъ мужествомъ: Генераль-Маіоръ Голенищевъ - Кутузовъ, преодолевъ сильный картечный и ружейный огонь, овладѣлъ бастиономъ; но въ первое мгновеніе удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей, которые сильною вылазкой остановили четвертую и пятую колонны. Ими предводительствовалъ Безбородко, братъ знаменитаго Канцлера, получившій тогда тяжелую рану. Суворовъ наблюдалъ каждый шагъ подчиненныхъ ему вождей, немедленно велѣлъ поздравить Кутузова *Комедактомъ Измаила* и прибавилъ, что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покореніи крѣпости. Усиливъ свои войска Херсонскимъ полкомъ, Кутузовъ возобновилъ отчаянную битву; опрокинулъ янычаръ и довершилъ побѣду штыками. Турки старались взорвать пороховые магазины, на-

ровъ въ Подполковники и пожаловала ему двѣсти крестьянъ. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ произвелъ престарѣлаго воина изъ отставнаго Полковника въ Генераль-Маіоры и Высочайше повелѣлъ ему состоять по кавалеріи. Нѣклюдовъ скончался въ 1839 году.

ходившіеся подъ валомъ каждаго бастіона и устремилісь на лагерь осаждающихъ, но были отражены Рускими съ значительной потерей. Въ восемь часовъ Суворовъ овладѣлъ крѣпостными укрѣпленіями съ сухаго пути и съ рѣки; началось сраженіе во внутренности города: Турки въ узкихъ улицахъ стрѣляли изъ оконъ, оборонялись съ ожесточеніемъ; между ними было множество женщинъ, вооруженныхъ кинжалами. Рускіе вошли въ Измаилъ четырьмя воротами. Сераскиръ долго защищался въ каменномъ строеніи и, потомъ, палъ героемъ. Въ четыре часа по полудни крѣпость была совершенно завоевана. Въ числѣ девяти тысячъ плѣнныхъ, положившихъ оружіе (изъ которыхъ двѣ тысячи умерли отъ ранъ въ тотъ же день), находились: трехбунчужный Паша Мустафа, одинъ Султанъ, сынъ Сераскировъ, Капиджи Баща и множество Бимъ Башей; болѣе четырехъ тысячъ Христіанъ и сто тридцать пять Евреевъ, жительствовавшихъ въ Измаилѣ, прибѣгнули къ покровительству Суворова. Во время штурма погибло до 26,000 Турокъ и Татаръ; въ числѣ трофеевъ находились: 245 пушекъ и мортиръ, 364 знамени, семь бунчуговъ, два санджака, множество пороку и другихъ военныхъ снарядовъ, полные магазины съѣстныхъ припасовъ для людей и лошадей. Солдатамъ позволено было грабить, согласно данному обѣщанію, три дня сряду: они получили въ добычу болѣе милліона рублей и множество прекрасныхъ Турчанокъ. Нашихъ убито на приступѣ 1880 человекъ; ранено: три Генералъ-Маіора, около 200 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и 244 рядовыхъ.

«Гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества» — донесъ. Государынь Суворовъ и, въ то же самое время, написалъ къ Фельдмаршалу: «Россійскія знамена на стѣнахъ Измаила!»

Тогда Князь Таврическій имѣлъ пребываніе въ Яссахъ, гдѣ, среди блеска и пышности окружавшихъ его, предавался внутренней скорби, страшился пережить свое значеніе. Онъ пригласилъ къ себѣ покорителя Измаила; желалъ сдѣлать ему почетную встрѣчу; велѣлъ разставить по дорогѣ нарочныхъ сигнальщиковъ и поручилъ любимцу своему, Боуру, доложить лишь только Генералъ-Аншефъ будетъ подъѣзжать къ городу. Суворовъ нарочно пріѣхалъ въ Яссы ночью и на другой день отправился къ Фельдмаршалу въ длинной Молдавской повозкѣ, заложеной парюю лошадей въ шорахъ, съ кучеромъ и лакеемъ, одѣтыми въ широкихъ платьяхъ. Проницательный Боуръ, не смотря на странный экипажъ, узналъ Суворова, когда онъ вѣзхалъ въ ворота Княжескаго дворца и поспѣшилъ увѣдомить Фельдмаршала. Немедленно Потемкинъ вышелъ на парадное крыльцо, но не успѣлъ сойти съ трехъ ступеней, какъ увидѣлъ передъ собой Суворова, обнялъ его и произнесъ: «Чѣмъ могу я васъ наградить за ваши заслуги?» — *Нѣтъ, Ваша Святлостъ* — отвѣчалъ поспѣшно Суворовъ — *я не купецъ и не пріѣхалъ съ вами торговаться. Меня наградить, кромѣ Бога и Всемилоостивѣйшей Государыни, никто не можетъ.* — Потемкинъ перебѣнулся въ лицѣ, замолчалъ и пошелъ въ залу. Тамъ Суворовъ подалъ ему рапортъ. Фельдмаршалъ принялъ его съ примѣтной холодно-

стію и они, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ залъ, разстались не говоря ни слова (*).

Суворовъ явился въ Петербургъ въ началѣ 1791 года. Императрица велѣла спросить его: «гдѣ же-лаетъ онъ быть Намѣстникомъ?» — Я знаю — отвѣчалъ бессмертный Полководецъ — что *Матушка-Царица слишкомъ любитъ Своихъ подданныхъ, чтобы мною наказать какую-либо провинцію. Я размѣряю силы съ бременемъ, какое могу поднять. Для другаго не въ могу Фельдмаршальскій мундиръ (**).*» — Но Потемкинъ, оскорбленный Суворовымъ, воспрепятствовалъ ему получить тогда Военачальническій жезлъ: онъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, въ память знаменитаго его подвига, выбита медаль.

Присутствіе Суворова тяготило гордаго Вельможу, который приготавливалъ въ Таврическомъ дворцѣ своимъ волшебный праздникъ для Екатерины по случаю взятія Измаила, и намѣревался представить ей плавныхъ Пашей. 26 Апрѣля Суворовъ отправленъ въ Финляндію съ порученіемъ укрѣпить границу (**); 28 числа жители Невы стеклись во множествѣ въ великолѣпные чертоги исполненъ тѣхъ временъ, который не воображалъ праздновать тогда скорый переходъ свой въ вѣчность.

Удаленный въ каменистую Финляндію, Суворовъ трудился для пользы и безопасности Отечества и

(*) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 162 — 164.

(**) См. *Анекдоты Суворова*, стр. 52.

(***) См. *Записки Храповицкаго*, изд. Г. Свиньинимъ.

называлъ занятія свои *бездѣйствіемъ* въ сравненіи съ прежнею службой. Между тѣмъ Кутузовъ разбилъ Турокъ при Бабадѣ; Князь Репнинъ одержалъ знаменитую побѣду при Мачинѣ; Потемкинъ сошелъ во гробъ; Безбородко подписалъ славный миръ съ Портою Оттоманскою и вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ назначенъ начальникомъ надъ войсками въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, до устья рѣки Днѣстра (1792 г.); избралъ главною квартирою Херсонъ, гдѣ похороненъ Князь Таврическій; получалъ тамъ (въ Сент. 1793 г.) слѣдующій рескриптъ отъ Императрицы:

«Графъ Александръ Васильевичъ! День празднованія мира напоминаетъ. Намъ знаменитыя заслуги и дѣла, кончи вы отличились. Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ похвальную грамоту, за собственноручнымъ Нашимъ подписаніемъ, съ означеніемъ всѣхъ ревностныхъ и мужественныхъ подвиговъ, произведенныхъ вами въ продолженіи славнаго и долговременнаго вашего служенія. Во свѣдѣтельство Высочайшей довѣренности къ вашему знанію и вашей справедливости, ввѣряемъ вамъ орденъ Св. Георгія третьей степени: возложите оный на того, кого почитаете достойнѣйшимъ изъ отличившихся въ военномъ званіи. Въ знакъ же Монаршаго благоволенія препровождаемъ вамъ эполетъ и перстень бриліантовые (*).»

Суворовъ занимался укрѣпленіемъ приморскихъ мѣстъ Тавриды, между тѣмъ, какъ неустройства въ

(*) Обѣ эти вещи были оцѣнены въ шестьдесятъ тысячъ рублей.

Польшу и мятежный духъ жителей открывалъ ему новый путь къ славѣ. Служившій подъ знаменами Вашингтона, Костюшко, призванный соотечественниками изъ Германіи, принялъ главное начальство, поклялся защищать мнимую независимость или погибнуть. Краковъ, Варшава и Вильно возстали на Рускихъ воиновъ: Генералъ Ферзенъ отступилъ къ Прусскимъ границамъ и, потомъ двинулся къ Варшавѣ съ вспомогательнымъ войскомъ, предводимымъ Королемъ Вильгельмомъ III. Костюшко успѣлъ перехватить паркъ осадной Прусской артиллеріи; вспыхнулъ мятежъ въ областяхъ пріобрѣтенныхъ Пруссіей отъ Польши; союзники отдѣлились отъ Ферзена. Въ это время Екатерина ввѣрила войска свои побѣдителю при Сталовичахъ. «Я посылаю въ Польшу двѣ арміи — сказала Она приближеннымъ: — одну армію, а другую — Суворова.»

Садясь въ кибитку, Суворовъ сказалъ сестрѣ знаменитаго нашего Адмирала Круза (*), которой мужъ,

(*) Александръ Ивановичъ Крузъ, участвовавшій (1769 г.) подъ предводительствомъ Адмирала Спиридова въ славномъ истребленіи Турецкаго флота, обезсмертилъ, потомъ, имя свое во время Шведской войны въ 1790 году: сразился (23 и 24 Мая) съ Герцогомъ Зюдерманландскимъ, не смотря на превосходное число кораблей непріятельскихъ; заставилъ его ретироваться; награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго; командовалъ авангардомъ Адмирала Чичагова при разбитіи Шведовъ 22 Іюня: выдержалъ сильный огонь отъ всего флота ихъ, проходившаго мимо его, *храбро и мужественно* — по словамъ Главнокомандова-

Капитанъ перваго ранга Вальронтъ, былъ вѣчно разжалованъ въ матрозы: «*Молись Богу: Онъ услышитъ молитву твою*» — и полетѣлъ въ армию (1794 г.). Благоразумными распоряженіями его, Польскія войска были обезоружены на разныхъ пунктахъ, между тѣмъ, какъ наши сосредоточивались въ одинъ, около Варковичъ. Суворовъ, во время похода, вѣхалъ верхомъ, чтобы подать собою примѣръ офицерамъ: едѣлавъ въ три недѣли 560 верстъ, овладѣлъ въ Кобринѣ магазиномъ; разбилъ при Крупчицѣ (6 Сент.) семнадцатитысячный корпусъ Сераковскаго; положилъ на мѣсть до трехъ тысячъ человекъ; обратилъ его въ бѣгство; сразился во второй разъ съ нимъ и Косинскимъ (8 Сентября) при Бржець; овладѣлъ всею ихъ артиллеріей, состоявшею изъ 28 орудій; донесъ Задунайскому: «*Корпусъ Сераковскаго кончили!*» — награжденъ брилліантовою петлицею на шляпу и тремя пушками. Между тѣмъ Ферзенъ поразилъ при Мачевичахъ (28 Сентября) Костюшко; взялъ его въ плѣнъ и присоединился, 14 Октября, въ Станиславовѣ къ Суворову съ десяти тысячнымъ корпусомъ (*). Тогда войска послѣдняго увеличились

шаго — поражающаго непріятеля; награжденъ орденомъ Св. Георгія втораго класса, а въ день мирнаго торжества шпагою, украшенной алмазами. Онъ получилъ въ послѣдствіи орденъ Св. Андрея Первозваннаго отъ Императора Павла I, будучи главнымъ Командиромъ Кронштадтскаго флота; скончался въ 1798 году, на 72 отъ рожденія.

(*) Баронъ, а потомъ Графъ, Иванъ Евстафьевичъ Ферзенъ, содѣйствовавшій Суворову во взятіи приступомъ

до семнадцати тысячъ, съ которыми онъ пошелъ къ Варшавѣ и на другой день (15 Окт.) разсылъ при Кобылкѣ пятитысячный отрядъ непріятельскій, взялъ девять пушекъ, 400 человекъ въ плѣнь, въ томъ числѣ одного Генерала и 30 Штабъ и Оберъ-офицеровъ; овладѣлъ обозомъ.

Вскорѣ Суворовъ подступилъ къ Прагѣ, защищаемой 30,000 лучшихъ Польскихъ войскъ и 104 пушками. Отличаясь быстротой и внезапностію, герой осмотрѣлъ укрѣпленія, начертилъ планъ атаки, раздѣлилъ войска свои на семь колоній и назначилъ день приступа 24 Октября. Въ пять часовъ утра была пущена ракета: колонны двинулись не смотря на сильный крестообразный огонь съ разныхъ батарей; по сбитіи переднихъ ретраншаментовъ, Польскія войска, построясь въ боевой порядокъ передъ вторымъ и третьимъ окопами, защищались отчаянно; но мужество ихъ и сильный взрывъ магазина съ порохомъ и бомбами, не остановили безстрашныхъ воиновъ Суворова: въ три часа Прага взята въ виду столицы Польши, полагавшей на нее всю надежду. Четыре Генерала: Ясинскій, Корсакъ, Квашневскій и Грабовскій съ 13,540 воинами погреблись

Праги, принудилъ (18 Ноября) въ Радочинѣ Главнокомандовавшаго Польскаго Вавржецкаго положить оружіе; награжденъ военнымъ орденомъ Св. Георгія второго класса; пожалованъ Императоромъ Павломъ I Директоромъ Кадетскаго Корпуса, Генераломъ отъ пѣхоты (1798 г.); отставленъ съ мундиромъ и въ скоромъ времени скончался.

подъ развалинами крѣпости; въ числѣ пленныхъ были: три Генерала, 29 Штабъ-Офицеровъ, 413 офицеровъ и 14,000 рядовыхъ; до двухъ тысячъ потонуло въ Вислѣ и не болѣе тысячи человекъ спаслось въ Варшаву; 104 пушки, множество знаменъ и орудій равнаго рода достались побѣдителямъ. Съ нашей стороны убито 580 человекъ; ранено 960. На приступъ было 22,000 человекъ, въ томъ числѣ 7000 человекъ конницы. Суворовъ приказалъ разбить на окопахъ палатку и отдыхалъ въ ней на соломѣ!

На другой день явились депутаты изъ Варшавы. Щадя кровь человеческую и желая побѣдить Поляковъ ужасами войны, Суворовъ не велѣлъ хоронить убитыхъ, далъ приказаніе, чтобы войска находились въ готовности. Депутаты проходили въ ставку Рускаго военачальника по грудамъ тѣлъ, среди грознаго вооруженія и дымившихся развалинъ. Суворовъ вышелъ къ нимъ, въ курткѣ, безъ орденовъ, въ наскѣ, съ саблею; сбросилъ послѣднюю, произнесъ: *миръ, тишина и спокойствіе!* — и съ этими словами обнялъ представителей народа, цѣловавшихъ его колѣна. Графъ Потоцкій, присланный отъ Короля; желалъ вступить въ переговоры о мирѣ; но Суворовъ отвѣчалъ: *«съ Польшею у насъ нѣтъ войны; я не министръ, а военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ и желаю мира и покоя благонамѣреннымъ.»* — 28 Октября прибыли прежніе Депутаты съ предоставленіемъ жребія Варшавы великодушію Екатерины и добродѣтелямъ побѣдителя. Король убѣждалъ Суворова немедленно вступить въ

столицу. Онъ имѣлъ торжественный въездъ 29 числа, предшествовалъ войскамъ верхомъ, въ простомъ мундирѣ, безъ знаковъ отличій. На берегу Вислы встрѣтилъ его Магистратъ, поднесшій *хлѣбъ-соль* и ключи городскіе. Суворовъ поцѣловалъ ихъ и, воздвѣвъ руки къ небу, произнесъ: *«Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не такъ дорого достались, какъ»* Здѣсь слезы прервали рѣчь чело­вѣко­любиваго героя, который обратилъ горестный взоръ на развалины Праги. Громкія восклицанія: *да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!* — сливались съ радостнымъ *ура* нашихъ воиновъ. 1376 Рускихъ плѣнныхъ, 500 Пруссаковъ и 80 Австрійцевъ, обреченныхъ на смерть, томившихся въ оковахъ, получили свободу.

Донеся Императрицѣ о новыхъ завоеваніяхъ тремя словами: *Ура! Варшава наша!* — Суворовъ, среди полнаго торжества, вспомнилъ о Херсонскомъ изгнанникѣ. *«Знаю — писалъ онъ въ Петербургъ — что Матушка-Царица меня наградитъ; но величайшая для меня награда — помилованіе Вальронта.»*

Екатерина отвѣчала побѣдителю (19 Ноября) также тремя словами: *«Ура! Фельдмаршалъ Суворовъ!»* — и, вслѣдъ за тѣмъ, удостоила его слѣдующимъ рескриптомъ: *«Вы знаете, что Я не произвожу никого чрезъ очередь; и никогда не дѣлаю обиды старшимъ; но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали Фельдмаршалами;»* — пожаловала ему военачальнической жезлъ, осыпанный бриліантами; семь тысячъ крестьянъ около Кобрина и возвратила чинъ Капитана перваго ранга Вальронту. Императоръ

Францъ прислалъ Суворову портретъ свой, украшенный брилліантами; Король Пруссійскій: ордена Чернаго и Краснаго Орловъ.

Въ Варшавѣ Станиславъ просилъ Суворова возвратить шагу одному пѣвиному офицеру: онъ освободилъ, вмѣстѣ съ нимъ, пятьсотъ человекъ; смѣялся, потомъ, надъ сдѣланнымъ подаркомъ Королю.

Во всехъ дѣйствіяхъ своихъ единственный, Суворовъ праздновалъ полученіе Фельдмаршальскаго достоинства слѣдующимъ образомъ: приказалъ поставить въ походной церкви нѣсколько стульевъ соответственно числу лицъ, которыхъ онъ обошелъ; потомъ явился въ палатку въ камзолѣ; началъ перепрыгивать черезъ стулья, именуя, по одиначкѣ, старшихъ Генералъ-Аншефовъ: двухъ Салтыковыхъ (1773 г.); Репнина (1774); Долгорукаго (1774); Эльмта (1780); Прозоровскаго (1782); Мусина-Пушкина (1782); Каменскаго (1784); Каховскаго (1784 г.) (*) и, послѣ, надѣлъ Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ свои ордена, принялъ поднесенный ему жезлъ, велѣлъ служить благодарственный молебень, вышелъ къ войску! Тогда въ Россіи были только три Генералъ-Фельдмаршала: Разумовскій, Задунайскій и Римникскій.

Онъ пробылъ цѣлый годъ въ Варшавѣ; осенью дѣлалъ смотръ полкамъ, занималъ ихъ маневрами;

(*) Всѣ они, кромѣ Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и Графа Каховскаго, были, потомъ, Генералъ-Фельдмаршалами.

въ Ноябрь (1795 г.) приглашенъ былъ въ Петербургъ. Въ провозъ Суворова чрезъ Литву и Австрію, крестьяне выходили толпами на дорогу, чтобы его видѣть. Императрица выслала ему на встречу карету; но Фельдмаршалъ въѣхалъ въ столицу ночью и на другой день нагъ къ стопамъ Екатерины. Она приказала ему имѣть пребываніе въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ четыре года передъ тѣмъ всѣ поклонялись Потемкину.

Три мѣсяца Фельдмаршалъ задержанъ былъ въ Петербургѣ, откуда отправился для осмотра пограничныхъ крѣпостей со стороны Швеціи и, вслѣдъ за тѣмъ, назначенъ Главнокомандующимъ восьмидесятитысячной арміи, расположенной въ губерніяхъ: Брацлавской, Вознесенской, Харьковской и Екатеринославской (1796 г.).

Вскорѣ Императрица переселилась въ вѣчность, 6 Ноября, къ неописанной горести Россіявъ, тридцать четыре года блаженствовавшихъ подъ Ея Сикпетромъ. Фельдмаршалъ неутѣшно оплакивалъ невозвратную потерю. *«Безъ Матушки-Царицы — говорилъ онъ со слезами — не видать бы мнѣ Кинбурна, Рымника, Измаила и Варшавы!»*

По военной части послѣдовали разныя перемены. Суворовъ наименованъ Предводителемъ Екатеринославской дивизіи и получилъ маленькія палочки для мѣры косъ и бундлей солдатскихъ. Не терпя нововведеній, онъ сказалъ: *«пудра не порожекъ, бунды не шушки, коса не тесакъ, я не Нѣмецъ, а природный*

«*Русакъ* (*)».—Слова эти, обратившіяся въ поговорку, перелетѣли въ столицу въ то самое время, какъ Фельдмаршалъ изложилъ въ письмѣ къ Императору: что онъ скучаетъ своимъ бездѣйствіемъ. Тогда послѣдовало Именное повелѣніе (6 Февр. 1797 г.): «за сдѣланный отзывъ Фельдмаршаломъ Графомъ Суворовымъ Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, ему дѣлать нечего — онъ отставляется отъ службы (**).

Суворовъ, оставляя дивизію, собралъ полки; велѣлъ сдѣлать передъ фрунтомъ пирамиду изъ лѣтаврѣ и барабановъ; вышелъ въ простомъ гренадерскомъ мундирѣ, но во всѣхъ орденахъ; привѣтствовалъ солдатъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ: «*Прощайте, ребята! друзья! чудобогатыри* — сказалъ онъ имъ — «*Молитесь Богу; мы дрались со славою и будемъ опять вѣствовать!*» — потомъ снялъ съ себя знаки отличія, положилъ ихъ на пирамиду въ видѣ трофеевъ и произнесъ: «*Настанетъ время когда Суворовъ снова ляжетъ среди васъ, и возметъ назадъ то, что теперь оставляетъ вамъ.*» — Мужественные воины не могли удержаться отъ слезъ, разстались съ Главнокомандовавшимъ, какъ съ отцомъ своимъ.

Онъ избралъ пребываніемъ Москву, гдѣ имѣлъ небольшой домъ; но Частный Маіоръ объявилъ Фельд-

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, издан. въ Москвѣ 1810 года, ч. 6, стр. 145.

(**) Изъ Московскихъ современныхъ Ведомостей.

маршалу приказаніе отправиться съ нимъ въ деревню, по случаю скорого прибытія Императора въ столицу. «Сколько назначено мнѣ времени — спросилъ храброкровоно Суворовъ Полицейскаго чиновника — «для приведенія въ порядокъ дѣлъ?» — «Четыре часа» — отвѣчалъ Маіоръ. — «О! слишкомъ много милости» — продолжалъ Фельдмаршалъ; — для Суворова довольно одного часа.» — Дорожная карета ожидала его у крыльца. «Суворовъ, пѣдущій въ ссылку — сказалъ онъ — не имѣетъ надобности въ каретѣ; можетъ отправиться туда въ томъ экипажѣ, въ какомъ ѣздилъ ко Двору Екатерины или въ армію.» — Подвезли кибитку и Маіоръ принужденъ былъ проѣхать въ ней пятьсотъ верстъ съ Фельдмаршаломъ (*).

Удаленный въ село свое Кончанское (Новгородской губерніи, Боровичскаго уѣзда), побѣдитель Турціи и Польши проводилъ въ бѣдной хижинѣ остатокъ знаменитыхъ дней: звонилъ въ колокола; пѣлъ на клиросѣ; читалъ въ церкви Апостолъ; примирялъ семейства; соединялъ юныя четы брачными узами; восхищался счастіемъ крестьянъ своихъ; писалъ свои замѣтки и съ немногими особами, которыя посѣщали его, любилъ бесѣдовать о дѣлахъ Европы; смотря на ландкарту, восклицалъ: «О! далеко шагаетъ мальчикъ! пора унять его (**)!» Такъ говорилъ Суворовъ о Бонапарте.

(*) См. *Побѣды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 147 и 148.

(**) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 1, стр. 1 и 2.

Протекло нѣсколько времени и къ опальному явился курьеръ съ рескриптомъ отъ Императора. Суворовъ былъ тогда въ банѣ, куда велѣлъ придти посланному. На пакетъ было написано большими буквами: *Генераль-Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому.* — «*Это не ко мнѣ* — сказалъ хладнокровно старый герой, прочитавъ надпись: — «*Фельд-маршалъ при войскѣ, я въ деревнѣ.*» — Изумленный курьеръ тщетно увѣрялъ его, что присланъ къ нему, а не къ другому; — Суворовъ рѣшительно отказался отъ рескрипта и нарочный, пропотѣвъ довольно долго въ банѣ, отправился обратно въ Петербургъ съ чѣмъ прѣехалъ. Государь не обнаружилъ досады своей, но съ того времени надзоръ за изгнанникомъ усиленъ (*).

Лишась надежды быть полезнымъ Отечеству, Суворовъ обратился къ Императору съ просьбой: *дозволить ему удалиться въ Нилову пустынь (**).* — «Я намѣренъ — писалъ онъ — «окончить тамъ краткіе дни въ службѣ Богу. Неумышленности прости, милосердый Государь!» — Отвѣта не было: его ожидалъ лучшей жребій!

(*) См. *Лобды Князя Италійскаго*, ч. 6, стр. 149 и 150 и *Сочиненія Фукса*, изд. 1827, стр. 88.

(**) Пустынь эта находится въ Новгородской губерніи, въ 25 верстахъ отъ города Бѣлозерска, при рѣчкѣ Соръ: монахи подвергнуты основателемъ оной Преподобнымъ Ниломъ строгимъ отшельническимъ правиламъ, а потому она называлась *Скитомъ*.

Еще въ Государствованіе Екатерины II, Суворовъ желалъ идти противъ Французовъ (*), но Императрица медлила явною войною. Между тѣмъ оружіе республики торжествовало въ Европѣ, испровергало алтари и престолы. Обитая подъ соломенной крышею, знаменитый Полководецъ начертывалъ (1798 г.) средства остановить и отразить властолюбцевъ:

«Австрійцы в Рускіе — писалъ онъ — будутъ двѣ-
«ствовать противъ Франціи каждые со ста тысячами.

«1. Ничего, кромѣ наступательнаго.

«2. Быстрота въ походахъ, натискъ въ нападе-
«ніяхъ, холодное ружье.

«3. Не нужна методина; глазомѣръ.

«4. Полная мочь Главнокомандующему.

«5. Нападать и бить непріятели въ полѣ.

«6. Не терять время въ осадахъ, развѣ Манницъ,
«какъ пунктъ для депо. Иногда обсервационнымъ
«корпусомъ предпринять блокаду. Брать крѣпости
«приступомъ или штурмомъ; меньше теряешь.

«7. Никогда не раздѣлять силъ, дабы стеречь
«разные пункты. Если непріятели ихъ перейдутъ,
«тѣмъ лучше: онъ приблизится, чтобы его раз-
«бить.

«8. Такимъ образомъ нуженъ только обсервацион-
«ный корпусъ на Страсбургъ; еще одинъ летучій
«къ Луксенбургу. Идти далѣе, сражался, не остано-

(*) Собственные слова его: «Матушка! — писалъ онъ къ
Государынь, по вступленіи въ Варшаву — «вели идти
«противъ Французовъ.»

«вливаясь, прямо до Парижа, какъ главный пунктъ, «не останавливаясь въ Ландау; развѣ, чтобы наблю- «дать оный, а не для ретирадъ, о которыхъ никогда «не должно мыслить, но для транспортовъ, и нико- «гда не заниматься пустыми маневрами, контр-мар- «шами, или такъ называемыми военными хитростями, «которые годны только для бѣдныхъ Академиковъ.

«9. Италия, Нидерланды послѣдуютъ легко въ «Парижъ. Король Сардинскій соединится. Въ Ита- «ліи есть еще довольно пылкихъ головъ, а осталь- «ныя вступятся за общее благо.

«Король Неаполитанскій возродится. Англичане «очистятъ Средиземное море. Не мышкать. Ложная «осторожность и зависть, — Головы *Медузы* въ «Кабинетъ и Министерствъ. Суворовъ и Кобургскій «родятся какъ юный Малборугъ.»

Канцлеръ Князь Безбородко и союзныя державы отдали справедливость безсмертнымъ дарованіямъ Суворова; но планъ его оставленъ безъ исполненія (*). Пользуясь бездѣйствіемъ сильнѣйшихъ государствъ Европы, республика Французская продолжала свои завоеванія, угрожала Австріи. Принцъ Оранскій, назначенный Вѣнскимъ Дворомъ предводителемъ войскъ въ Италію, скончался; Баронъ Меласъ заступилъ его мѣсто. Императоръ Павелъ I, не желая пріобрѣтеній, но имѣя въ виду безопасность Европы и полагая, что другіе Монархи послѣдуютъ Его великодушному примѣру, двинулъ

(*) См. *Жизнь Суворова*, изд. С. Н. Глянкою, стр. 120

(1799 г.) въ Австрійскія наслѣдственныя владѣнія вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ Генерала отъ инфантеріи Розенберга. Французскою арміею, долженствовавшею дѣйствовать въ Германіи, предводительствовалъ Журданъ: ему были подчинены Массена и Бернадотъ. Эрцгерцогъ Карлъ вступилъ въ Швабію: въ это время Австрія и Англія обратились къ Императору Павлу I-му съ просьбою вѣрить начальство надъ союзными войсками Суворову. — *«Вотъ, Рускіе на все пригожаются»* — сказалъ Государь Графу Растопчину, управлявшему тогда иностранными дѣлами и, взявъ перо, написалъ слѣдующій лестный рескриптъ, исполненный краснорѣчія и высокихъ чувствъ:

«Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время рассчитывать. Виноватаго Богъ проститъ. Римской Императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ - судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда и не отнимайте у славы вашей время, у Меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ Павелъ.»

Облобызавъ рескриптъ, Суворовъ прижалъ его къ ранамъ своимъ, немедленно отслужилъ молебенъ въ сельской церкви и, готовясь къ немощнымъ подвигамъ, продолжалъ отличать оригинальностію, отдалъ слѣдующій приказъ старостѣ: *«Часъ собираться, другой отправляться. Поѣздка съ четырьмя товарищами; я въ полозкѣ, они въ саняхъ. Лошадей осмнадцать, а не двадцать четыре. Взять денегъ на*

«дорогу двести пятьдесят рублей. Егоръкъ бѣжать
«къ старостѣ Фомкѣ и сказать, чтобъ такую сумму
«повѣрилъ, потому, что я поду не на шутку. Да яжъ
«служилъ за дьячка, пльз басомъ, а теперъ пожду
«пльз Марсомъ.»

Въ Петербургѣ Суворовъ повергнулся 18 Февра-
ля (1799 г.) къ стопамъ Императора. Поднявъ пре-
старялаго героя, Павелъ I возложилъ на него боль-
шой крестъ Св. Иоанна Иерусалимскаго. «Господи!
«Спаси Царя!» — воскликнулъ тогда Фельдмар-
шалъ. — «Тебѣ спасать Царей!» — отвѣчалъ Импе-
раторъ. — «Съ Тобою, Государь, — возразилъ Суво-
ровъ — «возможно.»

Пользуясь благоволеніемъ Царскимъ, бессмертный
Полководецъ, который *торопился дѣлать добро* (*),
исходатайствовалъ прощеніе сосланному въ Сибирь
Капитану лейбъ-гренадерскаго полка Синицкому, воз-
вратилъ его несчастной матери, скоронившей шест-
надцать взрослыхъ дѣтей и остававшейся безъ вся-
кой подпоры. — Императоръ, согласно желанію Су-
ворова, не велѣлъ объявлять въ приказахъ о вторич-
номъ принятіи его въ службу.

Завистники утверждали, что побѣдитель неуст-
роенныхъ войскъ Турецкихъ и Польскихъ, утратить
всю свою славу передъ искусными вождями Фран-
ціи. Нелѣпыя отзывы доходили до Суворова : онъ
отомстилъ тайнымъ врагамъ — дѣлами.

Съ молитвой отправился герой на новое поприще,
долженствовавшее передать имя его позднѣйшему

(*) Собственное выраженіе Суворова.

потомству. Въ Митавѣ постигъ онъ Лудовика XVIII. — «Тотъ день почти счастливейшимъ въ моей жизни — сказалъ ему Суворовъ — «когда пролью послѣднюю каплю крови, способствуя вамъ взойти на престолъ знаменитыхъ вашихъ праотцевъ.» — «Я уже не несчастливъ — отвѣчалъ Лудовикъ — «ибо «судьба отечества моего зависитъ отъ Суворова.»

Въ Вьну Суворовъ въехалъ поздно вечеромъ, 15 Марта, и остановился въ домъ нашего Посла. Зная, что Фельдмаршалъ былъ врагъ роскоши, Графъ Разумовскій приготовилъ для него комнаты безъ зеркалъ, картинъ, драгоценной мебели и бронзы; велѣлъ, вмѣсто кровати, разложить сѣно: на немъ опочивалъ будущій освободитель Италіи.

Въ слѣдующее утро, народъ обширной столицы Австрійской окружилъ домъ Графа Разумовскаго, бѣжалъ за каретою, въ которой въехалъ Фельдмаршалъ во дворецъ. Вездѣ раздавались восклицанія: *да здравствуетъ Суворовъ!* — на которыя Руской Полководецъ отвѣчалъ: *да здравствуетъ Императоръ Францъ III!* У оконъ, даже на крышахъ тѣснились зрители. Императоръ принялъ Суворова съ отличными уваженіемъ; возвелъ его на степень Римско-Императорскаго Фельдмаршала; назначилъ жалованья въ годъ двадцать четыре тысячи флориновъ и восемь тысячъ на путевыя издержки. Въ этомъ новомъ званіи, Суворовъ торжественно присягалъ въ церкви Св. Марка.

Рускія вспомогательныя войска вступили въ Вьну. Трогательно было свиданіе съ ними Фельдмаршала въ Шенбрунъ. Полководецъ привѣтствовалъ

героевъ Клябурна, Фокшанъ, Рышника, Изманла и Прага, послѣ горестной, долговременной разлуки, словами: «Здравствуйте чудобогатыри, любезнѣйшіе друзья мои» — и слезы показались на мужественныхъ лицахъ воиновъ.

Зная медленные дѣйствія Гофкриесрата (*) и сильное вліяніе на дѣла онаго Барона Тугута, Суворовъ не просилъ позволеніе относиться во всемъ непосредственно къ самому Императору. Тугуть, желавшій исторгнуть у него тайну военныхъ предположеній, получилъ свитокъ белой бумаги: «*сони мои планы!*» — сказалъ Фельдмаршалъ и убѣжалъ отъ перваго Министра.

Въ день своего отъѣзда изъ Вѣны, Суворовъ, садясь въ дорожный экипажъ, велѣлъ принести на золотомъ блюдѣ сердечко, надѣлъ его, въ знакъ благодарности за гостепріимство, на Графиню Разумовскую, заперъ ключемъ и, положи ключъ въ карманъ, уѣхалъ.

Согласно мнѣнію Фельдмаршала, рѣшено начать военныя дѣйствія въ Верхней Италіи. Тогда Эригерцогъ Карлъ принудилъ Журдана отступить за Рейнъ. Суворовъ вѣдалъ къ арміи съ величайшею поспѣшностію, не смотря на темныя ночи и дурную дорогу. Въ Веронѣ народъ отыралъ лошадей отъ кареты его и повезъ ее на себя до приготовленнаго для Суворова дворца. Австрійскіе Генералы Меласъ и Край явились къ нему съ рапортами. Ночью городъ былъ торжественно освѣщенъ:

(*) Главнаго воинскаго Совета.

вездѣ горѣли щиты или вензель Фельдмаршала, вездѣ воспѣвали ему похвальные пѣсни.

Суворовъ сдѣлалъ смотръ Австрійскимъ полкамъ и сказалъ окружающимъ его Генераламъ: *«Шагъ ихъ хорошъ: побѣда!»*

Вскорѣ Розенбергъ вступилъ въ Верону съ двадцати двухъ тысячнымъ корпусомъ. Число Императорскихъ Королевскихъ войскъ, взвренныхъ Суворову, простиралось до 66,084 человекъ (*). 3-го Апрѣля Фельдмаршалъ обнародовалъ воззваніе къ Италійскимъ народамъ: приглашалъ ихъ соединиться подъ знамена, несомыя на брань за Бога и Вѣру, для возстановленія законнаго правительства; угрожалъ смертію вѣроломнымъ и содѣйствующимъ намѣреніямъ Республики.

Непріятель утвердился въ многочисленныхъ крѣпостяхъ Италіи, ожидая свѣжихъ войскъ. Суворовъ считалъ нужнымъ раздѣлить силы свои, чтобы дѣйствовать вдругъ противъ крѣпостей и отступавшей Французской арміи; Баронъ Край отряженъ былъ для занятія Бресчии, важнѣйшаго пункта въ сообщеніи съ Тиродемъ: онъ овладѣлъ этою крѣпостію, при содѣйствіи храбраго Князя Багратіона; взялъ въ плѣнъ 1064 человекъ, захватилъ 46 орудій и получилъ приказаніе отъ Главнокомандующаго осадить Мантую и Пескьеру. Число взвренныхъ ему войскъ простиралось до двадцати-пяти тысячъ человекъ.

(*) См. *Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года*, ч. 2, стр. 21 — 23.

Французскою арміею предводительствовалъ въ то время Генераль Моро, который утвердился на правомъ берегу Адды. Главная квартира его была близъ Кассано въ мѣстечкѣ Инсаго; дивизіи Серюрье около города Лекко и Дельмаса у крѣпости Лоди составляли лѣвое и правое крылья. Все протяженіе Адды, широкой, быстрой рѣки, имѣющей крутые берега, приведено было въ оборонительное состояніе; пункты, удобные для переправы, охранялись сильнѣйшими батареями. «И здѣсь вижу я — сказалъ Суворовъ — *персть Провидѣнія. Мало славы было-бы разбить шарлатана* (*). Давры, которые похитимъ у Моро, будутъ лучше цѣлети и зеленѣть.»

Авангардъ нашей арміи, предводимый Княземъ Багратиономъ, двинулся чрезъ Бергамо къ городу Лекко и, въ предмѣстіи онаго, ударилъ 15 Апрѣля въ непріателя штыками; поколомъ до 800 человекъ; отразилъ съ помощію козаковъ нападеніе Французовъ, сосредоточившихся въ одинъ пунктъ; вступилъ въ городъ, преслѣдовалъ стрѣлковъ, разсыпанныхъ по горамъ въ садахъ и ущельяхъ. Французы возобновили нападеніе съ большимъ стремленіемъ, но, вскорѣ, подкрѣпилъ Багратиона Милорадовичъ съ гренадерскимъ батальономъ и, не смотря на свое старшинство, великодушно оставилъ первому главное начальство. Упорное сраженіе продолжалось двѣнадцать часовъ: Французы цѣлѣнно отступили правымъ

(*) Подъ словомъ шарлатана, Суворовъ разумѣлъ Шерера, который предводительствовалъ прежде Французскою арміею.

берегомъ внизъ по рѣкѣ Аддѣ, потерявъ убитыми до двухъ тысячъ человекъ и плавными сто. Фельд-маршалъ отпустилъ ихъ въ Парижъ, сказавъ: «Идите домой и обещайте землякамъ сказать, что Суворовъ «здѣсь.» — Нашихъ легло на мѣсть до 135 человекъ. Между тѣмъ Австрійцы овладѣли Кремою и Кремонною.

Средняя колонна союзныхъ войскъ получила отъ Главнокомандующаго приказаніе переправиться черезъ Адду противъ Треццо, и, сделавъ рѣшительное нападеніе на непріятельскую армію, отделить ея левое крыло отъ центра. Пользуясь безначестію Французовъ, Генералъ-Квартирмейстеръ Австрійскій Маркизъ Шателеръ совершилъ это движеніе 16 Апрѣля, ночью, по наведенному черезъ рѣку понтонному мосту. Немедленно упорная битва загорѣлась: Французы имѣли некоторое время поверхность; но Австрійцы, сильно подкрѣпленные, ударили на непріятеля холоднымъ ружьемъ, ворвались въ его левое крыло, смали, жестоко поразили. Храбрые Донскіе козакъ мужественно содѣйствовали имъ, предводимые полковымъ Атаманомъ Денисовымъ и Полковникомъ Грековымъ. Сломленная первая линія Французская была подорвана второю; сраженіе возобновилось и непріятель былъ снова опрокинутъ, обращенъ въ бѣгство къ Милану. Генералъ Моро едва спасся отъ преслѣдовавшихъ его гусарь; убито Французовъ болѣе трехъ тысячъ; взято въ плѣнъ: Бригадный Генералъ, семдесятъ штабъ и оберъ-офицеровъ и до двухъ тысячъ нижнихъ чиновъ. Уронъ союзныхъ войскъ простирался болѣе тысячи чело-

вѣкъ. На другой день побѣдители двинулись колонами къ Милану. Денисовъ первый вступилъ въ столицу Ломбардіи. Въ это время Австрійскій Генералъ Меласъ разбилъ Французовъ при мѣстечкѣ Касано; правая колонна, подъ начальствомъ нашего Генерала отъ инфантеріи Розенберга перешла черезъ Адду въ Бривію; Серюрье съ остальными войсками своей дивизіи укрѣдился, подъ защитою артиллеріи, при деревнѣ Вердеріо. Австрійскій бригадный Генералъ Вукасовичъ первый напалъ на него (17 Апрѣля) съ трехъ сторонъ и, подкрѣпленный Розенбергомъ, принудилъ положить оружіе: Серюрье и Генералъ Фрезья съ тремя тыс. войска и осмью пушками, сдались въ плѣнъ; офицерамъ позволено возвратиться во Францію, по размынъ, съ условіемъ не служить противъ союзныхъ Государей. *Чтя превратность счастья въ плѣнкомъ* (*), Суворовъ вручилъ шпагу Генералу Серюрье, сказавъ: *«Кто его такъ вла-дѣетъ какъ вы, у того она не отъемлема.»* — Серюрье просилъ освободить его войска. *«Эта черта дѣлаетъ честь вашему сердцу — отвѣчалъ Фельд-маршалъ;—«но вы лучше меня знаете, что народъ въ революціи есть лютое чудовище, которое должно «укрощать оковами.»* — Потомъ, обнадеживъ, что Французамъ не будетъ причинено ни какихъ обидъ, произнесъ стихи Ломоносова:

Великодушный левъ злодѣя низвергаетъ;
Но хищный волкъ его лежащаго терзаетъ.

(*) Собственные слова Суворова. — См. *Анекдоты его*, изд. Фуксомъ, стр. 103.

«Переведите эти стихи Французскому Генералу — продолжалъ Фельдмаршалъ — «Я читалъ ихъ наизусть, по взятіи Варшавы, и Депутатамъ Польскимъ.» — Съ этими словами Суворовъ вышелъ изъ комнаты. «*Quel homme (*)!*» — воскликнулъ Серюрье.

Императоръ Павелъ I препроводилъ къ Фельдмаршалу портретъ Свой, въ перстнѣ, осыпанный бриліантами. «Примите его — упомянулъ Государь въ рескриптѣ — «въ свидѣтели знаменитыхъ дѣлъ вашихъ и носите на рукѣ, поражающей врага блатагоденствія всемірнаго.» — Тогда сынъ Суворова пожалованъ былъ Генералъ-Адъютантомъ и получилъ приказаніе находиться при отцѣ. — «Поѣзжай и учись у него — сказалъ ему Государь. — «Лучшаго пришебра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу.»

Союзныя войска вступили въ Миланъ въ день Св. Пасхи (**). Суворовъ въѣхалъ верхомъ позади свиты своей, въ Австрійскомъ бѣломъ мундирѣ и остановился въ домѣ прежде занимаемомъ Моро. На другой день Фельдмаршалъ, надѣвъ парадный мундиръ и ордена, украшенные бриліантами, отправился, въ великолѣпной каретѣ между рядовъ выстроеннаго войска, въ соборную церковь Миланскую. Громкія восклицанія ура! и жителей: да здравствуетъ Суворовъ! приветствовали его на улицахъ. Католи-

(*) Какой человекъ! — См. *Анекдоты Суворова*, стр. 179.

(**) На канунъ взятія Милана, Суворовъ сказалъ: *De-tain j'aurai mille ans.* — *Сочиненія Фукса*, стр. 89.

ческое духовенство встрѣтило Суворова, при входѣ въ храмъ, въ полномъ облаченіи. «Господь да благословитъ шествіе твое, добродѣтельный Полководецъ!» — произнесъ Архіепископъ — «*Молитесь*» — отвѣчалъ выразительно и важнымъ голосомъ, на Италіанскомъ языкѣ Фельдмаршалъ — «*да поможетъ мнѣ Богъ спасти ваши храмы и престолы Государей!*» — и, войдя въ соборную церковь, преклонилъ съ благоговѣніемъ колѣна предъ священнымъ жертвенникомъ.

Въ Миланѣ некоторые Австрійскіе Генералы просили Суворова дать отдохнуть войску; но онъ отвѣчалъ имъ словомъ: *впередъ* и, пробывъ въ этомъ городѣ не болѣе четырехъ дней, обнародовалъ воззваніе къ Французамъ, которое не имѣло, однакожъ, успѣха; составилъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ непріятеля. Армія его, названная *операционною* (кроме войскъ осадныхъ, предводимыхъ Барономъ Краемъ и находившихся также въ Венеціи), состояла только изъ 18 тысячъ Русскихъ и 18 тысячъ Австрійцевъ. Оставивъ 4500 человекъ подъ начальствомъ Генерала Латермана для блокады Миланской цитадели, Суворовъ предполагалъ перейти По и Тичино и разбить Моро до присоединенія къ нему Мандональда; идущаго изъ Южной Италіи. Между тѣмъ, Эрцгерцога Карлъ долженъ былъ вторгнуться въ Швейцарію съ сѣвера и тѣснить со всѣхъ сторонъ Массену, который, покоривъ Швейцарію, расположилъ взятые ему войска, числомъ до ста тысячъ, по лѣвому берегу Рейна до самой Голландіи. Тирольская армія, предводимая Графомъ Беллегардомъ, надлежала при-

соединиться къ Италіанской (*); послѣдняя, разбивъ Макдональда, обязана была занять Туринъ; осадной арміе, по взятіи Пескьеры и Мантуи, слѣдовало обложить Тортоно; отдельному корпусу Графа Клейнау, съ поддержаніемъ Англійскаго флота, идти для занятія Генуи; Русскимъ, Англійскимъ и Турецкимъ войскамъ, слѣвавшимъ высадку въ южной Италіи, преслѣдовать Макдональда.

Моро, отступивъ отъ Милана, остановился при Александріи на рѣкѣ Бернидѣ съ собраннымъ имъ семнадцатитысячнымъ войскомъ. Фельдмаршалъ повелъ свою армію къ Тортоно, слѣлаъ воззваніе къ обитателямъ Піемонта, убѣждая ихъ взять оружіе на защиту законнаго Государя. Баронъ Край дѣлательно продолжалъ осадную войну, открылъ траншеи противъ Пескьеры. Въ это время прибылъ въ Италію Великій Князь Константинъ Павловичъ, сопровождаемый Генераломъ отъ кавалеріи Дерфельденомъ. Пріездъ его былъ ознаменованъ сдачею осаждаемой крѣпости: 90 орудій, множество съветныхъ и другихъ припасовъ, большое количество пороха и флотилія изъ осмнадцати канонерскихъ лодокъ увеличили трофей союзниковъ; которые отырыли для себя сообщеніе съ Тиродемъ и Швейцаріею. Вскорѣ Великій Князь явился въ главную квартиру Фельдмаршала, находившуюся въ Вогеръ. 28 Апрѣля

(*) Австрійскія войска, находившіяся подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла въ Германіи и подъ начальствомъ Беллегарда въ Тироде, числомъ до ста двадцати девяти тысячъ чел., оставались тогда въ бездѣйствіи.

храбрый Маркизь Шателеръ покорилъ эту крѣпость, ключъ Пиемонта. Другая крѣпость Пичинетона, сда-лась въ тотъ день на капитуляцію Фельдмаршалу-Лейтенанту Кейму. Между тѣмъ Вукасовичъ овла-дѣлъ въ Верхней Италіи крѣпостями: Ивреею и Аронною; крестьяне вездѣ вооружались противъ Фран-цузовъ и союзная армія беспрятственно получала продовольствіе изъ плодородныхъ областей: Феррар-ской, Болонской и Моденской.

Среди повсемѣстныхъ успѣховъ, Розенбергъ, увле-каемый храбростію, сразился 20 Апрѣля при Басилья-но съ Французами; сбилъ ихъ передовые отряды, но, стѣсненный, близъ Пичетто, многочисленнымъ не-пріателемъ, послѣ упорной обороны, продолжавшей-ся восемь часовъ, переправился обратно чрезъ По, оставивъ двѣ пушки. Въ этомъ дѣлѣ Милорадовичъ, подъ которымъ убиты были три лошади, съ малы-ми силами нанесъ чувствительный вредъ противни-камъ: увидя замѣшательство рядовъ нашихъ, онъ схватилъ знамя, бросился впередъ, закричавъ: *«Сол-даты! смотрите какъ умретъ Генералъ вашъ!»* — и опрокинулъ Французовъ штыками. Смерть палила безстрашнаго, чтобы онъ съ большею славой палъ (1825 г.) за Царя и отчизну. — Розенбергъ занялъ крѣпости Валенцу и Касаль, оставленные непріате-лемъ, а Вукасовичъ Веррую; Пиемонцы овладѣли зам-комъ Чезою. Другой ученикъ Суворова, храбрый Князь Багратіонъ, съ шестью батальонами и двумя кавачьими полками, вступилъ въ Генуезскую крѣ-пость Нови; сразился съ Французами при рѣкѣ Та-наро; положилъ на мѣсть до 2500 человекъ; взялъ

въ плѣнь 200. Крепость Александрія сдалась Генералъ-Лейтенанту Поваловшвейковскому; Миланская цитадель Генералу Графу Гогенцоллерну; Феррара (въ Верхней Италіи) Графу Клейнау. — Передъ Туриномъ нѣкоторые Генералы осмѣлились представить Суворову затрудненія, препятствующія взять этотъ городъ, Онъ разсердился и вскрикнулъ: *«Пу-
«стов! Аннибаль, пройдеи Испанію, переправясь чрезъ
«Рону, поразишь Галловъ, перешедъ Альпы, — взявъ
«въ три дни Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ.
«Хочу быть преемникомъ его генія (*)»*

Вскорѣ столица Сардинскаго Королевства увели-
чила завоеванія Суворова: Вукасовичъ, начальствовав-
шій передовыми Австрійскими войсками, первый
вступилъ въ Туринъ 14 Мая, прогнавъ непріятеля
въ замокъ. На другой день Фельдмаршалъ имѣлъ
торжественный въездъ, въ сопровожденіи Великаго
Князя, при радостныхъ восклицаніяхъ народа. По-
лучено въ добычу 382 пушки, 15 мортиръ, двадцать
тысячъ ружей и арсеналъ, наполненный множествомъ
припасовъ. Изъ цитадели, въ которую удался
трех-тысячный гарнизонъ Французскій, безпрестан-
но сыпались градомъ бомбы, картечи и каленыя ядра.
Суворовъ велѣлъ объявить Коменданту Фіорелль:
*что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣ-
льми будутъ выведены Французскіе плѣнные.* Тишина
водворилась. — Духовенство Католическое, при вхо-
дѣ Суворова въ кафедральный храмъ, въ угодность
ему, благословило его по обряду Греческой Церкви.

(*) *Анекдоты Суворова*, стр. 177.

Туринъ поднесъ побѣдителю шпагу, украшенную брилліантами.

По прошествіи некотораго времени, Главнокомандующій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ Императора :

«Графъ Александръ Васильевичъ! Въ первый разъ «увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой «о трехъ, а теперь прислали реестръ взятыхъ городовъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ «всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италіи «памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите «ее отъ ига неистовыхъ разорителей; а у Меня за «сеіе воздаяніе для васъ готово. Простите. Богъ съ «вами. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ.»

Тщетно Генералъ Викторъ съ шеститысячнымъ войскомъ покушался взять замокъ Чезу: Вукасовичъ и Фрейлихъ, отряженные Суворовымъ, принудили Французовъ отступить, овладѣвъ 14 пушками и двумя мортирами.

Побѣды Суворова угрожали границамъ Франціи; но Вѣнскій Дворъ, шаллившій войска свои, препятствовалъ дальнѣйшимъ его успѣхамъ, предписывалъ ему: не отваживаться на предпріятія слишкомъ отдаленныя и не вѣрныя; ограничивать дѣйствія покореніемъ Мантуи и цитадели Миланской, также обороною завоеванныхъ крѣпостей. Разныя распоряженія Суворова въ Пиемонтѣ были уничтожены Римскимъ Императоромъ. Россійскій Самодержецъ приказывалъ Фельдмаршалу водворить Короля Сардинскаго въ его владѣнія; Французъ II посягалъ на Пиемонтъ въ вознагражденіе понесенныхъ по-

теръ Австрією въ продолжительную войну противъ Франціи; отмѣнилъ составленіе Піемонтской арміи. Гофкригсратъ, безъ всякаго сношенія съ Фельдмаршаломъ, прислалъ повелѣніе Краю, тѣснившему Французовъ изъ области Болонской, возвратиться къ осадѣ Мантуи (*). Суворовъ негодовалъ и противъ Эрцгерцога Карла, которому — по словамъ нашего знаменитаго Полководца — *«давно слѣдовало бы, завоевать Швейцарію, даровать волюность тамошнимъ «грабрымъ народамъ и, съ помощію ихъ, господствовать на Рейнѣ.»*

Обезпечивъ правое крыло союзной арміи со стороны Альпійскихъ горъ, Фельдмаршалъ имѣлъ безпрестанное наблюденіе за дѣйствіями Моро и Макдональда, старавшихся соединиться. Для открытія сообщенія съ послѣднимъ, Моро отрядилъ Виктора съ десяти тысячною дивизією, а самъ занялъ Геную и намѣревался идти къ Александріи. Главнокомандующій, поручивъ осаду Туринской цитадели Кейму и предписавъ Краю послѣдовать на помощь противъ Моро, приказывалъ привести въ оборонительное состояніе крѣпости Валенцу и Павію, и съ 14 Рускими батальонами, съ полками драгунскимъ Австрійскимъ Карачая и козачьимъ, выступилъ на встрѣчу Французскаго Генерала. Въ Александріи Суворовъ узналъ 4 Іюня, что армія Макдональда стремится въ трехъ

(*) Суворовъ называлъ дѣйствія Гофкригсрата *черепашинымъ шагомъ*. — «Ничему путному не бываетъ — писалъ онъ къ Графу Растопчину — «доколь Тугутъ не «перестанетъ самовластвовать.»

сильныхъ колоннахъ на Модену и Парму къ Мантуѣ и, немедленно, оставивъ тяжелые обозы, повелъ войска свои усиленными маршами къ Сен-Джювани. Тогда, прибывшій въ главную квартиру Фельд-маршалъ-Лейтенантъ Беллегардъ, который командовалъ до того въ Тироли, принялъ начальство надъ осадю Тортонской и Александрійской цитаделей. Ему поручено было также наблюдать за арміею Морро: корпусъ его простирался до девяти тысячъ человекъ; авангардомъ предводительствовалъ храбрый Вукасовичъ.

Стремительно шествовалъ изъ Неаполя Макдональдъ, преодолевая всѣ препятствія: онъ присоединилъ къ своимъ двумъ дивизіямъ еще двѣ, Тосканскую и Виктора, также Польскій легіонъ Домбровскаго, увеличилъ силы до двадцати восьми тысячъ; для облегченія похода уменьшилъ обозы; вытѣснилъ Австрійцевъ изъ Понтремоли; занялъ Болоню; принудилъ Клейнау снять осаду Урбано и отступить къ Феррарь; окружилъ подъ Моденою Графа Гогенцоллерна, сразился съ нимъ, раненъ, отбросилъ его къ Мирандолъ; вступилъ въ Пиаченцу; сдѣлалъ распоряженіе къ осадѣ цитадели; готовился подавить пятитысячную дивизію Фельдмаршала-Лейтенанта Отто: послѣдній, оставивъ форпосты свои при Требин, принужденъ былъ удалиться за рѣку Тидону и едва держался противъ шестнадцати тысячнаго неприятельскаго войска, какъ явился Суворовъ съ Россійскимъ авангардомъ, предводимымъ Княземъ Багратиономъ (6 Іюня). Козаки ударили на Французовъ въ лѣвый флангъ; Князь Горчаковъ, подкрѣп-

ленный Великимъ Княземъ, атаковалъ правый: сражались болѣе холоднымъ ружьемъ. Кровавая битва продолжалась шесть часовъ; Багратионъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Непріятель отступилъ къ рѣкѣ Требиѣ, лишаась убитыми 600 человекъ; въ плѣнь взято 400.

На другой день (7 Іюня) союзная армія перешла тремя колоннами вбродъ черезъ Тидону. Макдональдъ сосредоточилъ все свои силы на этой сторонѣ рѣки Требиѣ, построилъ въ боевой порядокъ двадцать восемь тысячъ человекъ. Не смотря на невыгодное мѣстоположеніе, Князь Багратионъ, подкрѣпленный Австрійскимъ Генераломъ Карачаемъ и козачьими полками Грекова и Поздѣва, быстро атаковалъ холоднымъ ружьемъ лѣвое крыло непріятельское, которое состояло изъ семи тысячъ пѣхоты и тысячи чел. конницы, опрокинулъ ихъ за рѣку Требию, положилъ на мѣстѣ болѣе 500 человекъ, отнялъ двѣ пушки и знамя, взялъ въ плѣнь 600 Поляковъ. Непріятель усилился на этомъ пунктѣ до пятнадцати тысячъ человекъ: Розенбергъ подошелъ къ Багратиону, ударилъ въ штыки и общими силами сбилъ Французовъ за Требию, истребилъ 800 чел., увеличилъ число плѣнныхъ 400. — Генералъ-Лейтенантъ Ферстеръ атаковалъ, между тѣмъ, непріятельскій центръ, также опрокинулъ его за рѣку, положилъ на мѣстѣ до 500 человекъ. Правое крыло Французское, состоявшее изъ десяти тысячъ, сразилось съ Генераломъ отъ кавалеріи Меласомъ и послѣ упорной битвы, часть продолжавшейся, принуждено было отступить за Требию. Сильная пальба на обонхъ

берегахъ продолжалась до полночи. Союзная армія отдыхала на этой сторонѣ рѣки.

8 Іюня произошло третье сраженіе, съ большимъ, противъ прежнихъ двухъ, пролитіемъ крови: Макдональдъ ночью соединился съ послѣдними силами своей арміи и, имѣя уже до тридцати трехъ тысячъ противъ двадцати двухъ тысячъ союзныхъ войскъ (*), началъ колоннами переправляться черезъ Требію. Сраженіе возобновилось въ десять часовъ утра и продолжалось до седьмого по полудни. Домбровскій съ Польскимъ легиономъ хотѣлъ обойти правое крыло наше: Багратіонъ, прежде всѣхъ, встрѣтилъ его штыками; Розенбергъ, подкрѣпленный Милорадовичемъ, атаковалъ и сломалъ въ линіи. Ферстеръ, который командовалъ центромъ союзныхъ войскъ, принялъ также въ штыки и сабли дивизію Мопришара, опрокинулъ ее и преслѣдовалъ, между тѣмъ какъ на лѣвомъ крылѣ Меласъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство правый непріятельскій флангъ подъ начальствомъ Оливье. Нѣсколько разъ Французы отступали за рѣку, возвращались оттуда, возобновляли атаку съ большимъ ожесточеніемъ и въ одномъ бѣгствѣ искали спасенія своего. Фельдмаршалъ, пользовавшійся рѣшительными мгновеніями, во время трехъ дневныхъ битвъ не сходилъ съ козачьей лошади, забылъ предлонныя лѣта, одушевлялъ войска своимъ присутствіемъ, спѣшилъ туда, гдѣ они начинали только разстроивать-

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи*, изд. Фуксомъ, ч. 2, стр. 437.

ся и, тотчасъ, возстановлялъ парадокъ. Макдональдъ явилъ себя достойнымъ соперникомъ Суворова: страдая отъ полученной раны подъ Моденою, онъ командовалъ на десндкахъ; оспаривалъ победу; собралъ военный совѣтъ въ Пiacенцѣ, объявилъ оному намѣреніе свое: *сразиться съ Суворовымъ въ четвертый день, чтобы побѣдить или умереть*; но военачальники Французскіе не согласились на это предложеніе и для блага республики, для спасенія армій, требовали отступленія. Макдональдъ принужденъ былъ покориться жестокой судьбѣ своей. Рускіе преслѣдовали враговъ за рѣку Нуру. Приказывая сильно и неутомимо гнать бѣжавшаго непріятеля, Суворовъ требовалъ, чтобы шадли и миловали покорныхъ. Макдональдъ удался съ семидесятитысячнымъ войскомъ въ Тосканскую область; потомъ, сдѣлавшись боленъ отъ ранъ и тягостныхъ трудовъ, отправился въ Парижъ, приказавъ армій своей соединиться съ Моро.

Въ эти убійственные дни погибло войска республики до шести тысячъ; въ ягънѣ вѣсто побѣдителями: 4 Генерала, 8 Полковниковъ, 502 Штабъ и Оберъ-офицеровъ и 11,766 нижнихъ чиновъ; получено въ добычу семь знаменъ и шесть пушекъ. Союзники потеряли убитыми менѣе тысячи человекъ; рашено на ихъ сторонѣ до четырехъ тысячъ, въ томъ числѣ Князь Багратионъ.

Узнавъ о походѣ Суворова противъ Макдональда, Моро устремился съ десяти тысячнымъ войскомъ, черезъ Бокетту, Гави и Нови, къ Тортонѣ; занявъ этотъ городъ, перешелъ чрезъ Скривію, сразился

съ Беллегардомъ, принудилъ его отступить за Бормиду и, потомъ, предпринялъ обратный путь, удалился, чрезъ Бокетту, въ горы, избавивъ Макдональда посредствомъ этого движенія отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Россійскаго Фельдмаршала.

Во время Требійской побѣды Кеймъ овладѣлъ Туринскою цитаделью, въ которой найдено: мѣдныхъ мортиръ 148, пушекъ 384, гаубицъ 30, ружей 40,000; столько же тысячъ пудовъ пороху и множество военныхъ снарядовъ. Союзники имѣли въ своей власти всю рѣку По. Для осады цитадели Александрійской и Тортоны отправлена была водою артиллерія Туринская. Между тѣмъ оставшіяся безъ защиты послѣднія крѣпости Республики Чизальпинской, Болонь и Форте-Франко или Урбано, сдались Клейнау и Отто.

Италія, внимая воззваніямъ Суворова, вооружилась: составились противъ Французовъ народныя арміи подъ предводительствомъ Лагоца и Кардинала Руфоо. Первый имѣлъ подъ ружьемъ двадцать двѣ тысячи Неаполитанцевъ; послѣдній болѣе тридцати тысячъ вооруженнаго народа. Въ числѣ отдельныхъ предводителей Кардинала находился молодой монахъ, по прозванію *Фра-Діаволино*, до того содержавшійся въ тюрьмѣ и загладившій, потомъ, вины свои неимоверною храбростію: разбившій непріятеля на берегу Адриатическомъ, въ Пескаръ, учредившій блокаду крѣпостей Капуи и Гаэты. Въ освобожденіи отъ Французовъ Королевства Неапольскаго и владѣній Папы содѣйствовали Руфоо Россійско-Турецкій и Англійскій флоты, кото-

рыми предводительствовали Ушаковъ (подчиненный Суворову) и Нельсонъ.

Преслѣдовавшій Макдональда съ легкимъ корпусомъ Графъ Клейнау занялъ Ливорну, крѣпости Сарпанеллу, Леричи, Сен-Терезу; окружилъ блокадою крѣпость Сен-Марію, которую защищалъ гарнизонъ изъ 380 человекъ. Непрístupная цитадель Александрійская, устроенная на высотѣ и защищаемая съ двухъ сторонъ рѣкою Танаро, послѣ сильнаго сопротивленія, сдалась Графу Беллегарду на капитуляцію. Тогда прибылъ въ Верону вспомогательный десяти тысячный Россійскій корпусъ, высланный Императоромъ Павломъ I-мъ къ Королю обѣихъ Сицилій. Имъ предводительствовалъ Генералъ-Лейтенантъ Ребиндеръ, котораго, по распоряженію Фельдмаршала, смѣнилъ Генералъ Розенбергъ. Главный корпусъ нашихъ войскъ перешелъ подъ начальство Генерала отъ кавалеріи Дерфельдена. Розенбергу вѣрно прикрывать осаду Мантуи и на время остановиться при Піаченцѣ.

Наконецъ и твердая Мантуа покорилась оружію Императорскому. Десяти тысячный гарнизонъ ея, въ половину больной и израненый, сдался 17 Іюля на капитуляцію Генералъ-Фельдцейхмейстеру Краю, съ тѣмъ, чтобы оставаться военноплѣннымъ въ Германіи. Въ крѣпости найдено болѣе 300 пушекъ.

Суворовъ продолжалъ испытывать разныя неудовольствія отъ Гофкригсрата, который, останавливая полетъ непобѣдимаго Полководца, писалъ ему — какъ изъяснялся онъ. «Робость Гофкригсрата — писалъ къ

Императору Павлу I Фельдмаршалъ; — «зависть ко мнѣ, какъ чужестранному; интриги частныхъ, двучливыхъ начальниковъ, относящихся прямо въ Гофкригератъ; безвластіе мое въ производствѣ операций, «прежде доклада, на тысячи верстахъ, принуждаютъ меня всеподданнѣйше просить В. И. В. о моемъ «отзывѣ, ежели сіе не перемѣнится. Я хочу кости «положить въ моемъ Отечествѣ и молить Бога за «моего Государя.»

Въ это время Король Сардинскій Викторъ-Эмануилъ прислалъ Суворову ордена: Анонсиады, Св. Маврикія и Лазаря, дипломъ на чинъ Генераль-Фельдмаршала Королевскихъ войскъ, также на достоинство Князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (*cousin*) и съ предоставленіемъ онаго изъ рода въ родъ перворожденнымъ; сверхъ сего изъявилъ желаніе служить въ арміи Италійской подъ его начальствомъ. Императоръ Павелъ I согласился на получение Суворовымъ лестныхъ отличій и, уведомляя его о томъ, изъяснилъ: «что чрезъ это, онъ и Ему «войдетъ въ родство, бывъ единожды принятъ въ «одну Царскую Фамилію, потому, что владѣтельныя «Особы мѣжду собою все почитаются роднею (*).»— За пораженіе Макдональда, Фельдмаршалъ награжденъ 13 Іюля портретомъ Государя, осыпаннымъ брилліантами, для ношенія на груди; а за освобожденіе всей Италіи, въ четыре мѣсяца, *отъ безбожныхъ ея завогвателей* пожалованъ (8 Авг.) Княземъ

(*) См. *Исторію Рос. Австр. кампаніи 1799 г.*, ч. 3, стр. 268.

Россійской Имперіи съ титуломъ *Италійскаго*, который распространень и на его потомковъ мужскаго и женскаго родовъ. Въ Англіи на всѣхъ праздникахъ пили здоровье: 1) Короля; 2) Императора Россійскаго и 3) *избавителя Италіи*; сочинили въ похвалу Суворова пѣсни. — Императоръ повелѣлъ Фельдмаршалу, въ случаѣ продолженія дѣлаемыхъ ему непріятностей отъ Вѣнскаго Кабинета, собрать въ одно мѣсто вѣрныя ему Россійскія войска и дѣйствовать, по обстоятельствамъ, независимо; но, вмѣстѣ, совѣтовалъ остерегаться союзниковъ, предолжая сношенія съ Англійскимъ Министерствомъ. Суворовъ просилъ Государя наградить Генераль-Фельдцейхмейстера Края и получилъ въ отвѣтъ: «Я «ничего ему не дамъ: потому, что Императоръ Франць «трудно признаетъ услуги и воздаетъ за спасеніе «своихъ земель учителю и предводителю его войскъ.»

Успѣхи союзниковъ въ Италіи произвели переворотъ въ Французскомъ Правительствѣ: Директоры Республики были смѣнены; начальство надъ арміею вѣрено Жуберту, котораго Бонапартъ называлъ *малодликомъ славы своей*. Юный герой, не задолго передъ тѣмъ сочетавшійся бракомъ, надѣлъ на грудь портретъ обожаемой имъ супруги, поклялся именемъ ея побѣдить или умереть и полетѣлъ въ Италію. Моро сдалъ ему начальство и, соединенный съ нимъ тѣсною дружбой, остался въ главной квартирѣ, чтобы вмѣстѣ отомстить честь Французскаго оружія. Между тѣмъ городъ Сераваль, находящійся у подошвы утесистой горы; послѣ кратковременнаго бомбардированія, отворилъ ворота Багратиону. Рускій

авангардъ, подъ начальствомъ послѣдняго, занялъ позицію передъ Нови. Вскорѣ Жубертъ и Моро появились на хребтахъ высокихъ горъ, надъ обширною равниною, простирающеюся до Тортоны и Александрии. «*Юный Жубертъ — сказалъ Суворовъ — пришелъ учиться; дадимъ ему урокъ.*»

Выступя изъ горъ съ 45 тысячъ чел., Главнокомандующій Французскихъ войскъ занялъ выгодное положеніе по хребту на Нови къ Сераваль, оставя въ тылу Гави. 4 Августа начался кровавый бой, шестнадцать часовъ продолжавшійся. Центромъ союзной тридцати-восьми-тысячной арміи предводительствовалъ Дерфельденъ; правымъ крыломъ Край, лѣвымъ Меласъ. Войска Розенберга составляли резерваціонный корпусъ: ему поручено было прикрывать осаду Тортоны и, въ случаѣ надобности, подкрѣплять сражающуюся армію. На разсвѣтъ, лѣвое крыло непріятельское было сильно атаковано Крайемъ, который овладѣлъ ближайшими высотами; но принужденъ уступить превосходнымъ силамъ Французовъ. Жубертъ самъ повелъ на штыкахъ противъ Австрійцевъ колонну пѣхоты, стремился, верхомъ, съ нею при восклицаніяхъ солдатъ: *да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Жубертъ!* Пуля мгновенно рѣшила блистательную судьбу его; послѣднія слова его были: *впередъ, впередъ!* Моро снова принялъ начальство. — Чтобы облегчить пренятствія, встрѣченныя Крайемъ, Князь Багратионъ сдѣлалъ атаку на центръ непріятельскій. Французы начали дѣйствовать правымъ крыломъ своимъ въ лѣвый флангъ Императорскихъ войскъ, овладѣли всѣ-

ми возвышеніями въ окрестностяхъ Нови, составляющими подошву Генуэзскихъ горъ. Тамъ ударилъ на нихъ Генераль-Маіоръ Князь Горчаковъ, подкрѣпленный, потомъ, Меласомъ и Дерфельденомъ. Вся Императорская армія двинулась впередъ. Градъ ядеръ и картечи привелъ въ замѣшательство Рускія колонны; но, усиленные свѣжими полками, онѣ снова устремились на смертоносныя горы, три раза возобновляли нападенія на центръ непріятельскій. Французы, казалось, мстили за смерть Жуберта; колонны Дерфельдена, открывая путь къ убійственнымъ высотамъ, подъ личнымъ предводительствомъ Суворова, котораго сопровождалъ Великій Князь, какъ будто наказывали за дерзновенное намѣреніе помрачить славу Россійскаго Полководца. Моро, Сентъ-Сиръ и начальникъ Французскаго Главнаго Штаба Дессоль, видя послѣднія усилія союзной арміи, бросились сами противъ Рускихъ съ новыми колоннами. Съ такою же твердостію противъ лѣваго крыла Французской арміи, которое получило подкрѣпленіе, возобновляли атаку войска Края, нѣсколько разъ отраженныя. Лѣвое крыло союзниковъ сражалось на берегахъ рѣки Скривіи противъ Домбровскаго. Меласъ принудилъ его отступить и снять блокаду Серавали. Нападенія на центръ Французскихъ войскъ требовали безпрестанныхъ подкрѣпленій съ праваго ихъ крыла, которое ослабло до того, что не могло сопротивляться стремленію лѣваго крыла соединенныхъ войскъ. Пользуясь обстоятельствами, Меласъ предпринялъ движеніе на дорогу между Серавалию и Гави, въ тылъ правому Французскому крылу. Стѣс-

ненная этимъ движеніемъ Республиканская армія не могла сопротивляться нападеніямъ на центръ; Рускіе достигли высотъ; Французы начали отступать, склоняясь къ лѣвому крылу своему на деревню Пастурану. Тамъ отряды Австрійской кавалеріи и козаковъ, подъ начальствомъ Карачая, довершили пораженіе непріятеля, который удаллся чрезъ Боккету къ Савонъ, чтобы сблизиться съ своими подкрѣвленіями, собранными на границъ Піемонтской. Мракъ ночи покрылъ бѣгство враговъ.

Потеря Французовъ простиралась до двадцати тысячъ чел., въ томъ числѣ убитыми до семи тысячъ, пленными болѣе 4600, ранеными болѣе 5000, пропавшими безъ вѣсти около 4000. Въ числѣ пленныхъ находились четыре Генерала; пушекъ взято 39, ящиковъ съ снарядами 54. Союзныя войска потеряли убитыми до 1300 чел., ранеными болѣе 4700. Побѣда при Нови заставила непріятеля заключить капитуляцію о сдачѣ Тортоны, крепости неприступной, стоящей на высотѣ скалы, которую ни гаубицы, ни бомбы не достаютъ, стоящей Королю Сардинскому пятнадцать милліоновъ (*).

Императоръ Павелъ I повелѣлъ (24 Авг.) гвардіи и всемъ Россійскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи Своемъ, отдавать Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому *всѣ воинскія почести, подобно отдаваемымъ Особь ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.* — «Князь Александръ Васильевичъ!» — писалъ Государь къ Фельдмаршалу — «Я получилъ

(*) Слова Суворова. См. въ *Анекдотахъ* его стр. 169.

«извѣстіе о знаменитой побѣдѣ вашей надъ упокоен-
нымъ вами Генераломъ Жубертомъ. Радъ весьма,
«а тѣмъ болѣе, что убитыхъ немного и что вы здо-
«ровы. Не знаю, что пріятнѣе? Вамъ ли побѣж-
«дать или Мнѣ награждать за побѣды? Но мы оба
«исполняемъ должное: Я какъ Государь, а вы какъ
«первый Полководецъ въ Европѣ. Посылаю награ-
«жденіе за взятіе Серавали; а вамъ не зная, что
«уже давать, потому, что вы поставили себя выше
«награжденій, опредѣляли почестъ военную, какъ
«увидите изъ Приказа, вчера отданнаго. Достоянному
«достойное. Прощайте, Князь! Живите, побѣждайте
«Французовъ, и прочихъ, кои живутъ въ виду не
«возстановленіе спокойствія, но нарушеніе онаго.»

Между тѣмъ Генераль-Лейтенантъ Германъ сдѣ-
лалъ неудачную высадку въ Голландію; другой
вспомогательный тридцати-трехъ тысячный кор-
пусъ, подъ начальствомъ Нумсена, потомъ Генераль-
Лейтенанта Римскаго-Корсакова, двинулся въ Швей-
царію, гдѣ Эрцгерцогъ Карлъ занялъ Цюрихъ;
третій, пяти тысячный, изъ эмигрантовъ, подъ пред-
водительствомъ Принца Конде, находился въ Волынѣ.

Въ то время какъ Россійскій Самодержецъ, же-
лая утвердить спокойствіе Европы, возстановлялъ
въру и низверженныхъ Государей, Вѣяскій дворъ
продолжалъ противудѣйствовать, достигнувъ своей
цѣли. Генераль Графъ Клейнау, долженствовавшій,
при пособіи Англійскаго флота, тѣснить непріятеля
на берегахъ Генуэскихъ, находившійся уже на одинъ
переходъ отъ Генуи, поступилъ подъ начальство
Фельдмаршала-Лейтенанта Фрейлиха, который былъ

отозванъ отъ главной союзной арміи въ Герцогство Тосканское; Суворовъ, по приказанію Императора Франца II, сдалъ начальство надъ Австрійскими войсками Генералу Меласу и двинулся съ своими полками въ Швейцарію. Піемонтъ остался во власти союзниковъ. Къ довершенію неприятностей, Эрцгерцогъ, до соединенія нашего Фельдмаршала съ Римскимъ-Корсаковымъ, удался изъ Швейцаріи въ Швабію.

Такъ кончился знаменитый походъ 1799 года, въ которомъ союзники подъ главнымъ предводительствомъ Суворова выиграли десять сраженій, приобрѣли около трехъ тысячъ огнестрѣльныхъ орудій, двѣсти тысячъ ружей, восемьдесятъ тысячъ плевныхъ и покорили двадцать пять крѣпостей, лишась убитыми и ранеными только восемь тысячъ человекъ (*).

Не отступая отъ предполагаемаго плана Государь, съ своей стороны, предоставилъ всѣ Россійскія войска въ Швейцарію и корпусъ Принца Конде главному начальству Суворова, съ тѣмъ, чтобы эта армія, усиленная Швейцарцами, которыхъ вооружала Англія, составивъ центръ Австрійскихъ войскъ Эрцгерцога и Меласа, стремилась черезъ Франшъ-Конте во Францію.

Оставляя Италію, Фельдмаршалъ простился съ Австрійцами приказомъ, исполненнымъ признательности. «Никогда — упоминаю Суворовъ — не забуду «я храбрыхъ Австрійцевъ, которые почтили меня «довѣренностію и любовію; не забуду воиновъ по-

(*) См. *Замѣтку Суворова* въ Исторіи Рос. Австр. кампаніи 1799 г., ч. 3, стр. 490.

«бѣдоносныхъ, содѣлавшихъ меня побѣдителемъ.»— Неприятная вѣсть объ удаленіи Россіянь привела въ уныніе обитателей Піемонта и Ломбардіи.

Руская армія выступила въ походъ къ границамъ Швейцаріи двумя колоннами: первую предводительствовалъ Дерфельденъ, второю Розенбергъ. Полевые орудія отправлены, подъ прикрытіемъ войска, чрезъ Миланъ и Комо, откуда положено перевести ихъ на судахъ. Въ замѣнъ этихъ пушекъ корпусъ Дерфельдена долженъ былъ получить 15 горныхъ, а корпусъ Розенберга 10. Австрійское начальство обязалось снабдить мулами подъ орудія и для подвоза провіанта. Меласъ увѣрилъ Суворова, что они выставлены въ городъ Беллинцонъ, лежащемъ у подошвы Сен-Готарда. Быстро шествовалъ Суворовъ: въ шесть дней совершилъ переходъ для котораго нужно было восемь; но въ Беллинцонъ не нашелъ онъ обѣщанныхъ муловъ, потерялъ пять дней, обнадеживаемый Австрійскими комиссіонерами и въ такой крайности исполнилъ полезный совѣтъ Великаго Князя добавить недостававшее число муловъ козачьими лошадьми.

Приближался къ Альпійскимъ горамъ, олушевляя Россіянь чрезвычайными дѣлами, недавно совершенными въ Италіи, опытный Полководецъ не скрывалъ отъ военачальниковъ своихъ печальныхъ слѣдствій удаленія изъ Швейцаріи Эригерцога; предвидѣлъ, что Массена устремится со всѣми силами своими на Корсакова, потомъ на Конде.

Наконецъ показались грозные утесы и скалы Сен-Готарда, котораго вершина возносится выше

облаковъ. Осенняя, ненастная погода придавала еще болѣе мрачности дикой громадѣ. Между солдатами, утомленными отъ дальнихъ походовъ, возникъ ропотъ на трудный переходъ. Услышавъ негодованіе, Суворовъ предоставилъ имъ избрать любое: безпрекословно повиноваться ему или предать его землѣ у подошвы Сен-Готарда; велѣлъ рыть для себя могилу. «*Здѣсь похороните меня — произнесъ герой: — «вы болѣе не дѣти мои — я болѣе не отецъ «вамъ — мнѣ ничего не остается кромѣ смерти!»*» — Изумленные, растроганные солдаты, зная рѣшительность вождя своего, бросались къ нему съ громкими восклицаніями: *веди, веди насъ!* подняли его на руки. «*Вотъ — говоритъ очевидецъ Фуксъ — «первый шагъ Суворова къ побѣдамъ на горахъ Альпійскихъ (*)!»*

Въ донесеніи своемъ Государю отъ 3 Октября (1799 г.), Суворовъ описалъ знаменитый переходъ свой: «*На каждомъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса, «зіяющія пропасти представляли отверстыя и поглощать готовые гробы смерти. Дремучія, мрачныя «ночи, непрерывно ударяющіе громаы, ліющіеся дожди и густой туманъ облаковъ, при шумныхъ во«допадахъ, съ камнями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ явилась зрѣнію «нашему гора Сен-Готардъ, этотъ величающійся ко«лоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя «тучи и облака плаваютъ, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсбергъ. Вся опасности, вся трудности*

(*) *Исторія Рос. Австр. кампаніи, ч. 1, стр. 201.*

«были преодолены, и при таковой борьбѣ со всеми
«стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ
«и въ неприступныхъ, выгоднѣйшихъ мѣстоположе-
«ніяхъ не могъ противостоятъ храбрости воиновъ,
«явившихся неожиданно на этомъ новомъ театрѣ:
«онъ всюду прогнать. Войска В. И. В. прошли
«черезъ темную горную пещеру *Урзерн-Лохъ*, заняли
«мостъ удивительною игрой природы изъ двухъ
«горъ сооруженный и проименованный *Тейфельсбри-
«ке* (*) Оный разрушенъ непріателемъ; но это не
«становило побѣдителей: они связываютъ доски
«шарфами офицеровъ; бѣгутъ по этимъ доскамъ,
«спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая
«врага, поражаютъ его всюду. Нанослѣдокъ надле-
«жало восходить на снѣжную гору *Билшморъ-Бергъ*,
«скалистою крутизной въ прочія превышающую;
«утопая въ скользкой грязи, должно было поды-
«маться противъ и посреди водопада, низвергавша-
«гося съ ревомъ, и низрывавшаго съ яростію стран-
«ные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, на ко-
«торыхъ много людей съ лошадьми съ величайшимъ
«стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ
«многіе убивались, а многіе спасались. Всякое изра-
«женіе недостаточно къ изображенію этой картины
«во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преиспол-
«няетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарствен-
«нымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невиди-
«мая, всемогущая десница видимо охраняла воинство
«В. И. В., подвизавшееся Сватою Его Варою.»

(*) *Чертовъ мостъ.*

Суворовъ совершилъ немощный походъ среди своего войска на лошади, едва влачившей ноги, въ синемъ обветшаломъ плащѣ, который достался ему послѣ отца и былъ извѣстенъ подъ названіемъ *родимельскаго*, въ круглой большой шляпѣ, взятой у одного капуцина. Ропотъ воиновъ, отчаяніемъ исторгаемый, доходилъ до него: «Старикъ нашъ — говорили они вслухъ — «выжилъ уже изъ ума: «Богъ вѣсть, куда насъ заведетъ!» — Суворовъ спрашивалъ: что они говорятъ? — Ему отвѣчали: «вы слышите сами.» — «Да! — кричалъ онъ: — «По-амилуу Богъ! они меня хвалятъ; такъ хвалили они меня въ Туретчинъ и Польшь.» — И утомленные солдаты хохотали, забывая свою усталость, радостно повторяли слова Предводителя: *Впередъ! съ нами Богъ! Русское войско побѣдоносно. Ура!* — «Здѣсь *амиль des belles retirades* (*). — говорилъ Суворовъ улыбаясь, приближеннымъ; — «разъ въ пропа-астякъ.» — Одно слово *ретирада* приводило его въ гнѣвъ и изступленіе. Окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и оставленный союзниками, онъ повторялъ: «не дамъ костей своихъ врагамъ; умру здѣсь, и исеките на камнѣ: Суворовъ — жертва измѣны, но не трусости (**).» — Великій Князь проводилъ съ Фельдмаршаломъ ночи подъ открытымъ небомъ: иногда, въ равнинахъ только, имѣли

(*) *Прекрасныхъ ретирадъ.* См. *Сочиненія Фукса*, стр. 179.

(**) *Сочиненія Фукса*, стр. 88, 124 и 178.

они пристанутъ въ сараахъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды пасущіеся стада.

Вытѣснивъ Французовъ изъ горныхъ ущелій, обративъ ихъ въ бѣгство, сначала, къ долинѣ Урзернъ, потомъ чрезъ Чертовъ мостъ за мѣстечко Вазенъ; къ Амстегу; занявъ городъ Альтдорфъ, Суворовъ преодолялъ съ войскомъ своимъ чрезвычайныя трудности при переходѣ черезъ гору *Кольмбергъ*, высочайшую по Сен-Готардъ. Въ продолженіи этихъ битвъ герои его, Багратіонъ и Милорадовичъ, покрыли себя новою славой: послѣдній, найдя въ Амстегѣ сожженный мостъ, полетѣлъ по тлѣвшимися бревнамъ; спускался на спинѣ съ утесистыхъ горъ.

Армія вступила въ долину Мутенъ. Здѣсь Фельдмаршалъ извѣстился отъ жителей окрестныхъ селеній о печальной участи корпусовъ Римскаго-Корсакова и Фельдмаршала-Лейтенанта Готце. Слѣдуя повелѣніямъ Гофкригсрата, Эрцгерцогъ оставилъ Швейцарію въ то самое время, когда, соединивъ силы свои съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце (конъ все составили бы до ста тысячъ), могъ разбить Массену, имѣвшаго подъ ружьемъ только шестьдесятъ тысячъ. Французскій Генералъ, узнавъ о приближеніи Суворова, рѣшился внезапнымъ нападеніемъ отвратить угрожавшую ему опасность: Готце, храбро обороняясь противъ Сульта, палъ при деревнѣ Шаннисъ героемъ; Римскій-Корсаковъ, распространившій силы свои въ Швейцаріи по случаю удаленія изъ оной Эрцгерцога, былъ, послѣ упорныхъ битвъ (14 и 15 Сент.) окруженъ въ Цирихъ

многочисленнымъ непріателемъ, не согласился на постыдныя условія и съ десяти тысячнымъ войскомъ, съ 12 орудіями, проложилъ себѣ дорогу штыками къ Эглизау сквозь сорокатысячную армию (*). Жители Швейцаріи не отважились возстать единодушно: нѣсколько тысячъ сражались подъ знаменами Французовъ и не палили Россіянъ, пришедшихъ защищать ихъ свободу.

У Суворова оставалось менѣе двадцати тысячъ войска, утомленнаго отъ непрестанныхъ сраженій и дальнихъ походовъ, почти безъ патроновъ и пороху: онъ не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій въ открытыхъ равнинахъ противъ Массены, въ трое сильнѣйшаго и, вмѣстѣ съ военнымъ Совѣтомъ, рѣшился идти на Гларисъ горами, открыть себѣ путь оружіемъ. Непритель нападалъ на Рускихъ днемъ и ночью со всѣхъ сторонъ: въ мокрую, холодную погоду, они должны были подниматься на утесы, покрытые снѣгомъ, проходить по тѣснымъ, болотястымъ дорогамъ, и вправо отъ Глариса вооруженною рукой пробираться къ Копру. Безпрестанно происходили кровопролитныя сраженія, на которыхъ воины Суворова всегда оставались побѣдителями: подъ Мунтенталемъ Розенбергъ, начальствовавшій нашимъ ар-

(*) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, въ послѣдствіи Литовскій Военный Губернаторъ, Генераль отъ Инфантеріи, Членъ Государственнаго Совѣта и кавалеръ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Владимира первой степени, скончался въ С. Петербургѣ 13 Мая 1840 года, на 87 отъ рожденія.

рієргардонъ, заманилъ Массену съ 10 тысячъ. человекъ въ долину, выждалъ, ударилъ съ тремя тысячъ. Русскихъ въ мтыки, разбилъ его, обратилъ въ бѣгство до самаго Швица, повоевалъ болѣе двухъ тысячъ человекъ, взялъ въ плѣны: Генералъ-Квартирмейстера Лакурба, двухъ Швейцарскихъ бригады, одного батальоннаго командира, 13 есауловъ и 1200 рядовыхъ; отбилъ пять пушекъ (*). За Гларносомъ Князь Багратіонъ, командовавшій авангардомъ, подиръменнымъ Генераломъ Дерфельденомъ, стремительно напалъ въ дефилеяхъ на Молатора, опрокинулъ его, положилъ на мѣстѣ тысячу человекъ, взялъ въ плѣны: Шефа бригады, 7 есауловъ, 347 солдатъ, отбилъ двѣ пушки и одно знамя. Наконецъ, послѣ шестнадцатидневнаго побѣдоноснаго странствованія по Альпійскимъ герамъ, Рускіе достигли Хура, откуда выступили чрезъ Мансфельдъ и Бальцеръ въ Фельдкирхенъ.

Въ достопамятный походъ чрезъ Швейцарію непріятель потерялъ: убитыми, Генерала Лягуре, множество есауловъ и болѣе четырехъ тысячъ солдатъ; плѣнными, одного Генерала, трехъ Полковниковъ, 37 Штабъ и Оберъ-Есауловъ и 2778 нижнихъ чиновъ; пушекъ отбито 10, одна жортира и одно знамя. Съ нашей стороны пало 661 чел., ранено 1369, въ томъ числѣ Генералъ-Маіоры: Князь Горчаковъ, Князь Багратіонъ, Курнаковъ, Харламовъ и Мансуровъ. — Сынъ Суворова, во все время сраженій и

(*) Розенбергъ награжденъ за этотъ знаменитый подвигъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

погони, находился при Великомъ Князѣ, который не переставалъ одушевлять войско напоминаніемъ о любви къ Августѣйшему его Родителю. Между тѣмъ Римскій-Корсаковъ разбилъ, при деревнѣ Шлатъ, три дивизіи Французскія: Менара, Лоржа и Гацана; преслѣдовалъ ихъ кавалеріею, прогналъ до рѣки Тура, отбилъ двѣ пушки, положилъ на мѣсть до тысячи челоувѣкъ, взялъ 50 вѣ плѣнъ, сосредоточилъ силы свои на правомъ берегу Рейна. Принцъ Конде потерпѣлъ поражение при Костницѣ.

Не теряя еще надежды соединиться съ Австрійскою арміею и дѣйствовать снова къ освобожденію Швейцаріи, Фельдмаршалъ выступилъ изъ Фельдкирхена къ Линдау, гдѣ получилъ письмо отъ Эрцгерцога Карла, назначавшаго ему свиданіе въ Штокахъ. Ссылаясь на слабость здоровья, Суворовъ просилъ Эрцгерцога сообщить ему письменно виды и предположенія для дальнѣйшихъ дѣйствій, и въ присутствіи Графа Коллоредо (который былъ присланъ съ письмомъ) произнесъ: — *«Эрцгерцогъ Карлъ не при Дворѣ, но на войнѣ, такой же Генералъ какъ Суворовъ, кромя того, что послѣдній старше его по своей опытности.»*—Возникшая между обоими Полководцами переписка не имѣла никакихъ успѣховъ: Эрцгерцогъ настоятельно требовалъ содѣйствія Суворова, не объявляя ему числа войскъ, которыми самъ намѣревался вспомоцествовать. Фельдмаршалъ рѣшился перенести главную квартиру въ Аугсбургъ гдѣ вступилъ въ стольже бесполезные переговоры съ Австрійскимъ Министромъ Княземъ Эстеррэмъ. Вскорѣ послѣдовало формальное объявленіе *У куда.*

тора Павла I, что Онъ прекращаетъ общее дѣло. — «Государь, Братъ мой! — писалъ великодушный Монархъ Россіи къ Императору Францу II — «Вашему Величеству должно уже быть извѣстно о послѣдствіяхъ удаленія изъ Швейцаріи Вашей арміи «подъ начальствомъ Эрцгерцога Карла — совершившагося вопреки всѣхъ причинъ свѣта, по коимъ она оставалась тамъ до соединенія Фельдмаршала «Князя Италійскаго съ Генераль-Лейтенантомъ Корсаковымъ. Видя войска Мои оставленныя, и такимъ образомъ преданныя неприятелю — политику, противную Моимъ намъреніямъ, и благосостояніе Евкропы, принесенное на жертву, имѣя совершенный поводъ къ негодованію на поведеніе Вашего Министерства, коего побужденій не желаю знать, Я объявляю Вашему Величеству съ тѣмъ же чистосердечіемъ, которое заставило Меня летѣть на помощь къ Вамъ и споспѣшествовать успѣхамъ Вашего оружія, что отнынѣ общее дѣло прекращено, дабы не утвердить торжества въ дѣлѣ вредномъ. Пребываемъ съ должнымъ къ Вамъ почтеніемъ и проч. (*)»

Словоръ получилъ Высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію и, читая въ будущемъ, произнесъ: «Французскій; но не добилъ. Парижъ»

— Признательный къ
въ почетное до-
са 29 Октября
всю жизнь ва-

«шу враговъ Отечества — писалъ къ нему Павелъ I-й — не доставало вамъ еще одного рода славы: преодолеть самую природу; но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ свѣры, попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности Моей, и ставя на высшій степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго Полководца сего и другихъ вѣковъ.» — *Это много для другаго* — произнесъ тогда Императоръ Графу РаSTOPчину — «а Суворову мало: ему быть Ангеломъ» — и велѣлъ вылить бронзовую статую его для украшенія столицы, въ память знаменитыхъ подвиговъ. Императоръ Францъ II препроводилъ къ Суворову орденъ Маріи Терезіи первой степени большаго креста, предоставилъ ему по жизни званіе своего Фельдмаршала и сопряженное съ онымъ жалованье. Великій Князь Константинъ Павловичъ за *храбрость и примѣрное мужество* получилъ отъ своего Августѣйшаго Родителя титулъ Цесаревича.

Въ Прагѣ Генералиссимусъ провелъ время очень весело (въ Декабрѣ); завелъ у себя на банкетахъ святочные игры: фанты, жмурки, жгуты и проч.; бѣгалъ, мѣшался въ толпѣ подчиненныхъ, съ точностію исполнялъ, что ему назначалось дѣлать, когда вынимали его фантъ; пустился въ танцы: *люди въ право, а онъ въ лѣво; такую* — какъ изъясняется очевидецъ Фуксъ — *причинилъ кутерьму, суматоху, штурмъ, что всѣ скакали, прыгали и сами не знали куда.*

Знатнѣйшія Богемскія дамы, Австрійскій Генералъ Графъ Беллегардъ, Англійскій Посланникъ при Ванскомъ Дворѣ Джорджъ Минто и множество иностранцевъ пугались въ нашихъ престонародныхъ играхъ. Кто бы подумалъ тогда, что Суворовъ находился у вратъ смерти?

«Князь! — писалъ собственноручно Императоръ къ Суворову 29 Декабря. — «Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, и желаю его вамъ благополучно, «зову васъ къ себѣ. Не мнѣ тебя, герой, награждать. Ты выше мнѣ Монахъ; но Мнѣ чувствовать сіе и ценить въ сердцѣ, отдавая тебѣ должное. Благосклонный Павелъ.»

Сдавъ команду Генералу Розенбергу Генералиссимусъ простился въ Прагъ съ войсками, горестно и трогательно: солдаты предчувствовали, что не увидятъ болѣе своего водителя къ побѣдамъ!

Въ городѣ Нейтштена (въ Моравіи), Суворовъ желалъ поклониться праку Лаудона. Приблизившись къ надгробному памятнику, онъ прочелъ съ вниманіемъ Латинскую надпись, въ которой описаны титулъ и заслуги знаменитаго Полководца и произнесъ сопровождавшему его Фуксу (*): «Нѣтъ! «Когда я умру, не дѣлайте на моемъ надгробіи по-

(*) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, Правитель Канцеляріи и неразлучный спутникъ Суворова, управлялъ также военною канцелярією Князя Кутузова-Смоленскаго въ достопамятнѣйшій 1812 годъ; скончался въ С. Петербургѣ 26 Марта 1829 года.

«хвальной надписи; не скажите просто: *Здесь ле-
жит Суворовъ.*»

Начало болѣзни Генералиссимуса, называемой *флиминною*, оказалось въ Краковѣ: сыпь и водяные пузыри покрыли все тѣло его. Онъ перенѣхавъ въ имѣніе свое Кобрино (*) и тамъ слегъ въ постель, велѣлъ *отыскать аптечку блаженной памяти Екатерины*. — «Она надобна мнѣ только на память» — говорилъ Суворовъ, во любившій лязкаство. Тотчасъ отправлена была съ печальнымъ извѣстіемъ зетафета къ Генералъ-Прокурору Оболяиннову. Императоръ прислалъ Лейбъ-Медика Вейкарта къ больному. — «Молю Бога — писалъ Онъ къ нему — да возвратитъ Мнѣ героя Суворова. По пріѣздъ вашемъ въ столицу узнаете вы признательность къ вамъ Государя, которая, однакожь, не сравняется съ вашими великими услугами, оказанными Мнѣ и Государству.» — Суворовъ получилъ облегченіе, началъ выздоравливать и большую часть времени, по случаю наступившаго тогда великаго поста, проводилъ въ молитвахъ, заставлялъ Вейкарта участвовать въ нихъ три раза въ день, бить земные поклоны, употреблять самую строгую постную пищу, не смотря на отговорки; велѣлъ ему говорить по Руски, хотя онъ съ трудностію изъяснялся на нашемъ языкѣ; продолжалъ въ церкви пѣть съ пѣвчими, сердился когда они не согласовались съ нимъ, читалъ Апостолъ съ великимъ напряженіемъ голоса, безпрестанно перебѣгалъ съ одного клироса на другой или

(*) Нынѣ уездный городъ Гродненской губерціи.

въ алтарь и молился мѣстнымъ образамъ. Иногда герой предавался мечтаніямъ о новой кампаніи, диктовалъ отвѣты на письма знаменитыхъ особъ Европы, разговаривалъ о приготовленіяхъ, которыя дѣлались къ торжественному въѣзду его въ С. Петербургъ.

Наконецъ Докторъ позволилъ ему отправиться въ дорогу съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ сутки не болѣе двадцати пяти верстъ, о чемъ донесено Государю. Передъ отъѣздомъ Генералиссимусъ спросилъ: *не забылъ ли кого наградить?* Онъ не могъ уже путешествовать по своему обыкновенію, ѣхалъ не въ кибиткѣ, а въ дормезѣ, лежа на перинѣ и въ сопровожденіи врачей; на пути получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ Государь изъявлялъ величайшую радость, что *ескорь обнимаетъ героя всѣхъ эпохъ, Суворова*. При въѣздѣ изъ Вильно, болѣзня его вдругъ усилалась: великій Полководецъ остановился въ бѣдной хижинѣ, легъ на лавку и, прикрытый пологомъ, съ тяжелыми вздохами произносилъ: *«за что страдаю?»* — Въ Ригѣ собравшіеся съ силами, онъ надѣлъ въ первый день Пасхи свой Фельдмаршальскій мундиръ, всѣ знаки почестей, слушалъ Божественную Литургію и разговѣлся у Губернатора. — *«Ахъ! старъ я сталъ!»* — повторялъ Суворовъ во время двухнедельнаго путешествія своего отъ Риги до С. Петербурга. Народъ вездѣ толпился съ нетерпѣливымъ любопытствомъ взглянуть на непобѣдимаго вождя. Въ Стрѣльнѣ дормезъ его былъ окруженъ многими жителями столицы, выѣхавшими къ нему на встрѣчу: дамы и дѣти

водносили фрукты и цветы; слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ благодарилъ онъ ихъ, и съ умилениемъ благословлялъ дѣтей. Избывая уже всѣхъ почестей, Генералиссимусъ желалъ въѣхать въ Петербургъ вечеромъ; приблизился, 20 Апрѣля, къ триумфальнымъ воротамъ въ десять часовъ: поднялся шлагбаумъ, солдаты выступили въ рядъ безъ ружей. Въ Зимнемъ Дворцѣ были приготовлены для него комнаты: Суворовъ остановился въ домъ своего племянника Графа Дмитрія Ивановича Хвостова (*), гдѣ отъ увеличившейся болѣзни слегъ въ постель. На другой день явился къ нему Вице-Канцлеръ Графъ Растопчинъ съ собственноручнымъ рескриптомъ Людовика XVIII, при которомъ Король Французскій препроводилъ къ нему орденъ Св. Лаваря. Суворовъ лежалъ въ совершенномъ разслабленіи; долго не могъ понять, зачѣмъ Растопчинъ пріѣхалъ; наконецъ велѣлъ прочесть письмо, взялъ орденъ, заплакалъ, спросилъ о мѣстѣ изъ котораго онъ присланъ, и съ ироническою улыбкой сказалъ: «*Такъ «ли прочитали? Французскій Король долженъ быть «въ Парижѣ, а не въ Митавѣ.»* — Не задолго передъ тѣмъ, Курфирстъ Баварскій Максимиліанъ-Иосифъ прислалъ Суворову орденъ Св. Губерта (**).

(*) На Екатерининскомъ каналѣ, близъ церкви Св. Николая. Этотъ домъ принадлежалъ потомъ Г. Болотникову.

(**) Суворовъ, кромѣ орденовъ: Австр. Маріи Терезинъ, Прусскихъ, Сардинскихъ, Французскаго и Баварскаго, имѣлъ еще Польскіе: Бѣлаго Орла и Св. Станислава; желалъ получить орденъ *Подвляки* и намекалъ о томъ посредствомъ спущеннаго чулка, Англійскому Послу.

Онъ уже обѣдалъ не въ семь часовъ утра, а во второмъ по полудни; спалъ не на сѣнѣ; часто вставалъ съ постели, садился въ большія кресла, въ которыхъ восшиа его по комнать; продолжалъ, для препровожденія времени, заниматься Турецкимъ языкомъ; сохранилъ въ памяти все подробности о походахъ противъ Поляковъ и Турекъ и забывалъ названія покоренныхъ имъ городовъ и крепостей въ послѣднюю кампанію, также имена Генераловъ; надъ которыми одержалъ свѣжія, блистательныя победы. «*Для чего — говорилъ Суворовъ — не умеръ я на поляхъ Италіи!*»

Тщотны были старанія искуснѣйшихъ врачей; болѣзнь день ото дня усиливалась и смерть приближалась скорыми шагами. Однажды вошелъ къ больному племянникъ его и сказалъ ему: «До васъ есть дѣло.» — Окнувъ его быстрымъ взглядомъ, Суворовъ отвѣчалъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: «*Дѣло? я готовъ!*» — Но узнавши, что Баронъ Бюллеръ желалъ получить изъ рукъ его Баварскій орденъ Золотога Льва, опустилъ голову на подушку и слабо, едва внятнымъ словомъ, произнесъ: «*хорошо; пусть сойдеть (*).*»

Уговорили Суворова исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ. Онъ исполнилъ послѣдній долгъ,

(*) Баронъ Бюллеръ, Чрезвычайный Россійскій Посланникъ и Полномочный Министръ въ Минхенъ, въ послѣдствіи Сенаторъ, награжденъ этимъ орденомъ по предствательству Суворова.

какъ истинный христiанинъ, простился съ оправданнми одръ его. Наступила ночь: въ безмятствѣ, умиранный произносилъ слабымъ голосомъ разныя приказанiя, какъ бы находясь съ военачальниками въ главной квартирѣ, твердилъ о Генуѣ, о новыхъ своихъ военныхъ планахъ. Бредъ продолжался и утромъ — наконецъ Суворовъ умолкъ — и навсегда 6 Мая 1800 года, во второмъ часу по полудни, на 72 году своей жизни.

Огорченный смертію Генералиссимуса, Императоръ послалъ своего Генералъ-Адъютанта утѣшить родственниковъ и объявить имъ, что *Онъ наравнѣ съ Россією и съ ними раздѣляетъ скорбь о потерѣ великаго человека.* Великолѣпный гробъ былъ поставленъ въ богато-убранной залѣ, гдѣ въ продолженіе семи дней жители столицы орошали слезами признательности бранные останки.

Въ назначенный день, вельможи, чиновники и весь сословія двинулись къ Александровской Даврѣ, Императоръ, окруженный блистательною свитой, ожидалъ печальное шествіе у Публичной Библиотеки, и, по приближеніи гроба, снялъ шляпу, низко и почтительно поклонился праху знаменитаго мужа, который прославилъ Его царствованіе. У монастырскихъ воротъ высокій балдахинъ затруднялъ входъ дрогамъ; уже хотѣли снимать его, какъ одинъ унтеръ-офицеръ, находившійся во всехъ походахъ съ Суворовымъ, вскрикнулъ: «Оставьте! Онъ пройдетъ, какъ и вездѣ проходилъ.» — Двинулись — и гробъ проехалъ благополучно.

Останки Генералиссимуса покоятся въ церкви Св. Благовѣщенія. Долго простая, но краснорѣчивая надпись: *Здѣсь лежитъ Суворовъ* — украшала мѣсто его погребенія. — Въ 1826 году нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, съ честью *необходимому Полководцу и для возбужденія въ молодыхъ воинахъ воспоминанія о безсмертныхъ подвигахъ*, Высочайше повелѣть соизволилъ (17 Авг.) именовать впредь Фанагорійскому гренадерскому полку (съ которымъ Суворовъ взялъ Измаилъ, разбилъ при Рымникъ Визаря) *гренадерскимъ Генералиссимуса Князя Суворова-Италійскаго полкомъ*.

Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, Графъ Суворовъ-Рымникскій, средняго роста, вѣзвистый, сухощавый, имѣлъ лице покрытое морщинами, большой ротъ, взглядъ быстрый и часто грозный, волосы сѣдые какъ лунь; былъ жестокъ и сострадателенъ, гордъ и доступенъ, снисходителенъ и склоненъ къ насмѣшкамъ; скоръ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: никогда не ходилъ, а бѣгалъ; не ѣздилъ верхомъ — скакалъ; одаренъ счастливою памятью: въ Турціи выучился по Турецки, въ Польшѣ по Польски, въ Финляндіи по Чухонски. Воспитанный среди битвъ, получивъ всѣ высшіе чины и знаки отличія на бранномъ полѣ, онъ жилъ въ арміи какъ простой солдатъ, употреблялъ суровую пищу, хлѣбалъ солдатскія щи и кашницу, спалъ на соломѣ; часто являлся въ лагерь въ одной рубашкѣ или солдатской курткѣ, иногда въ изодранномъ *родительскомъ* плащѣ, съ опущенными чулками и въ старыхъ сапогахъ; былъ доволенъ когда его не узнавали; ѣздилъ на несосѣд-

ланной козачкой лошади и по утру, до зари, целъ три раза пѣтухомъ, пробуждая такимъ образомъ войско; при Дворѣ боялся скользкаго паркета, перебѣгалъ изъ угла въ уголъ; былъ неловокъ въ обращеніи съ женщинами, говорилъ: *«отъ низъ мы поте-ряли рай!»* — дышалъ лишь славолюбіемъ. Онъ ложился спать въ шесть часовъ вечера, вставалъ въ два часа по полуночи, купался или окачивался холодною водою, обѣдалъ утромъ въ семь часовъ. Камердинеръ *Прошка* уполномоченъ былъ отнимать у него тарелку съ кушаньемъ и на вопросъ: *по чьему приказанію онъ это дѣлаетъ?* отвѣчалъ: *«по приказанію Фельдмаршала Суворова.»* — *«Ему должно по-виноваться»* — говорилъ Суворовъ (*).

Императрица Екатерина II, узнавъ, что Графъ Рымникскій ѣздитъ и ходитъ въ трескучіе морозы въ одномъ мундирѣ, подарила ему черную соболью шубу. Суворовъ принялъ съ должнымъ благоговѣніемъ даръ Монархини, возилъ его съ собою на колѣвахъ; *но никогда не держалъ* — какъ изъяснялся — *возлагать на грѣшное свое тѣло.* — Выпарившись въ банѣ, онъ бросался въ рѣку или въ снѣгъ и, между тѣмъ, переносилъ въ горницѣ ужасную теплоту. Од-

(*) Этому *Прошкѣ*, всегда пьяному, дерзкому, грубившему господи́ну, Король Сардинскій Карлъ Еммануэль прислалъ двѣ медали, на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора Павла I, на другой своего портрета, съ Латинскою надписью: *за сбереженіе здоровья Суворова.* Последній сниско-дилъ ему потому, что онъ въкогда спасъ его жизнь.

нашъ Нравитель его канцелярѣи Фуксъ закапалъ потомъ донесеніе, которое докладывалъ Суворову: «Вотъ, Ваше Сіятельство—сказалъ онъ ему — «я не виновать, а ваша Эгна» — указавъ на печь. — «Ничего, ничего — отвѣчалъ Суворовъ; — «въ Петер-, «бурень скажутъ, или, что ты до поту лица рабо-, «таешь, или что я окропилъ эту бумагу слезою. Ты «потлилъ, а я слезлилъ.» — Въ другое время Австрійскій Генераль-Квартирмейстеръ Цахъ до того распаллся въ кабинетъ его, что снялъ съ себя галстукъ и мундиръ. Фельдмаршалъ бросился его цѣловать, произнеся: «Люблю кто со мною обходится «безъ фасоновъ.»—«Помилуйте — вскрикнулъ Цахъ— «здесь можно сгорѣть!» — «Что дѣлать! — возразилъ Суворовъ.—«Ремесло наше такое, чтобъ быть всегда «близъ огня, а потому я и здѣсь отъ него не отвы- «каю.»

Суворовъ презиралъ роскошь, не терпѣлъ лести, любилъ давать милостыню; но здоровому нищему дарилъ топоръ, говоря: *Руби дрова; не умрешь съ голу-ду*; присылалъ нѣсколько лѣтъ сряду въ С. Петербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячъ рублей на искупленіе содержащихся за долги (*); отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ; примѣрнымъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ; во всю жизнь поражалъ непріятеля многочисленнаго меньшими силами; былъ любимъ, боготворимъ войскомъ; наказывалъ солдатъ, за несправность, отечески; ошце-

(*) *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса, С. Петерб., 1827 г., стр. 130.*

ровъ арестами — никого не погубилъ: только одинъ разъ въ жизнь свою вынужденъ онъ былъ удалить Полковника, присвоившаго себѣ солдатскія артельныя деньги, но и тутъ велѣлъ написать просто, что онъ увольняется за *немогушайство*. Генералы Дерфельденъ, Розенбергъ, Меласъ и другіе обращались съ нимъ съ нѣкоторою боязнію, страхась его насмѣшекъ. Отличаясь благочестіемъ, часто кричалъ онъ своимъ войнамъ: *Начало премудрости есть страхъ Господень*; умѣлъ бесѣдовать съ ними въ ихъ вкусъ, слогъ, языкъ. Солдаты отзывались: «Нашъ Суворовъ съ нами въ побѣдахъ и вездѣ въ паю, только не «въ добычѣ, она вся наша. Онъ не спитъ, когда мы «спимъ; не ѣстъ, когда насъ угощаютъ, и еще въ «жизни своей ни одного дѣла не проспалъ.»

Тактика Суворова состояла въ трехъ словахъ: *Выстрота, глазомѣръ, натискъ*. Пѣхота его дѣйствовала штыками, конница саблями. «*Ошибки великихъ «Полководцевъ поучительны — говорилъ онъ. — «За «ученаго даютъ трехъ неученыхъ. Намъ мало трехъ! «Давай намъ шесть; дай намъ десять на одного... «всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ. Береги «пулю на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, «когда негдѣ взять. Стрѣлай рѣдко да мѣтко — «штыкомъ коли крѣпко. Пуля обжишутся, а штыкъ «не обжишутся; пуля дура, штыкъ молодецъ.» — Въ Рымникскомъ сраженіи, замѣтивъ ужасныя лица Янычаръ, Суворовъ тотчасъ приказалъ солдатамъ: не смотрѣть бусурманамъ въ лице, а колоть ихъ прямо въ грудь.*

Онъ не терпѣлъ ретирады и оборонительной войны. «Слово: ретирада (которое произносилъ всегда зажмурясь и съ насмѣшливымъ протяженіемъ), «де-факсиме въ моемъ Словарѣ нѣтъ» — повторялъ Суворовъ.—Генералъ Меласъ, называвшій его *Генераломъ впередъ* и которому нашъ Полководецъ сказалъ: «Правда, впередъ! но иногда оглядываюсь и назадъ, не съ тѣмъ, однакожь, чтобъ бѣжать, но чтобъ напасть,» — тѣснимый подъ Требією Французами, прислалъ къ нему за повелѣніемъ: «куда отступать?» — «Въ Пиаченцу» — отвѣчалъ Суворовъ, приказавъ, такимъ образомъ, разбить непріателя и обратитъ его въ бѣгство (*).

«Непріатель думаетъ, что ты за сто, за дельсти версты — говорилъ Генералиссимусъ — «а ты, удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріатель поестъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля, а ты изъ за горъ крутыхъ, изъ за льсовъ дремучихъ налети на него, какъ съльзъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не дай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза большіе, одинъ за десятирыхъ покажется. Будь прозорливъ, остороженъ, имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ, поровняйся, обгони — слава тебѣ! Я выбралъ Кесаря. Альпійскія горы за нами — Богъ передъ нами: ура! Орлы Рускіе облетѣли орловъ Римскихъ!»

(*) Суворовъ называлъ Меласа: *Папа Меласъ, Haute Excellence.*

Все Русское было близко къ сердцу Суворова; любя родину, онъ часто повторялъ: «*Горжусь, что я Россіянинъ!*» — Подражавшихъ Французамъ въ выговоръ и ухваткахъ спрашивалъ: «*Давно ли изволили получить письма изъ Парижа отъ родныхъ?*» Итальянскія простонародныя пѣсни чрезвычайно нравились ему, сходствуя нѣсколько съ Рускими, особливо когда Итальянецъ поетъ вдали, въ чистомъ полѣ. Онъ переписывался съ Державинымъ и Костровымъ: первый воспѣлъ его знаменитые подвиги въ безсмертныхъ стихахъ; Костровъ посвятилъ ему переводъ свой *Oссiana*. Книга эта была любимымъ его чтеніемъ (*); онъ бралъ ее во всѣхъ походахъ. «*Oссіанъ, мой сопутникъ, — говорилъ Суворовъ — меня воспламеняетъ; я вижу Фингала, въ туманѣ, на высокой скалѣ свдѣшаго, слышу слова его: «Оскаръ, одолъвай силу въ оружіи; щади слабую руку. «Честь и слава пѣвцамъ! Они мужаютъ насъ и дѣлаютъ творцами общихъ благъ.»* — Но съ умомъ образованнымъ, съ начитанностію, Суворовъ имѣлъ предрасудки: не терпѣлъ, чтобъ за столомъ его брали соль ножомъ изъ солонки; двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпывать себѣ на скатерть соли сколько ему угодно и тому подобное.

Екатерина Великая, желая вывести Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, присоветовала ему подслушать ихъ разговоръ изъ со-

(*) И Наполеонъ любилъ читать *Oссiana*, котораго перевелъ на Французскій языкъ Бауръ-Лорміанъ.

сидней комнаты. Удивленный необыкновенным остроумиемъ и глубокимъ мыслиемъ Рымшикскаго, Князь Таврическій упрекнулъ его зачѣмъ онъ съ нимъ не бесѣдуетъ такимъ образомъ. — «*Съ Царяки у меня другой языкъ*» — отвѣчалъ Суворовъ. Проказничая въ обществахъ и передъ войскомъ, онъ въ кабинетахъ диктовалъ диспозиціи къ сраженіямъ, вѣдывалъ въ умъ своемъ силы непріятельскія, назначалъ позиціи полкамъ, предписывалъ имъ новыя дѣйствія, чертилъ самъ планы или поправлялъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генералъ-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердились, но изумлялись и благодарили его.

Упомянувъ о корыстолюбіи Массены, Суворовъ присовокуплялъ: «*Не помянется въ тѣсномъ гробѣ его заграбленные имъ и кровію обогранные милліоны!*» — О Моро отзывался: «*Онъ меня, съдаго старика, нѣсколько поминаетъ; но я его больше. Горжусь, что имѣю дѣло съ славымъ человекомъ!*» — Румянцова называлъ своимъ учителемъ; Петра Великаго первымъ Полководцемъ своего вѣка. «*Миліе мое о Государя — прибавлялъ онъ — и Графъ Петръ Александровичъ (*) удостоилъ одобрить.*»

Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, Суворовъ сказалъ окружавшимъ его: «*Хотите ли меня знать? Я самъ себя раскрою: меня хвалили Цари, любили воины, друзья мои удивлялись, ненавистники меня поносили, при Дворѣ надо мною смѣялись. Я бывалъ*

(*) Румянцовъ—Задубайскій.

«при Дворе; но не придворный, а Эпопист, Лафонтенюль: шутками и зырымым языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом и благодетельствовал Россіи, кричался я и корчился. Я пилъ пшуткамъ, пробу-ждалъ сонливыхъ, утомлялъ буйныхъ образомъ Оточе-ства. Если бы я былъ Кесарь, то старался бы илтъ еса благородную гордость души его; но всегда чу-ждался бы его пороковъ (*).» — Въ другое время, когда живевисецъ Миллеръ явился къ нему въ Пра-гу (1799 г.) отъ Курфюрста Саксонскаго, Суворовъ приивтъствовалъ художника: «Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; оны видны; но скутреннее чело-вечество мое сокрыто. И такъ скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я принимаю кровь ручьями. Содрогаюсь. Но любви моего ближнего, со всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного при-говора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насильное не познбло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (туть вскочалъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастья уповалъ на Бога и былъ непоко-лебимъ (свѣз на стулъ), какъ и теперь (**).» — Оны умолокъ и сидѣлъ неподвижно. Восхищенный Мил-леръ написалъ прекрасный портретъ, хранящійся въ Дрезденскомъ Музеумъ.

«Суворовъ — передалъ намъ Генералъ Дерфель-денъ, тридцатипятилѣтній спутникъ его — «пробь-

(*) См. *Анекдоты Князя Италійскаго*, издан. Фуксомъ, стр. 80.

(**) См. *Собраніе разныхъ сочиненій Фукса*, стр. 136.

«жалъ обширное поле Исторіи всѣхъ вѣковъ; со вниманіемъ читалъ, слушалъ біографіи великихъ мужей; хвалилъ примѣры ихъ величія; но для своей славы проложилъ новую, дотогѣ неизвѣстную тропу. Не имѣя сановитости и дара слова Румянцева, милліоновъ Потемкина и одаренный отъ природы не видимою наружностію, онъ началъ играть ролю, ни отъ кого не замѣтованную, а самимъ имъ для себя сотворенную и выдержалъ ее во всѣхъ превратностяхъ долговременной жизни: былъ героемъ и казался чудакомъ.»

Графъ Сегюръ справедливо замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ* (*): что Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ.

Потемкинъ говорилъ объ немъ: «Суворова никто не пересуоритъ.»

Моро отзывался о Суворовѣ: «что никто лучше его не умѣлъ одушевлять войскъ, не соединялъ въ высшей степени качества военачальника; что главные его подвиги въ Италіи: сраженія при Новби и при Требиѣ, особенно маршъ на Требию, который есть совершенство въ военномъ искусствѣ (**).»

Въ числѣ почитателей Князя Италійскаго находился безсмертный Нельсонъ, который писалъ къ нему:

(*) Т. 3, р. 57.

(**) См. *Записки о походѣ 1813 года*, соч. Сенатора Михайловскаго—Даннаевскаго, втор. изд. стр. 296.

«Нѣтъ въ Европѣ челоѵька, любящаго васъ такъ какъ
«я не за одни великіе подѵиги, но и за презрѣніе къ
«богатству. Горжусь тѣмъ, что по увѣренію издав-
«шаго васъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, имѣю
«сходство съ вами ростомъ, видомъ и ухватками.»

Князь Александръ Васильевичъ былъ женатъ на
дочери Генералъ - Аншефа Князя Ивана Андреевича
Прозоровскаго, Княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, отъ ко-
торой имѣлъ дочь, Княжну Наталью Александровну,
вышедшую за Оберъ-Шталмейстера Графа Николая
Александровича Зубова и сына, Князя Аркадія Але-
ксандровича: онъ подавалъ большія надежды, но
преждевременно лишился жизни въ волнахъ *Рым-*
ника.

30-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ

САЛТЫКОВЪ.

—

Князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, сынъ Генералъ-Аншефа Ивана Алексеевича, внучатнаго племянника Императрицы Анны Иоанновны, которой родительница, Царица Параскевія Феодоровна, была изъ дома Салтыковыхъ — родился 31 Октября 1736 года. Не смотря на знатное свое происхожденіе, онъ вступилъ въ службу рядовымъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ то самое время, какъ Императрица Елисавета отправила (въ 1747 г.) тридцатисемитысячный корпусъ на Рейнъ въ пособіе Маріи Терезіи, чрезъ что содѣйствовала къ заключенію Ахенскаго мира. Салтыковъ находился въ этомъ корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ подъ главнымъ начальствомъ Генералъ - Фельдцейхмейстера Князя

Prince de Saltykov

Принцъ Николай Ивановичъ

САЛТЫКОВЪ.

Литогр. М. Ткачевъ

Василія Аникитича Решина. Потомъ участвовалъ онъ въ побѣдахъ Россіянъ въ Пруссіи; былъ присланъ въ С. Петербургъ съ донесеніемъ Главнокомандовавшаго о знаменитой битвѣ Франкфуртской, одержанной, 1 Августа 1759 года, надъ Фридрихомъ Великимъ; произведенъ въ Полковники; сражался, подъ знаменами Румянцева, при взятіи Колберга въ 1761 году; пожалованъ въ Генераль-Маіоры Императоромъ Петромъ III, и, вслѣдъ за тѣмъ, съ 1763 по 1768 годъ предводительствовалъ попеременно Россійскимъ войскомъ въ Польшу, гдѣ приобрѣлъ общую къ себѣ любовь и уваженіе; содѣйствовалъ взятію Хотина Княземъ Голицынымъ 10 Сентября 1769 года; но принужденъ былъ оставить армию въ слѣдующемъ году, по причинѣ разстроеннаго здоровья.

Императрица Екатерина II удостоила особенныхъ наградъ толь дѣятельную службу: пожаловала Николаю Ивановичу въ 1766 году орденъ Св. Анны; въ 1768 чинъ Генераль-Поручика; въ 1769 орденъ Св. Александра Невскаго. Отправясь въ чужіе края, былъ онъ на Пирмонтскихъ и Ахенскихъ водахъ, провелъ нѣкоторое время при Дворѣ Фридриха II и одну зиму въ Парижѣ. Путешествіе его продолжалось три года, но не уменьшило къ нему благоволенія Императрицы, которая произвела Николая Ивановича, въ 1773 году, Генераль-Аншефомъ и Вице-Президентомъ Военной Коллегіи; повелѣла ему находиться при Наслѣдникѣ Престола, вмѣсто Графа Никиты Ивановича Панина, управлявшаго тогда Департаментомъ Иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ почет-

номъ званіи сонутствовалъ онъ Великому Князю въ Берлинѣ, 1776 года, во время обрученія его съ племянницею Короля Прусскаго, Принцессою Виртенбергъ-Штутгардскою, бывшею потомъ Императрицею Марію Феодоровною; находился при Павлѣ Петровичѣ, когда онъ путешествовалъ въ чужихъ краяхъ подъ именемъ *Спернаго Графа* — и оставилъ его, въ 1783 году, для того только, чтобы совершенно посвятить себя воспитанію двухъ Великихъ Князей: Александра Павловича и Константина Павловича.

Важное порученіе Монархини, руководимой мудростію и нежною любовью ко Внукамъ — служить лучшимъ свидѣтельствомъ достоинствъ и добродѣтели Николая Ивановича, пріобрѣтшихъ ему толь лестное довѣріе. Нельзя равнодушно читать письма, которыми удостоилъ его въ то время Наслѣдникъ Престола. Мѣсто Салтыкова заступилъ Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. — «Я его не знаю никакъ — писалъ Великій Князь Павелъ Петровичъ — а слышалъ всегда, какъ о честномъ человѣкѣ. Признаюсь, что мнѣ разставаться съ тобою трудно, въ чемъ хотя и утѣшенъ былъ отъ зывомъ, что сіе не разлука, и что ты всегда въ сношеніи съ нами останешься; но не меньше дружкой, а не ты у насъ.» — Далѣе: «Дружба моя заставила меня тебѣ о семъ писать; теперь узналъ я, что тебя прямо люблю: ибо первая двѣ о семъ «эжепликаціи (съ Императрицею), да и дни не безъ слезъ прошли. Ты мнѣ позволишь о себѣ сожалѣть» — и проч. Государыня продолжала, между тѣмъ, отличать заслуги Николая Ивановича: возложила на него,

24 Ноября 1782 г., орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, произвела потомъ Генералъ-Адъютантомъ, Подполковникомъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Сенаторомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и повелѣла, въ 1788 году, управлять Военнымъ Департаментомъ. При заключеніи мира съ Швеціею, 1790 года, Николай Ивановичъ получилъ Графское достоинство, а по случаю примиренія съ Портою Оттоманскою, 1791 г., пять тысячъ крестьянъ въ новопріобрѣтенной Польшѣ. Сверхъ сего, за воспитаніе Великихъ Князей пожаловано ему: сто тысячъ рублей единовременно, двадцать пять тысячъ годоваго пенсіона, домъ въ С. Петербургѣ и серебряный сервизъ.

Вступивъ на Престолъ, Императоръ Павелъ I-й возвелъ Графа Салтыкова, 8 Ноября 1796 года, въ почетное достоинство Генералъ-Фельдмаршала; повелѣлъ быть Президентомъ Военной Коллегіи; Поручикомъ и Гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (въ 1799 году); наконецъ Старшиною Греческаго Пріорства. Не менѣе Графъ Николай Ивановичъ облагодѣтельствованъ былъ Императоромъ Александромъ, который: въ день коронованія пожаловалъ ему Свой портретъ, алмазами украшенный; въ первую войну съ Наполеономъ, ввѣрилъ управленіе Комитета, учрежденнаго (въ 1806 г.) земскаго войска; въ достопамятный 1812 годъ наименовалъ его Предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Гг. Министровъ. Въ этомъ званіи оставался онъ четыре года, до возвращенія въ С. Петербургъ Государя Императора; возведенъ 30 Ав-

густа 1814 года, въ почетное достоинство Россійскаго Князя; Высочайшимъ Приказомъ, даннымъ тогожъ числа, вѣлно находится при немъ Офицерскому караулу. Кроме всѣхъ Россійскихъ орденовъ, имѣлъ онъ (исключая Св. Георгія, учрежденнаго по оставленіи Салтыковымъ военной службы): Польскій Бѣлаго Орла и Французскіе: Кармелитской Богородицы и Св. Лазаря.

Въ концѣ 1815 года у Князя Салтыкова открылась водяная болѣзнь, къ которой присоединился потомъ антоновъ огонь въ ногахъ. Сильныя страданія не поколебали твердости духа маститаго старца, посѣдившаго въ подвигахъ добродѣтели. Вѣра сопутствовала ему въ другую жизнь: онъ успокоивалъ родныхъ своихъ и приближенныхъ и за нѣсколько минутъ до кончины, благословялъ воспитанника, друга, Монарха своего, который неоднократно посѣщалъ страдальца. Не въ состояніи будучи изъяснить чувствъ сердечныхъ, умиравшій вѣроподданный прижалъ руку Цареву къ едва бьющемуся сердцу и возведя взоръ свой къ Небу — казался, испрашивалъ Ему благость Всевышняго. 16 Мая 1816 года, кончилъ онъ многотрудное поприще свое, на восьмидесятомъ году жизни, и на шестьдесятъ восьмомъ служеніи Отечеству.

Не смотря на высокій санъ свой, Князь Николай Ивановичъ былъ доступенъ для всякаго, привѣтливъ въ обхожденіи, снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ, и будучи истинный цѣнитель достоинствъ, не оскорблялъ никого недоверчивостію безъ основательной причины. Дѣлать добро — было

священнымъ для него закономъ и удовольствіемъ; наказывать — огорченіемъ. Никогда бѣдный, требовавшій помощи, не выходилъ изъ его дома, безъ пособія. Съ веселымъ, кроткимъ нравомъ, умѣя онъ скрывать скорбь свою въ глубинѣ сердца, чтобы видомъ даже не огорчать людей, къ нему приверженныхъ. Когда въ 1812 году, 7 Сентября, пришли объявить ему кончину супруги его, съ которою онъ жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи, почти безразлично: нашли истиннаго Христіанина стоявшаго на колынахъ предъ образомъ Спасителя. «Боже! — взывалъ онъ тогда къ Всевышнему: — «Ты соединилъ насъ на земли, не «разлучи и на небесахъ, и какой ударъ ни пошлешь «на меня — вѣра моя къ Тебѣ не ослабнетъ.» — Озаренный чистѣйшимъ ученіемъ, онъ не приступалъ къ ежедневнымъ занятіямъ, не призывавъ на помощь Всевышняго, и вставая очень рано, посвящая молитвѣ болѣе часа; но и въ эту минуту, когда всѣмъ сердцемъ и душою предавался онъ Богу, всякій, имѣющій до него нужду, могъ прерывать его занятія — и почтенный старецъ, исполнивъ долгъ человеколюбія, обращался снова къ молитвѣ (*).

(*) Извлечено изъ *Записокъ о жизни Князя Н. И. Салтыкова*, издан. въ 1818 году Павломъ Петровичемъ Салтыковымъ, въ С. Петербургѣ, на 122 страницахъ.

31-й

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬ

КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

РЕПНИНЪ.

=

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, сынъ Генераль-Фельдцейхмейстера Князя Василя Аникитича (*) и внукъ Генераль-Фельдмаршала Князя Аникиты Ивановича, родился 11 Марта 1734 года; получилъ первоначальное образование въ домъ родительскомъ подъ особеннымъ надзоромъ и попечениемъ матери своей; въ службу записанъ солдатомъ,

(*) Князь Василій Аникитичъ Репнинъ, ученикъ знаменитаго Принца Евгенія (которому былъ рекомендованъ Петромъ Великимъ), служилъ волонтеромъ при завоеваніи Цесарцави Бялграда (1717 г.); сражался подъ знаменами Фельдмаршала Графа Миниха (съ 1736 — 1739 г.); награжденъ: чинами, Генераль - Маіора

Князь Николай Васильевич

РОСТОПЧИНЪ.

Литог. Тюлева.

1745 года, лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ и на пятнадцатомъ году отъ рожденія участвовалъ уже въ славномъ походѣ отца своего на Рейнъ, будучи Сержантомъ. Тогда понесъ онъ чувствительную потерю, оставшись сиротою, вдали отъ родины; но Императрица Елисавета Петровна поручила Канцлеру Графу Бестужеву-Рюмину снабдить его въ своемъ покровительствѣ и, въ ознаменованіе онаго,

(1737); Генераль-Лейтенанта (1740); орденомъ Св. Александра Невскаго (1741 г.) пожалованъ Генераль-Аншефомъ (1744 г.) за разграниченіе земель въ Финляндіи и Карелии; возведенъ въ достоинство Генераль-Фельдцейхмейстера съ званіями Генераль-Адъютанта и Шефа сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса (1745 г.); вступилъ (1748 г.) въ Франконию съ тридцати-семи-тысячнымъ корпусомъ, не смотря на сдѣланное ему предложеніе Версальскимъ Кабинетомъ ста тысячъ ефимковъ за меденный походъ; былъ главнымъ виновникомъ постановленнаго въ Ахенъ мирнаго договора Французскими, Англійскими и Голландскими Министрами; скончался отъ апоплексическаго удара, въ лагерь при Кулмбахъ, 21 Іюля 1748 г. и погребенъ подлѣ отца въ Рижской крѣпостной церкви. Министръ отдастъ справедливость уму, храбрости его, хорошему поведенію и говорить: что онъ обѣщалъ занять мѣсто между первыми Генералами, пользовался общемою любовію. — Князь Василій Аникитичъ зналъ многіе иностранныя языки, въ особенности былъ свѣдущъ по части инженерной и фортификаціи, имѣлъ нравъ вспыльчивый; но отличался строгою справедливостію.

произвела Князь Репнинъ. Прпорщикомъ, 11 Юля 1749 года. Съ того времени юный воинъ, подававшій большія надежды, посетилъ себя снова наукамъ, безъ которыхъ природныя дарованія и умъ ничего не могутъ произвести великаго. Военное ремесло служило ему наградою, отдохновеніемъ отъ трудовъ: въ 1751 году былъ онъ Подпоручикомъ гвардіи, въ 1753 Полковымъ Адъютантомъ. Вскорѣ Россія объявила войну Пруссіи и Князь Репнинъ получалъ отъ Государыни позволеніе находиться волонтеромъ въ арміи Генералъ-Фельдмаршала Апраксина. Онъ явилъ опыты своей храбрости въ сраженіи при Гроссъ-Эгерсдорфъ (1757 г.); при занятіи Кенигсборга, Мариенвердера, во время осады Кистрина Генералъ-Аншефомъ Ферморомъ (1758 г.); награжденъ чиномъ Капитана гвардіи. Въ слѣдующемъ 1759 году, посланъ въ Французскую армію и находился на Минденскомъ сраженіи, подъ начальствомъ Маршала Контада; возвратясь въ С. Петербургъ (1760 г.), перешелъ изъ гвардіи въ армейскій полкъ Полковникомъ: участвовалъ въ занятіи Берлина; служилъ съ полкомъ своимъ въ корпусъ Графа Чернышева, присоединенномъ къ Австрійской арміи (1761 г.); награжденъ чиномъ Генералъ-Маіора, 2 Апрѣля 1762 года, имѣя отъ роду двадцать восемь лѣтъ.

Императрица Екатерина II, вступивъ на Престолъ, возложила на Князя Николая Васильевича орденъ Св. Анны и отправила его Полномочнымъ Министромъ къ Фридриху Великому (1762 г.). Лестное назначеніе это сблизило Репнина съ пер-

вымъ Полководцемъ того времени, доставивъ ему возможность наблюдать его воинскія распоряженія при Рейхенбахъ и Швейдницъ. Такимъ образомъ онъ обозрѣлъ въ теченіи трехъ лѣтъ три арміи главныхъ Европейскихъ Дворовъ; узналъ совершенства ихъ, недостатки, и наблюденія свои приравнялъ къ пользамъ любезнаго Отечества. Досель служба его была какъ-бы продолженіемъ наукъ: въ 1763 г., онъ опредѣленъ къ исправленію должности Директора Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса; Ноября 11 назначенъ Полномочнымъ Министромъ въ Польшу, съ ежегоднымъ жалованьемъ по двадцати тысячъ рублей.

Тогда скончался Августъ III, на 67 г. отъ рожденія, послѣ тридцатилѣтняго государствованія. Главною цѣлюю посольства Князя Репнина было избраніе въ Короли Стольника Литовскаго Графа Станислава Понятовскаго: въ этомъ важномъ порученіи Екатерина II болѣе полагалась на него, нежели на своего Посла въ Варшаву, Графа Кейзерлинга, и не обманулась. Усилія Франціи возмутить противъ Россіи разгоряченные тогда умы Поляковъ, остались тщетными: для подкрѣпленія Диссидентовъ, Князь Репнинъ арестовалъ вельможъ, явно сокрутившихся намъреніемъ Государыни: Епископа Краковскаго Каіетана Солтыка, Графа Ржевускаго, Епископа Кіевскаго, и отправилъ ихъ въ Россію. Князь Радзивилъ и Маршалъ Браницкій спаслись бѣгствомъ. 7 Сентября 1764 года Понятовскій возведенъ единогласно на Польскій престолъ, а 25 Ноября коронованъ въ Варшаву. Въ это время скончался Графъ

Кейзерлингъ, и званіе Полномочнаго Посла передано Князю Репнину, который получивъ отъ новаго Короля ордена Бѣлаго Орла и Св. Станислава, имъ учрежденный (1765 г.). Въ шестилѣтнее пребываніе въ Варшавѣ, Князь Николай Васильевичъ твердою рукой управлялъ кормиломъ Государства Польскаго, дѣйствуя именемъ Екатерины, достойно имъ представляемой. Понятовскій, слабый, малодушный, носилъ одно только наименованіе Короля: Князь Репнинъ, — предприимчивый и дальновидный, защищая Диссидентовъ, соединилъ (1767 г.) двѣ конфедераціи Польскую и Литовскую въ одну генеральную, и заставилъ оную отправить въ С. Петербургъ Чрезвычайныхъ Посланниковъ Графовъ Поцея, Вельгорскаго, Потоцкаго и Оссолинскаго, съ изъявленіемъ Императрицы благодарности народа Польскаго и Литовскаго за оказываемое покровительство. Между тѣмъ онъ занялся прекращеніемъ возникшихъ междоусобій въ Королевствѣ и изъ сконфедерованной республики Польской настоялъ, чтобы избраны были семьдесятъ Поляковъ въ особую Коммисію, съ которыми совѣщалъ о доставленіи спокойствія Диссидентамъ. Слѣдствіемъ сего былъ договоръ, постановленный имъ въ Варшавѣ, 13 Февраля 1768 года, между Россійскимъ и Польскимъ Дворами, въ IX статьяхъ, съ двумя сепаратными актами: I) подтвержденъ трактатъ, заключенный въ Москвѣ 1686 года. II) Обѣ Державы согласились гарантировать взаимно цѣлость и сохранность тогдашнихъ ихъ владѣній въ Европѣ. III) Король и Рѣчь Посполитая обязались обезпечить на вѣчныя времена особливимъ

сепаратнымъ актомъ вольное исповѣданіе Вѣры Греческой Восточной несоединенной и Диссидентовъ Евангелическаго исповѣданія. IV) Постановлено навсегда означить во второмъ *сепаратномъ актѣ* предметы и части правленія. V) Императрица торжественно гарантировала конституцію Рѣчи Посполитой, форму правленія, вольность и законы. VI) Договоры Карловицкій, Оливскій и другіе, заключенные съ прочими Державами, оставлены во всей силѣ. VII) На отвѣтственность пограничныхъ полномочныхъ Судовъ возложена обязанность скоро и безпристрастно разбирать возникающую распрю между подданными обвѣхъ договаривающихся сторонъ, съ сохраненіемъ чрезъ то порядка и тишины. VIII) Утверждена свободная торговля, безъ отягощенія излишними налогами. IX) Ратификовать трактатъ въ Варшавѣ черезъ два мѣсяца. — Первымъ *сепаратнымъ актомъ* Рѣчь Посполитая Польская, уважая приемлемое участіе Дворами Россійскимъ, Англійскимъ, Прусскимъ, Шведскимъ и Датскимъ, постановила пять статей, которыми возвращены и обезпечены всѣ церковныя и гражданскія права Неунитовъ и Диссидентовъ. *Второй* заключалъ въ себѣ *права кардинальныя* и ограничивалъ власть первыхъ чиновъ Республики. Между прочимъ узаконено: чтобы дворянинъ за умышленное убійство крестьянина подвергался впредь казни, а не денежному взысканію.

Рѣшительныя мѣры возстановили противъ Князя Репнина Магнатовъ и Духовенство Польское. Версальскій Кабинетъ, завидуя могуществу нашему, убѣдилъ Порту Оттоманскую объявить войну Россіи,

и Князь Николай Васильевичъ, награжденный Императрицею орденомъ Св. Александра Невского и чиномъ Генераль-Поручика (1768 г.), какъ опытный Полководецъ, былъ отозванъ въ С. Петербургъ. Онъ поступилъ въ первую армию, предводимую Княземъ Голицынымъ (1769 г.); участвовалъ въ блокадѣ и занятіи Хотанской крѣпости; командовалъ (1770 г.) отдельнымъ корпусомъ въ Молдавіи и Валахїи: воспрепятствовалъ, въ Іюнь мѣсяцъ, двенадцати тысячамъ Турокъ и двадцати тысячамъ Татаръ переправиться черезъ Прутъ, преследовалъ ихъ шесть верстъ; сражался, водъ знаменами Румянцева на битвахъ Ларгской и Кагульской; овладѣлъ, 26 Іюля, Измаиломъ, который сдался ему на условїяхъ съ двадцатью пушками; преследовалъ двенадцатитысячное Турецкое войско, оставившее эту крѣпость при его приближеніи; положилъ на мѣсть семьсотъ человекъ; двинулся къ крѣпости Кишин, снабдивъ Измаилъ достаточнымъ гарнизономъ. 9 Августа, Турки, примѣтивъ наше войско, зажгли предместье въ четырехъ мѣстахъ; не смотря на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ оное и, среди огня и пепла, обозрѣлъ положеніе крѣпости, назначилъ мѣсто первой батареи отъ гласиса въ восьмидесяти саженьяхъ; оттуда, открывъ траншею, велѣлъ вести оную на лѣвую сторону, а Бригадиру Барону Игельструму заложить главную батарею противъ воротъ. Непріятель между тѣмъ тремя вылазками старался воспрепятствовать производимымъ работамъ; но принужденъ былъ удалиться. Тогда Князь Репнинъ отправилъ съ однимъ плѣннымъ слѣдую-

щее воззваніе въ крѣпость. «Я Императорское Величество, моя Всемилостивѣйшая Государыня, по природному своему великодушію и чело­вѣколюбію, повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно, отъ напраснаго пролитія кровь чело­вѣческую. Покоритесь побѣдоносному оружію премудрой моей Монархини. Я обещаю оставить вамъ жизнь, дать свободу и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются разить побѣжденныхъ; свобода, чтобъ вы пронесли въ мѣста, вами обитаемыя, славу щедротъ и великодушія Россійской Императрицы; а имѣніе, дабы разумѣли, что Россійскіе герои корысть презираютъ. Знайте, что Россія умѣетъ побѣждать; но вездѣ, гдѣ только чело­вѣчество склоняетъ къ жалости, спадитъ и прощаетъ. Впрочемъ, если вы даль­ше будете сопротивляться: то завтра по утру открою я начало той казни, которая докажетъ вамъ, сколь трудно раздражать побѣдителей, у кон­хъ должно вамъ искать пощады.»—Воззваніе это не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Россіане подъ картечными выстрѣлами кончили главную батарею и на другой день по утру открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудіѣ, четыре часа продолжавшійся. Раздался воякъ между осажденными. Князь Реннинъ, всегда великодушный, отправилъ къ нимъ другое воззваніе: убѣждалъ ихъ искать пощады, свободы и всего предложеннаго, если не желаютъ подвергнуться ярости героевъ, многократно наносившихъ уже имъ пораженіе. Османъ Паша, командовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое

сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ; непріятель умолялъ продлить оный еще до разсвѣта; Репнинъ уважилъ эту просьбу и, 18 Августа, Килія покорилась Императрицѣ. 21 числа поднесены ключи Россійскому Полководцу; пять тысячъ жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Жиды съ хлѣбомъ. Въ крѣпости найдено: четыре мортиры, шестьдесятъ четыре пушки, восемь тысячъ ядръ, до четырехъ сотъ бочекъ пороха и множество състныхъ припасовъ. Узнавъ, что Турки претерпѣваютъ недостатокъ въ скотѣ, Князь Репнинъ отправилъ къ нимъ сто барановъ; приказалъ двумъ лекарямъ перевязать раны Музульманъ, находившихся въ крѣпости; переправилъ черезъ Дунай четырехъ-тысячный гарнизонъ, положившій оружіе, дозволивъ оному вѣсть имущество. Многіе Оттомане, пораженные столь удивительнымъ человеколюбіемъ, пали передъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности, и поклялись не сражаться болѣе съ Россіянами. Императрица наградила Князя Николая Васильевича военнымъ орденомъ Св. Георгія второго класса.

Въ 1771 году поручена Князю Репнину команда надъ всеми войсками въ Валахіи. Онъ пріѣхалъ въ Бухарестъ, оттуда отправился въ Журжу, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Россійскимъ гарнизономъ; рекогносцировалъ Турну, построенную на крутой горѣ подъ Никопольскими пушками, и получилъ въ то время донесеніе, что непріятель, переправясь черезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Князь

Репнинъ оставилъ тогда Генераль-Маіора Потемкина (*) подъ Турною, а самъ поспѣшилъ форсированными маршами къ осажденнымъ. Въ семи верстахъ отъ Журжи узналъ онъ, что Комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость на капитуляцію. Отрядъ, сопровождавшій Князя Репнина, состоялъ только изъ трехъ сотъ человекъ: онъ принужденъ былъ удалиться къ Букаресту отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, выхавшей къ нему на встрѣчу; расположился подъ Вакарештскимъ монастыремъ. Ободренный полученнымъ успѣхомъ, непріятель показался, 10 Іюня, въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паша Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи: Князь Репнинъ предупредилъ его атакою, обратилъ въ бѣгство, за двадцать верстъ, къ рѣкѣ Аргису, положилъ на мѣстѣ пятьсотъ человекъ, отбилъ одну пушку и пять знаменъ. — Между тѣмъ Румянцовъ поставилъ ему въ вину потерю Журжи: обиженный несправедливостію Полководецъ испросилъ увольненіе въ чужіе края, гдѣ пробылъ до 1774 года. Онъ находился потомъ при obleжаніи Силистріи, когда победы Задунайскаго заставили Турцію просить мира у Россіи, и не отказался быть производителемъ этого важнаго дѣла, забывъ для пользы Имперіи прошедшее: 10 Іюля (1774 г.) подписанъ имъ и Турецкими полномочными Ресми Ахметъ Эфендіемъ и Ибрагимъ Мюнибъ Рейсъ-Эфендіемъ славный договоръ

(*) Въ послѣдствіи, Князя Таврическаго.

въѣхалъ на дворъ; сопровождавшіе его Турки вошли на оный пѣшіе. 7 Октября, Князь Репнинъ извѣстилъ пребывавшихъ въ Константинополь Пословъ иностранныхъ о своемъ пріѣздѣ черезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ черезъ офицеровъ (*). Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравительнымъ привѣтствіемъ и, вследъ за ними, сами посетили его; а послѣ обѣда въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной (**), супруги Французскаго и Венеціанскаго Пословъ, также Прусскаго Посланника и провели у нея вечеръ. 8 Октября, Посоль, въ сопровожденіи свиты своей, отдалъ визиты передъ полуднемъ Посламъ, послѣ обѣда Посланникамъ.

По предварительному соглашенію съ Портою, Князь Репнинъ былъ, 28 Ноября, у Вазира. Онъ подѣхалъ къ самому крыльцу, гдѣ встрѣченъ переводчикомъ Перты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ Еминіемъ и Чаушляръ Кіятбіемъ предшествовали ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на

(*) Послы были: Французскій Маркизь де Сентъ-Пріестъ; Венеціанскій Кавалеръ Градениго и Голландскій Г. Вейлеръ; Римско-Императорскій Интерпретъ Г. Тугуть; Посланникъ: Прусскій Г. Зегельнъ, вызвавшій къ Князю Репнину на встрѣчу 3 Октября, и Шведскій Г. Цельсингъ.

(**) Князь Николай Васильевичъ былъ женою на родной теткѣ нашего Чрезвычайнаго Посла въ Парижъ, при Наполеонѣ, Князя Александра Борисовича Куракина, Княгиня Наталья Александровна Куракина.

крыльце Тесриаджи, или первый церемониймейстеръ. Вступя въ залу, Посолъ немного пріостановился, не видя Визиря, который однакожь тотчасъ вошелъ въ оную. Когда они приблизились другъ къ другу, то сдѣлали взаимный поклонъ и пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Императрицы; онъ принялъ ее стоя и положилъ на подушку воалъ себя. Тогда Посолъ и Визирь сѣли въ одно время, послѣдній на софу, первый противъ него на креслахъ. Визирь приветствовалъ Посла, навѣдываясь о состояніи его здоровья. Исполнивъ съ обѣихъ сторонъ обыкновенныя учтивости, Князь Репнинъ, въ произнесенной рѣчи, объявилъ Визирю причину своего Посольства; удостоверилъ: «что Императрица желаетъ твердо и «ненарушимо содержать блаженный миръ, заключенный между обѣими Имперіями, и возобновленную «дружбу; не сомнѣвается въ похвальныхъ и миро-«любивыхъ его чувствованіяхъ» — и въ заключеніе просилъ исходатайствовать ему скорѣе аудіенцію у Султана. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь. Визирь отвѣчалъ: «что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложить къ достиженію этой цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ сторонъ.» — Послѣ сего поднесли Визирю и Послу конфеты, кофе, шербетъ, розовую воду и куренье, чѣмъ угощали и чиновниковъ свиты Посольской, исключая умыванья и куренья; пода-

ли Послу соболью шубу съ парчевымъ верхомъ, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ кресель; надѣли шубы на Повѣреннаго въ дѣлахъ, Г. Петерсона, на Маршала Посольства, Г. Булгакова, и на двухъ Секретарей лапчатая собольи, покрытыя сукномъ и опушенныя пластинчатымъ собольимъ же мѣхомъ; на десять Кавалеровъ Посольства горностаевыя, покрытыя камлотомъ; свить Посольской роздано сто кафтановъ.

29 Ноября, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю съ Маршаломъ Посольства, къ его Кегатъ и къ Рейс-Эфендію съ Секретарями. 30 числа отнесены подарки въ Сераль къ Султану. Посольство имѣло у него аудіенцію 1 Декабря: добравъ до вторыхъ воротъ Серала, онъ слѣзъ съ лошади у праваго рундука и встрѣченъ тутъ Переводчикомъ Порты. Въмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ въ этихъ воротахъ до приглашенія его въ Диванъ, какъ обыкновенно дѣлали Послы, Князь Репнинъ введенъ былъ въ комнату, на этотъ случай нарочно убранную софами. Здѣсь Чаушъ-Баши и Переводчикъ Порты угощали его и находились при немъ безотлучно. Вступивъ въ Диванъ въ разныя двери, но въ одно время съ Визиремъ, Посольство слѣзъ на табуретъ, поставленномъ противъ Визирскаго мѣста, и какъ послѣдній медлилъ приглашеніемъ его въ Нисанджинскую лавку, Князь Репнинъ, черезъ Переводчика Порты, объявилъ Визирю: *что онъ самъ туда перейдетъ, если не будетъ тотчасъ приглашенъ.* Воля Посла Россійскаго немедленно исполнена: онъ слѣзъ посреди лавки, на правой сторонѣ Нисанджія.

Начался судъ, полчаса продолжавшійся; по окончаніи оного, Визирь отправилъ Рейсъ-Эендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла. Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Князь Реннинъ; съ Капитаномъ Пашею: Маршалъ, два Секретаря и Дюкъ де Брагансъ, находившійся въ числѣ Кавалеровъ Посольства. Во время обѣда Высочайшая грамота была держана попеременно Дворянами. На половинѣ дороги отъ Дивана до послѣднихъ воротъ Серальскихъ, надѣта на Посла соболья шуба, покрытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя; свитъ роздано сто кафтановъ. Пробывъ въ этомъ мѣстѣ, на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ введенъ потомъ въ тронную двумя Капиджи-Башіями, въ сопровожденіи шестнадцати чиновниковъ, съ нимъ прибывшихъ, и въ предшествованіи Переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, онъ произнесъ рѣчь и поднесъ грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша, вручившій оную Визирю, а послѣдній положилъ ее возлѣ Султана. Драгоманъ Порты перевелъ рѣчь и Султанъ Абдуль Гамидъ сказалъ громкимъ голосомъ нѣсколько словъ Визирю, который отвѣчалъ Послу: «что Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ, Прибъжише Свѣта, повелѣлъ мнѣ извѣстить вамъ, что есть Его Императорская воля, дабы мирный трактатъ, заключенный между его Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда «сохраняемъ и исполняемъ.» — Драгоманъ Порты перевелъ эти слова, и Посолъ, поклонясь Султану,

вышелъ изъ аудіенцъ-камеры со всею свитою. У вторыхъ воротъ дождался онъ снова въ караульной Капиджи-Башіевъ, между тѣмъ какъ мелкіе чины, Янычарь-Ага, Капиджи-Баши и прочіе вывзжали изъ Серая.

28 Января (1776 г.) Посолъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ комнатахъ Султана. Визирь предоставлялъ ему выбрать любое мѣсто: софу или креслы. Посолъ сѣлъ на софу, сказавъ: *что предпочитаете окую, желая быть ближе къ нему.* Они сѣли оба въ одно время. Визирь просилъ Посла располагать у него, какъ бы въ собственномъ своемъ домѣ, приказывать что угодно; желалъ знать, не хочетъ ли онъ полюбоваться играми и забавами, приготовленными для его увеселенія? — Около одиннадцатаго часа, Визирь спросилъ: когда обыкновенно обѣдаетъ Посолъ, чтобы онъ къ тому времени приказалъ приготовить столъ; ибо опредѣля этотъ день на угощеніе столъ пріятнаго гостя, не желаетъ отяготить его никакою переменною въ ежедневныхъ обыкновеніяхъ. — Посолъ отвѣчалъ: *что, чувствуя крайнее удовольствіе быть угощаемымъ столъ почтеннымъ и привѣтливымъ хозяиномъ, отлагаетъ всѣ свои привычки и проситъ его ни въ чемъ не принуждать себя; но опредѣлить время обѣда по собственному желанію.* — Въ половинѣ перваго часа принесенъ къ софѣ столъ, за которымъ, кромѣ ихъ двухъ, обѣдалъ еще Рейсъ-Эендій. Передъ Посломъ положенъ былъ золотой приборъ, осыпанный алмазами; тарелки, ему подаваемые, были также золотыя. Послѣ обѣда онъ выдѣлъ руки свои въ одно время съ Визиремъ: раз-

ныя игры и увеселенія возобновились. Не желая беспокоить хозяина долговременнымъ пребываніемъ и зная, что настала часть, посвящаемый молитвамъ, что Визирь страдалъ подагрой, Посолъ изъяснилъ ему причины, побуждающія его возвратиться въ свой домъ и благодарилъ за оказанныя почести. Визирь отвѣчалъ: *что присутствіе Посла никогда ему въ тягость быть не можетъ и что оно, напротивъ, вылечило его отъ подагры; но при всемъ томъ, опасаясь причинить ему безпокойство, онъ не желаетъ больше удерживать своего гостя.* Тогда принесли Визирю и Послу шербетъ и окуриваніе; надели на Посла соболью шубу, крытую сукномъ, и положили ему въ карманъ три платка, въ которыхъ были завернуты золотыя часы съ алмазами. — Вслѣдъ за тѣмъ угощали Посла обвденными столами Капитанъ Паша, Визирскій Кегай, Янычарь-Ага, Тефтердаръ и, 3 Марта, Рейсъ-Эфендій. На этомъ последнемъ обѣдѣ былъ инкогнито Визирь въ поставленной для него палаткѣ, изъ которой любовался играми, и изъяснилъ Послу сожалѣніе свое: *что церемоніаль препятствовало ему видѣться съ нимъ и дружески бесѣдовать.* — 29 Марта, Посолъ имѣлъ аудиенцію у Султана, 31 числа простился съ Визиремъ, а 13 Апрѣля выѣхалъ изъ Перы.

Возвратясь въ Отечество, Князь Репнинъ не остался безъ дѣла: определенъ Генераль-Губернаторомъ въ Смоленскъ (1777 г.) и, въ слѣдующемъ году, также въ Орелъ, намѣстничество, имъ тогда открытое. Занятія его по гражданской части были прерваны подчиненіемъ ему тридцати-тысячнаго корпу-

са, съ которымъ онъ вступилъ въ Бреславль, 9-го Декабря.

На Тешенскомъ конгрессъ (1779 г.) дипломатическія способности и твердость Князя Репнина склонили Австрійскій Дворъ къ миру; возвращены Баваріи большая часть захваченныхъ у нея земель; удовлетворены понесенные убытки Саксонію, Цвейбрикскимъ Герцогствомъ и другими Нѣмецкими Князьями. Возстановитель тишины въ половинѣ Европы не остался безъ награды: Императрица пожаловала ему орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и три тысячи крестьянъ въ Бѣлоруссію; Іосифъ II прислалъ трость, украшенную брилліантами и серебряный столовый сервизъ; Фридрихъ Великій: орденъ Чернаго Ора, шпагу и портретъ свой, осыпанные брилліантами, Саксонскій сервизъ, двадцать тысячъ ефимковъ на путевыя издержки и десять тысячъ на канцелярію. Монархъ Пруссіи находился въ откровенной перепискѣ съ Княземъ Репнинымъ и признавался ему: что онъ былъ однажды обманутъ Австрійскимъ Министерствомъ; но въ другой разъ не позволить обмануть себя (*).

Въ 1780 году заложены въ Смоленскѣ каменныя строенія для Судебныхъ мѣстъ и, въ проѣздъ Екатерины II черезъ это намѣстничество, Она изъявила Князю Репнину особенное свое удовольствіе и бла-

(*) «On peut être trompé une fois dans sa vie — писалъ Фридрихъ къ Князю Репнину — «mais qui l'est deux fois, est dupe et c'est un titre, que je n'ambitionne pas.»

говоденіе за видѣнное Ею повсюду благое устройство и слѣды точнаго исполненія Ея установленій (*). Онъ командовалъ въ томъ же году наблюдательнымъ корпусомъ въ Уманн, а въ слѣдующемъ пожалованъ Генералъ — Адъютантомъ, Генералъ — Губернаторомъ Псковскимъ, оставался и Смоленскимъ; предводительствовалъ резервнымъ корпусомъ въ Польшѣ (1782 и 1783 г.); получилъ орденъ Св. Владимира первой степени въ день учрежденія онаго (1782 г.); бриліантовые знаки ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ 1784 году. Тогда во второй разъ предпринято имъ путешествіе въ чужіе края, какъ-бы для отдохновенія отъ трудовъ; Императрица оставила при немъ носимыя званія.

Война съ Турціею отвлекла Князя Репнина отъ управляемыхъ имъ губерній: онъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Очакова (1788 г.), являя подчиненнымъ своимъ, въ опасныхъ мѣстахъ, примѣръ неустрашимости; командовалъ Украинскою арміею въ Молдавіи (1789 г.), до прибытія Потемкина; разбилъ, 7 Сентября, на рѣкѣ Сячѣ Сераскира Гассанъ Пашу, бывшаго Капитанъ Пашею; овладѣлъ его лагеремъ, тремя пушками, девятью знаменами и частью обоза; вогналъ въ Измаилъ, заперъ въ этой крѣпости. Къ сожалѣнію, зависть воспрепятствовала храброму Полководцу довершить побѣду надъ Оттоманами: опасаясь, чтобы Репнинъ не получилъ Фельдмаршальскаго жезла за взятіе Измаила, Потемкинъ приказалъ ему отступить за двадцать верстъ. Въ 1790 году

(*) Слова Высочайшаго Рескрипта.

Князь Репнинъ продолжалъ командовать расположенными войсками въ Молдавіи, подъ предводительствомъ Таврическаго, жертвуя оскорбленнымъ самолюбіемъ, собственною славой для того только, чтобы служить Отечеству. Терпѣніе его вознаградилось. Главнокомандовавшій отправился въ С. Петербургъ (1791 г.), вѣрнувъ ему начальство надъ соединенною арміей. — Пользуясь его отсутствіемъ Верховный Визирь Юсуфъ-Паша собиралъ войска при Мачинѣ, намѣревался нанести Россіянамъ чувствительный ударъ, но Князь Репнинъ рѣшился уничтожить покушеніе враговъ нападеніемъ на нихъ. Онъ велѣлъ окружнымъ войскамъ собираться къ Галацу; предписалъ Генераль-Поручику Голеннищеву-Кутузову (*) прибыть туда изъ Изманла съ Бугскимъ егерскимъ корпусомъ и съ пятью стами Донскихъ Козаковъ; поручилъ Генераль-Маіору Рибасу готовить перевозныя суда.

Верховный Визирь имѣлъ разныхъ войскъ Турецкихъ до ста тысячъ; подъ командою его находились пять Пашей, два Бей Анатолійскіе и два Султана Татарскіе. Армія Князя Репнина была въ половину меньше; изъ семидесяти двухъ орудій оставилъ онъ восемь въ резервъ на берегу Дуная, для отраженія непріятельскихъ судовъ. 25 Іюня Генераль-Аншефъ осмотрѣлъ Турецкій лагерь. 28 числа, въ шестомъ часу по утру, Генераль-Поручикъ Князь Голицынъ (**) первый пришелъ съ вѣрннымъ ему вой-

(*) Въ послѣдствіи Князю Смоленскому.

(**) Князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, въ молодыхъ лѣтахъ служилъ подъ знаменами Румянцева; участвовалъ

скомъ къ пункту своей атаки и открылъ канонаду. Въ то-же самое время конница Генераль-Поручика Князя Волконскаго (*), предводимая Генераль-Маю-

во взятіи Очакова Потемкинымъ, на родной племянницѣ котораго былъ женатъ; овладѣлъ Мачинымъ (1791); срылъ тамошнія укрѣпленія; взялъ, въ числѣ плѣнныхъ, трехъ-бунчужнаго Арслана Мегметъ-Пашу; изрубилъ и частію потопилъ Турецкій гарнизонъ, находившійся на полуостровѣ Концефанъ, подъ самыми пушками Брандова; отнялъ у непріятеля семнадцать орудій и нѣсколько знаменъ; истребилъ множество судовъ Турецкихъ; награжденъ за ратные подвиги своимъ орденомъ Св. Георгія второго класса (1791 г.) и Св. Александра Невскаго (1792 г.); получилъ, потомъ, ордена: Св. Владиміра первой степени (1794 г.); Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1802 г.), будучи Генераломъ отъ инфантеріи съ 1801 года; вступилъ въ Галицію (1809 г.), гдѣ скончался 20 Января 1810 г., на 63 отъ рожденія.

- (*) Князь Григорій Семеновичъ Волконскій былъ женатъ на дочери Князя Николая Васильевича, Князя Александра Николаевича, въ послѣдствіи Оберъ-Госмейстеринѣ Высочайшаго Двора, Статсъ и Кавалерственной Дамѣ. Онъ съ отличіемъ служилъ подъ знаменами Румянцева, Суворова и Репнина; былъ, потомъ, пятнадцать лѣтъ Военнымъ Губернаторомъ въ Оренбургѣ (1802—1817 г.); населеніемъ степей, обезопасилъ тотъ край отъ набѣговъ Киргизскихъ; скончался въ 1824 году, на 83 отъ рожденія, будучи Генераломъ отъ кавалеріи, Членомъ Государственнаго Совѣта и кавалеромъ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго

ромъ Рибасомъ (*), ударила на непріятеля, очистила занимаемое онымъ мѣсто и связала сообщеніе съ войсками Князя Голицына, между тѣмъ какъ Князь Волконскій, слѣдовавшій съ своею пѣхотой за конницею, выстроясь въ боевой порядокъ, достигъ так-

(1806 г.), Св. Александра Невскаго (1786 г.), Св. Георгія второго класса (1792 г.) и Св. Анны (1777 г.). Служба его непрерывно продолжалась шестьдесятъ шесть лѣтъ.

(*) Осипъ Михайловичъ Рибасъ родился въ Неаполь, куда переселился изъ Испаніи его дѣдъ. Онъ вступилъ въ нашу службу 1772 года: сначала ему покровительствовалъ Орловъ (Графъ Алексій Григорьевичъ); потомъ Бецкій и Потемкинъ. Въ 1779 году Рибасъ былъ Подполковникомъ и Полицимейстеромъ Кадетскаго Корпуса; въ 1789, будучи Генералъ-Маіоромъ, въ первый разъ обнажилъ мечъ противъ враговъ Россіи: содѣйствовалъ Гудовичу во взятіи приступомъ укрѣпленнаго замка Хаджибея (нынѣ Одессы), при Черномъ морѣ; овладѣлъ двумя Турецкими судами; командуя (1790 г.) гребною флотиліей, захватилъ батареи непріятельскія, прикрывавшія входъ въ Дунай; овладѣлъ Тульчею; командовалъ тремя колоннами десанта во время приступа Измаила (11 Дек.); взялъ въ плѣнъ множество Турокъ, представилъ 130 знаменъ; награжденъ орденомъ Св. Георгія второго класса (1791 г.); Александровскою лентою за участіе въ Мачинскомъ сраженіи (1792 г.); пожалованъ Вице-Адмираломъ (1793 г.); Адмираломъ (1799 г.); скончался въ 1800 году. По его проекту, одобренному Императрицею Екатериною II, возникла Одесса.

же до своего пункта, и началъ канонаду. Тогда Голеннищевъ-Кутузовъ, обходя горы, чтобы зайти въ правый флангъ неприятелю, долженъ былъ съ великимъ трудомъ пробиваться среди окружавшихъ его отвсюда Турокъ, старавшихся разрывать сообщеніе между нмъ и арміею. Эти покушенія Визиря были уничтожены Княземъ Репнинымъ: онъ приказалъ Генералъ-Маіору Рибасу атаковать неоднократно неприятеля, а Князю Волконскому, вытянуть изъ двухъ линій три гренадерскіе полка съ артиллеріею въ лѣвую сторону и приблизиться къ горамъ. Тщетно пѣхота Турецкая, желая воспользоваться отдѣленіемъ войскъ, бросилась стремительно и въ большомъ числѣ на первый каре Екатеринославскаго гренадерскаго полка: храбрые воины опрокинули, обратили въ бѣгство неприятеля. Въ то же самое время толпы Турокъ напали на правый флангъ нашъ, предводимый Княземъ Голицынымъ; но были отбиты съ значительнымъ урономъ и преслѣдуемы конницею до перваго ихъ лагеря. Такимъ образомъ уничтожилъ Князь Репнинъ и покушенія Турокъ на нашъ резервъ со стороны Дуная, подкрѣпивъ оный высланными войсками. Вскорѣ пѣхота Кутузова показала на горахъ во флангъ неприятельскомъ: Князь Волконскій попытался переправить за крутой оврагъ, подъ горою находящійся, два гренадерскіе полка для открытія сообщенія съ Кутузовымъ. Тогда войска двинулись со всѣхъ сторонъ на неприятеля: Князь Голицынъ пошелъ въ его ретраншанментъ, Князь Волконскій въ лагерь, а Голеннищевъ-Кутузовъ во флангъ, которое движеніе рѣшило побѣду этого упор-

наго ераженія, шесть часовъ при сильномъ жарѣ продолжавшагося. Непріятель обратился въ бѣгство къ Гирсову; легкія войска преслѣдовали его. Орудій мѣдныхъ отнято тридцать пять, въ томъ числѣ два мортиры; болѣе четырехъ тысячъ Турокъ пало на мѣстѣ битвы, кромѣ умерщвленныхъ на судахъ, изъ которыхъ три были взорваны на воздухъ и столько же потоплены. Въ числѣ плѣнныхъ находился Двухъ-Бунчужный Мегметъ-Арнаутъ Паша. Знаменъ взято пятнадцать.

Принеся благодареніе Всевышнему съ пушечною пальбой за одержанную побѣду, Князь Репнинъ переправился, 2 Іюля, обратно черезъ Дунай и потомъ велѣлъ снять мосты, расположивъ армию въ прежнихъ лагеряхъ (*). Между тѣмъ вступилъ онъ въ сношенія съ Визиремъ, который первый заговорилъ о мирѣ, и желая воспользоваться благоприятною минутой, чтобы даровать оный Отечеству, подписалъ съ Турецкими Полномочными въ Галацъ, 31 Іюля, предварительныя условія: Кайнарджійскій договоръ и послѣдовавшіе за онымъ подтверждены въ полномъ и точномъ ихъ разумѣ; рѣка Дивотръ назначена границею обѣихъ Имперій; земли, лежащія ме-

(*) Прекрасно изобразилъ Державинъ Князя Репнина въ *Памятникъ Герою*.

«Строй, Муза, памятникъ Герою,
Кто мужествомъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.»

жду Бугомъ и Днѣстромъ уступлены Россіи. — 1-го Августа Потемкинъ, надѣявшійся исхитить у Репнина двойную славу побѣдителя и миротворца, прибылъ въ Галацъ, когда онъ совершилъ уже свой важный подвигъ: взбѣшенный этою неудачей, Фельдмаршалъ осыпалъ заслуженнаго Полководца страшными упреками, присоединилъ къ онымъ угрозы: *«Я исполнилъ долгъ свой — отвѣчать съ гордостію Князь Репнинъ — «и готовъ дать отвѣтъ Государыни и Отечеству.»* — Екатерина II наградила его (15 Юля) орденомъ Св. Георгія первой степени; повелѣла ему быть Намѣстникомъ Рижскимъ и Ревельскимъ (1792 г.) и, 2 Сентября 1793 года, по случаю мирнаго торжества, пожаловала Князю Репнину похвальную грамоту; во второй разъ алмазные знаки ордена Св. Апостола Андрея *въ знакъ Монаршаго благоволенія* и шестьдесятъ тысячъ рублей на поправленіе домашнихъ дѣлъ.

Въ 1794 году возникло въ Польшѣ безначаліе: Россійскія войска, находившіяся въ Лифляндіи и въ Минской губерніи, были подчинены Князю Репнину. Онъ вступилъ въ Литву и ревностными, неусыпными стараніями своими возстановилъ въ оной тишину. Императрица наградила его (1 Января 1795 г.) деревнями, домою въ С. Петербургѣ, похвальною грамотой и ввѣрила ему управленіе того края съ оставленіемъ Генераль-Губернаторомъ Эстляндскимъ и Лифляндскимъ. Въ этомъ званіи Князь Репнинъ находился по кончину Екатерины II.

Императоръ Павелъ I, по вступленіи на Престолъ, произвелъ Князя Николая Васильевича Гене-

ралъ-Фельдмаршаломъ (8 Ноября 1796 г.) и, вслѣдъ за тѣмъ, Командиромъ Литовской дивизіи, Военнымъ Губернаторомъ въ Ригу, Присутствующимъ въ Совѣтъ Общества благородныхъ дѣвицъ; пожаловалъ ему шесть тысячъ душъ въ день своего коронованія (1797 г.); повелѣлъ потомъ быть Орденскимъ Канцлеромъ, Инспекторомъ инфантеріи Литовской и Лифляндской дивизій; отправилъ (1798 г.) въ Берлинъ и въ Вѣну: чтобы отвлечь Пруссію отъ союза съ Франціею, пригласить Австрійскій Дворъ къ совместному дѣйствию противъ послѣдней Державы и предложить Великую Княжну Александру Павловну въ супружество Эрцъ-Герцогу Палатину. Посольство это не было увѣнчано желаемымъ успѣхомъ; ибо Король Фридрихъ Вильгельмъ III рѣшительно отказался прервать нейтралитетъ; Князь Репнинъ уволенъ отъ службы съ позволеніемъ носить общій армейскій мундиръ. Тогда удалился онъ въ Москву и, въ кругу семейства своего, друзей, оканчивалъ вечеръ славной жизни, услаждая оный христіанскими размышленіями. Въ изгнаніи никогда ропотъ не исходилъ изъ устъ благочестиваго старца: онъ чтилъ волю Царя своего и съ благоговѣніемъ покорялся оной; никто въ присутствіи его не дерзалъ осуждать распоряженій тогдашняго Правительства.

Воцарился Императоръ Александръ I, и Князь Николай Васильевичъ, любимый, уважаемый Имъ, привѣтствовалъ Внука Екатерины Великой, изъявившаго желаніе шествовать по стопамъ Ея; но не могъ служить Ему: апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь его, посвященную четыремъ Монархамъ, 12

Мая 1801 года, на 68 отъ рожденія (*). Императоръ далъ слѣдующій Указъ Правительствующему Сенату (**): «Въ ознаменованіе отличнаго Нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ Генераль-Фельдмаршала Князя Репнина, въ память добродѣтелей его и любви къ Отечеству, кои и въ мирѣ и въ войнѣ, и на службѣ и въ соединеніи, до самого конца жизни своей былъ оныя преисполненъ, и во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но живя въ признательности всеобщей переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнихъ его родственниковъ и Намъ Самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобъ родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, Полковникъ Князь Николай Волконскій (***) принялъ фамилію его, и отнынѣ потомственно именовался *Княземъ Репнинымъ*. Да родъ

(*) Князь Н. В. Репнинъ погребенъ въ теплой церкви Московск. Донскаго монастыря.

(**) Отъ 12 Іюля 1801 года.

(***) Нынѣ Генераль отъ кавалеріи, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго съ алмазн. украш.; Св. Владимира первой степени; Св. Георгія 3 класса; Св. Анны перв. ст. съ алмазн. украш. и 4-й; Прусскихъ: Чернаго и Краснаго Орловъ и за достоинство; Австрійскаго: Св. Леопольда командоръ; Французскаго Св. Лудовика; имѣющій золотую шпагу, съ алм., за храбрость, сереб. медали 1812 и 1814 год. и знакъ отличія безпорочной службы, Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ.

«Князей Решивныхъ, столь славно Отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудеть навсегда, съ именемъ и примѣромъ его, въ незабвенной памяти Россійскаго дворянства!»

Князь Николай Васильевичъ Решинъ — какъ справедливо описываетъ его Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ — былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, истинныхъ героев, любителей высочайшей добродѣтели, которыхъ дѣянія читаютъ въ Исторіи съ восторгомъ удивленія и коимъ величію не понижающіе совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы впрять (*). Съ видомъ величавымъ, гордою осанкой, возвышеннымъ челомъ, глазами, и въ наститой старости огненными, коимъ проведенныя дугою брови придавали еще большую выразительность, соединялъ онъ веселый нравъ, былъ обходителенъ, добръ до крайности; удивлялъ всѣхъ своею начитанностію, рѣдкою памятью; свободно изъяснялся и писалъ на Россійскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіанскомъ и Польскомъ языкахъ; въ молодыхъ лѣтахъ имѣлъ сердце пламенное и былъ счастливъ любовію прекраснаго пола; умѣлъ поддерживать достоинство своей Монархини; казался иногда гордымъ по необходимости; былъ вспыльчивъ, но не зналъ мести, и одна только любовь къ службѣ, къ порядку увлекала его; неустрашимъ на ратномъ полѣ; предприимчивъ, дальновиднъ; смѣлъ въ Совѣтахъ Государственныхъ; неизмѣненъ въ дружбѣ; вѣрный отецъ

(*) См. Записки И. В. Лопухина.

семейства и, вмѣстѣ, вѣрный подданный, прямой сынъ Церкви, другъ человечества. Вотъ доказательство его необыкновенной щедрости и величія души:

Выигравъ прощенья у одного своего родственника, Кн. А. Р., простиравшійся на нѣсколько тысячъ душъ, онъ уступилъ ему эти деревни, уважая многочисленное его семейство и бѣдное состояніе.

Императрица Екатерина II пожаловала ему шесть тысячъ крестьянъ въ присоединенныхъ къ Россіи Польскихъ областяхъ: Князь Репнинъ предоставлялъ пользоваться доходомъ съ этого имѣнія, состоявшимъ изъ двадцати двухъ тысячъ рублей серебромъ, прежнему владѣльцу, Графу Огвинскому, по кончину его.

Одинъ Провіантскій чиновникъ, Кн. Коз., находившійся при немъ, впалъ въ глубокую задумчивость; замѣтивъ эту перемену, Князь Репнинъ нѣсколько разъ спрашивалъ его: *отъ чего онъ такъ мраченъ?* — и не могъ узнать настоящей причины; наконецъ рѣшился употребить последнее средство, пригласилъ его въ свой кабинетъ и сказалъ ему: *«Другъ мой! говори со мною откровенно, не какъ-бы съ начальникомъ, но какъ-бы съ отцомъ духовнымъ: что у тебя за печаль? Я знаю, что ты охотникъ до картъ: не проигрался-ли?»* — Тутъ чиновникъ, тронутый до слезъ благосклоннымъ обращеніемъ Фельдмаршала, повергся передъ нимъ на колѣна и объявилъ: что имѣлъ несчастіе проиграть шестьдесятъ тысячъ рублей казенныхъ денегъ. — *«Вставай — сказалъ ему Князь Репнинъ — ты не одинъ провинился: и я не менѣе виноватъ, что, зная*

страсть твою къ игрѣ, досель оставляя тебя въ настоящей должности; и такъ я обязанъ участвовать въ этомъ проигрышѣ. Къ счастью твоему на дняхъ продалъ я одну деревню: вотъ тебѣ шестьдесятъ тысячъ рублей; но вмѣстѣ предлагаю и условія: немедленно подай мнѣ просьбу объ увольненіи изъ Провіантскаго вѣдомства и чтобъ этотъ разговоръ остался навсегда между нами двумя.» — Только при погребеніи великодушнаго вельможи благодѣтельствованный имъ чиновникъ открылъ тайну, тяготившую его.

Подъ руководствомъ Князя Репнина образовались многіе Государственные Сановники: Графъ Никита Петровичъ Панинъ, Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, Князь Дмитрій и Князь Яковъ Ивановичи Лобановы-Ростовскіе, Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій и Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій. — Суворовъ, Потемкинъ-Таврическій, Кутузовъ-Смоленскій служили подъ его знаменами.

32-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ *(по флоту)*

ГРАФЪ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

ЧЕРНЫШЕВЪ.

=

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, меньшой братъ Графа Захара Григорьевича, родился 24 Ноября 1726 года и, получивъ начальное образованіе въ домъ родителей, отправленъ въ 1741 году, на шестнадцатомъ своего возраста, Дворяниномъ Посольства въ Данію, куда другой братъ его, Дѣйствительный Камергеръ Петръ Григорьевичъ, назначенъ былъ тогда Чрезвычайнымъ Посланникомъ. Посвятивъ себя дипломатическому служенію, молодой Чернышевъ продолжалъ учиться подъ надзоромъ своего брата, который вскорѣ перемѣщенъ былъ въ Пруссію (1742 г.); отсюда въ Англію

Графъ Иванъ Трифоновичъ.

ЧЕРНЫШОВЪ.

Литог. М. Тюлева.

Полномочнымъ Министромъ (1746 г.), исходатайствовалъ ему чинъ Камеръ-Юнкера (*).

Послѣ четырнадцатилѣтней отлучки, Чернышевъ возвратился въ Отечество и получилъ Камергерскій ключъ (1755); въ слѣдующемъ году отправленъ въ Дрезденъ къ Королевѣ Польской и Кур-Принцессѣ Саксонской, которыя терпѣли чрезвычайный недостатокъ въ осажденномъ Пруссакими городѣ, просили денежнаго пособія у Императрицы. Государыня послала съ нимъ сто тысячъ рублей Королевѣ и двадцать тысячъ Принцессѣ, дозволивъ ему проѣхать оттуда въ Вѣну и въ Парижъ (**).

Чернышевъ находился въ Аугсбургѣ (1761 г.) при Чрезвычайномъ Послѣ Графѣ Кейзерлингъ; но, какъ конгрессъ съ Пруссіею не состоялся, отозванъ въ С. Петербургъ (1762). Тогда царь

● Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и орденовъ: Св. Апостола Андрея, Св. Александра Невскаго и Польскаго Бѣлаго Ордена кавалеръ, родился 1712 г.; служилъ, сначала, въ арміи и при Высочайшемъ Дворѣ; потомъ былъ Полномочнымъ Министромъ въ Давіи, Пруссіи и Англіи; пожалованъ Сенаторомъ (1755 г.), Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ во Францію (1760); возвратясь въ Отечество, продолжалъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ по самую кончину, посядовавшую въ С. Петербургѣ 20 Авг. 1773 г., на 62 году отъ рожденія.

(**) Изъ третьей части: *Сокращен. извѣстія о взаимныхъ между Рос. Монархами и Европейскими Державами Посольствахъ*, сочин. коимъ родителемъ.

ствовала уже Императрица Екатерина II, издавна покровительствовавшая брату его, Графу Захару Григорьевичу, который былъ возведенъ въ достоинство Генералъ-Аншефа и получилъ, въ день Ея коронаціи, Андреевскій орденъ. Въ это самое время и Графъ Иванъ Григорьевичъ пожалованъ Генералъ-Поручикомъ, сошелъ съ дипломатическаго поприща, наименованъ: Членомъ Адмиралтействъ-Коллегіи (1763 г.); Присутствующимъ въ учрежденной Морской Комисіи Россійскихъ флотовъ (въ Ноябрь); Главнымъ Командиромъ Галернаго порта (1765 г.). Онъ былъ тогда кавалеромъ орденовъ Блага Орла и Св. Анны.

Въ началъ 1767 года, Графъ Иванъ Григорьевичъ определенъ Чрезвычайнымъ и Полномочнымъ Посломъ къ Великобританскому Двору, куда выехалъ только въ 1768 году. Императрица пожаловала его (1769 г.) Вице - Президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Онъ вступилъ въ новую должность въ 1770 году и ссудилъ Коллегію 75,000 руб., по случаю недостатка въ оной денегъ. Черезъ три года, Графъ Чернышевъ уволенъ въ отпускъ (по 1776 годъ) къ теплымъ водамъ. Императрица пригласила его, потомъ, въ Москву, гдѣ въ день празднованія мира съ Турціею (10 Іюля, 1776 г.) удостоенъ онъ орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго и Св. Александра Невскаго: *за многіе труды его въ приведеніе флота въ доброе состояніе* (*).

Благоволеніе Екатерины II къ Графу Ивану Григорьевичу неизмѣнно продолжалось по самую Ея

(*) Слова Высочайшаго рескрипта.

кончину: онъ, въ числѣ малыхъ особъ, имѣлъ право каждый день обѣдать у Государыни; при учрежденіи ордена Св. Владиміра (1782 г.), получилъ ленту этого почетнаго отличія вмѣстѣ съ Потемкинымъ, Румянцовымъ, Княземъ Орловымъ, Фельдмаршаломъ Княземъ Голицынымъ, братомъ своимъ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ, Графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, Княземъ Репнинымъ, Бецкимъ, Шуваловымъ и Безбородко; сопровождалъ Императрицу въ Фридрихсгамъ (1783 г.) во время свиданія Ея съ Королемъ Шведскимъ; находился при Ней когда Она обозрѣвала южныя Свой провинціи (1787 г.); награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея въ день празднованія мира съ Швеціею (8 Сент., 1790 г.): *за труды въ вооруженіи флотовъ при управленіи Морскимъ Департаментомъ*; пожалованъ Членомъ Совѣта.

Императоръ Павелъ I, котораго Графъ Чернышевъ часто посѣщалъ, когда Онъ занимался еще ученіемъ, возвелъ его, 12 Ноября 1796 года, въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала по флоту, съ тѣмъ, *однакожь, чтобы онъ не былъ Генералъ-Адмираломъ* (*), повелѣлъ ему быть Президентомъ Адмиралтейской Коллегіи и Сенаторомъ.

Здоровье почтеннаго старца нѣсколько лѣтъ уже ослабѣвало: онъ отправился въ чужіе края, надѣясь, посредствомъ цѣлебныхъ водъ, поддержать угасавшую жизнь; но смерть приближалась къ нему скорыми шагами и 26 Февраля 1797 года послѣдній

(*) Слова Высочайшаго Указа.

былъ день его жизни. Останки Чернышева привезены въ С. Петербургъ и преданы землѣ въ церкви Благовѣщенія Александро-Невской Лавры.

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ съ умомъ образованнымъ соединялъ любезность и, вмѣстѣ, въ-которое непостоянство въ характеръ; въ Совѣтахъ былъ не рѣшителенъ, слишкомъ остороженъ; но въ продолжительное пребываніе свое внѣ Отечества, остался Рускимъ во всемъ пространствѣ этого слова; отличался хлебосольствомъ; имѣлъ прекрасный столъ, лучшіе вина, которые привозили ему Капитаны кораблей. Первымъ удовольствіемъ его было, когда онъ посѣщалъ Наслѣдника Престола (въ послѣдствіи Императора Павла I) рассказывать Ему о знаменитыхъ дѣляняхъ соотечественниковъ; съ восхищеніемъ, съ слезами повѣствовалъ онъ о Его Прадѣдѣ, Петрѣ Великомъ. — *«Это истинно Богъ былъ на землѣ во время отцевъ нашихъ!»* — восклицалъ Чернышевъ; благодарилъ Наслѣдника за *Его доброе мнѣніе о Рускихъ* (*). — Еслибъ Графъ Иванъ Григорьевичъ и не оказалъ по флоту значительныхъ услугъ Отечеству; то одно стараніе его поселить столь полезныя правила въ Порфиросномъ Отрокѣ даетъ ему полное право на уваженіе наше. — Императорская Академія Наукъ имѣла его въ числѣ своихъ Членовъ. Онъ былъ *Почетнымъ Благотворителемъ* Воспитательнаго дома, въ образованіи котораго принималъ дѣятельное участіе.

(*) См. *Записки Порошина.*

**Сынъ Графа Ивана Григорьевича, Оберъ-Шенкъ
Высочайшаго Двора Графъ Григорій Ивановичъ Чер-
нышевъ, скончался въ 1831 году.**

33-й

ГЕНЕРАЛЪ—ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ

САЛТЫКОВЪ.

=

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, сынъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Петра Семеновича Салтыкова, родился въ 1730 году; обучался въ домъ своего родителя; сначала служилъ въ гвардіи (съ 1745 г.), потомъ при Высочайшемъ Дворѣ въ званіи Камеръ-Юнкера, и (1760 г.) выпущенъ въ армию Бригадиромъ. Онъ участвовалъ въ знаменитыхъ подвигахъ Россіянъ противъ Пруссаконъ; за оказанную храбрость произведенъ въ Генералъ-Маіоры (1761 г.); получилъ отъ Императора Петра III орденъ Св. Анны (1762) и, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Александровскую ленту въ день коронаванія Императрицы Екатерины II.

Литогр. Тюлева.

Графъ Иванъ Петровичъ

САЛШЫКОВЪ.

Литогр. Тюлева.

Черезъ семь лѣтъ открылась война съ Турціею: Графъ Салтыковъ, бывший тогда Генералъ-Поручикомъ (съ 1766 г.), снова обнажилъ мечъ, содѣйствовалъ Князю Голицыну (*) въ разбитіи Карамана Паши подѣ Хотинымъ (1769 г.), въ овладѣніи этою крѣпостію; служилъ потомъ подѣ знаменами славнаго Задунайскаго: предводительствовалъ на Ларгскомъ сраженіи (1770 г.) частію конницы, слѣдовавшей за пѣхотою; но, къ огорченію Главнокомандовавшаго, опоздалъ преслѣдованіемъ непріятеля, не получивъ въ свое время посланныхъ повелѣній; начальствовалъ на Кагульской битвѣ (въ томъ же году) тяжелой кавалеріею, расположенною между карре, врубился въ толпы янычаръ, положилъ множество на мѣсть, остальныхъ обратилъ въ бѣгство и занялъ ретраншаментъ. Румянцовъ донесъ своему бывшему начальнику, Фельдмаршалу Графу Салтыкову, о знаменитой побѣдѣ и назвалъ его счастливымъ отцомъ, упоминая объ отличномъ мужествѣ Графа Ивана Петровича. Послѣдній награжденъ тогда алмазными знаками ордена Св. Александра Невскаго.

Въ 1772 году Графъ Салтыковъ первый переправился чрезъ Дунай съ ввѣреннымъ ему корпусомъ; произведенъ (1773 г.) въ Генералъ-Аншефы; учредилъ сообщеніе съ Дунаемъ между Силистріи и Рушукъ, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ ретраншаментовъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ, взялъ три пушки, принудилъ непріятеля отступить въ Рушукскія

(*) См. біографію Генер. Фельди. Князя Александра Михайл. Голицына.

укрѣпленія и обложивъ городъ отъ самого Дуная по рѣкѣ Ломъ; но не могъ взять онаго. Отряженный имъ Генералъ Суворовъ овладѣлъ Туртукаемъ. 14 Июля (1774 г.) Салтыковъ готовился подъ стѣнами осажденной крѣпости къ рѣшительному бою съ Сераскиромъ Гассанъ-Пашею, бывшимъ въ послѣдствіи Капитаномъ Пашею и Взиремъ, какъ прибылъ курьеръ отъ Главнокомандовавшаго съ известіемъ о заключенномъ мирѣ при Кайнарджи.

Императрица наградила военные подвиги Графа Ивана Петровича (1775 г.) орденомъ Св. Георгія второго класса и золотою шпагой, украшенною алмазами. Въ 1780 году, начальствуя двадцатью шестью полками и сильною артиллеріей, онъ составлялъ противъ Турокъ цѣпь войскъ, и имѣлъ главную квартиру въ Немировѣ; продолжалъ командовать корпусомъ въ бывшихъ Польскихъ провинціяхъ до 1784 года, въ которомъ пожалованъ Генералъ-Адъютантомъ и Генералъ-Губернаторомъ Владимірскаго и Костромскаго Намѣстничества, удостоенный за два года передъ тѣмъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1782).

Графъ Салтыковъ исправлялъ должность Намѣстника по 1788 годъ: возобновившаяся война съ Турціею призвала его снова на бранное поле. Онъ увѣнчалъ себя занятіемъ крѣпости Хотина (8 Сентября), которая, послѣ тѣснаго облежанія, сдалась ему и Принцу Саксенъ-Кобургскому, командовавшему союзными Австрійскими войсками, на слѣдующихъ условіяхъ: двухъ-тысячный Турецкій гарнизонъ и всѣ жители Магометанскаго исповѣданія, числомъ

обоего пола до шестнадцати тысячъ человекъ, получили позволеніе выдти изъ крѣпости; 153 пушки разнаго калибра, 14 мортиръ и множество другихъ оружій и военныхъ припасовъ достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ Графъ Салтыковъ получилъ орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.).

Доселѣ Графъ Иванъ Петровичъ побѣждалъ Турокъ: въ 1790 году Императрица встрѣила ему Финляндскую армію. Сначала Шведы имѣли нѣкоторую поверхность надъ нашими войсками; потомъ потерпѣли пораженіе, между кирхи Валкіала и деревни Тайкалы (22 Апр.), отъ храбраго Генералъ-Маіора Денисова, который захватилъ обозъ ихъ и артиллерію, прогнавъ за Кюмень. Въ этомъ дѣлѣ находился Король. Между тѣмъ Генералъ-Поручикъ Нумсенъ овладѣлъ на правомъ берегу рѣки Кюмени укрѣпленіями, взялъ 12 пушекъ и болѣе 300 пѣхотныхъ; Генералъ-Маіоръ Ферзенъ дѣйствовалъ столь же удачно въ Свеаборгскомъ округѣ. Непріятель не смѣлъ тревожить границы наши, поражаемый также на морѣ Чичаговымъ. Въ Стокгольмѣ возникъ ропотъ. Густавъ III принужденъ былъ предложить миръ Екатеринѣ. Въ день торжества онаго (8 Сент.) Графъ Иванъ Петровичъ былъ награжденъ званіемъ Подполковника гвардіи коннаго полка, шпагою съ алмазами и алмазными знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Неожиданное событіе разстроило на нѣкоторое время ходъ службы Салтыкова: онъ обратилъ на себя неудовольствіе Задунайскаго, въ арміи котораго находился корпуснымъ командиромъ и принужденъ

былъ выдти въ отставку (1795 г.). Императоръ Павелъ I принялъ его снова въ службу (1796 г.): переименовалъ Генераломъ отъ кавалеріи (17 Ноября), назначилъ Шефомъ кирасирскаго полка, и на другой день, Кіевскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Инспекторомъ по кавалеріи; 15 Декабря того года Генералъ-Фельдмаршаломъ, Генералъ-Инспекторомъ надъ всею кавалеріею, съ подчиненіемъ Украинской арміи до выздоровленія Румянцова; наконецъ, въ мѣсць 1797 года, перевелъ его Военнымъ Губернаторомъ въ Москву, пожаловалъ ему, вслѣдъ за тѣмъ, болѣе шести тысячъ крестьянъ въ Польскихъ губерніяхъ (*) и опредѣлилъ Главнокомандующимъ арміи, долженствовавшей сосредоточиться въ Витебской губерніи (1800 г.). По случаю кончины Государя назначеніе это не состоялось.

Императоръ Александръ I, въ день Своего коронаванія (1801 г.) препроводилъ къ Графу Ивану Петровичу табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами. Онъ оставался Военнымъ Губернаторомъ въ Москвѣ до 1 Мая, 1804 года, получивъ тогда увольненіе, согласно собственному желанію, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и вскорѣ скончался, 14 Ноября, 1805 года, на 76 отъ рожденія. Тѣло его предано землѣ подлѣ родителя, въ Ярославскомъ имѣніи.

Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, во всю жизнь свою никого не сдѣлавшій несчастнымъ, былъ

(*) Имѣніе это было продано сыномъ Графа Ивана Петровича за милліонъ девятьсотъ тысячъ рублей.

чуждъ постыдной гордости, и презиралъ только высокомерныхъ временщиковъ; отличался ласковымъ, добродушнымъ приемомъ; жилъ въ Москвѣ чрезвычайно пышно: каждый день за обѣдомъ и ужиномъ его находилось шестьдесятъ приборовъ; каждое воскресенье съѣзжалось къ нему на балъ нѣсколько сотъ человекъ (*). Онъ старался искоренять въ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворять повсемѣстный порядокъ и благочиніе, пользовался общеою любовію и уваженіемъ, любилъ дѣлать добро; занимался, въ свободное время, охотою, имѣя собственныхъ псарей до ста человекъ; оставилъ сыну своему шестнадцать тысячъ крестьянъ, въ томъ числѣ тысячу двѣсти человекъ дворовыхъ людей, и два милліона восемьсотъ тысячъ долгу.

Сынъ Графа Ивана Петровича, Графъ Петръ Ивановичъ Салтыковъ, служилъ, сначала, Дѣйствительнымъ Камергеромъ при Высочайшемъ Дворѣ, потомъ былъ Поручикомъ Лейбъ-Гвардіи гусарскаго полка; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ битвахъ противъ Французовъ, военнымъ орденомъ Св. Георгія 4 класса; тяжело раненъ на Аустерлицкомъ сраженіи; сформировалъ собственный полкъ гусарскій (*Московский*) въ достопамятный 1812 годъ и вскорѣ скончался (въ томъ же году) въ молодыхъ лѣтахъ горячкою, получивъ эту болѣзнь въ лазаретахъ, гдѣ онъ ежедневно навѣщалъ больныхъ солдатъ. Сестры его въ замужствѣ: 1-я съ Тайнымъ Советникомъ Петромъ Васильевичемъ Мят-

(*) Иногда до восьмисотъ человекъ.

левымъ и 2-я съ Графомъ Григоріемъ Владиміровичемъ Орловымъ.

Нынѣ отъ Графовъ Салтыковыхъ остался единственнымъ потомкомъ Графъ Левъ Григорьевичъ Салтыковъ, состоящій въ должности Егермейстера Высочайшаго Двора. Прадѣдъ его, Сенаторъ Графъ Владиміръ Семеновичъ, былъ меньшей братъ Побѣдителя при Франкфуртѣ (*).

(*) См. въ первой части біографію Генер. Фельдм. Графа Петра Семеновича Салтыкова, стр. 281—296.

Рис. И. Ивановъ

Грасръ Иванъ Карловичъ

ДЛЪМШЪ.

Литон. Гюльемъ.

34-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
ГРАФЪ ИВАНЪ КАРПОВИЧЪ
Э Л Ъ М Т Ъ.

=

Графъ Иванъ Карповичъ Эльмтъ, происшедшій отъ древней благородной фамилиі Германской, родился въ Клевѣ 1725 года и, кончивъ ученіе, вступилъ въ военную службу, сначала во Франціи, гдѣ на двадцать четвертомъ году былъ Маіоромъ; потомъ въ Россіи, въ чинѣ Капитана (1749 г.).

Способности, расторопность и усердіе проложили ему дорогу къ быстрому возвышенію: черезъ пять лѣтъ былъ онъ уже Полковникомъ (1755 г.) и за оказанную храбрость въ Прусскую войну произведенъ Бригадиромъ (1758 г.) и Генералъ-Маіоромъ (1762 г.); пожалованъ Генералъ-Квартирмейстеромъ. Вслѣдъ за тѣмъ Императрица Екатерина II возложила на него орденъ Св. Анны (1763 г.).

Разрывъ съ Турціей, снова, доставилъ Эльмту случай явить опыты своего мужества и военного искусства. Онъ поступилъ въ армию Генераль-Аншефа Князя Голицына (*) (1769 г.), будучи Генераль-Поручикомъ: участвовалъ (29 Августа) въ поражениі Верховнаго Визиря Молдованжи; заслужилъ похвалу Главнокомандовавшаго, и, предводительствуя десятитысячнымъ корпусомъ, занялъ (9 Сент.) Хотинъ; преслѣдовалъ бѣжавшаго непріятеля; вступилъ (26 числа) въ Яссы; покорилъ Молдавское Княженіе, утвердивъ повсемѣстно присягой покорность и вѣрность жителей Императрицѣ и Ея Наслѣднику. За этотъ подвигъ Графъ Эльмтъ награжденъ орденомъ Св. Александра Навскаго. Онъ сражался съ Польскими Конфедератами; командовалъ (1772 г.) корпусомъ, расположеннымъ на границѣ Швеціи; былъ произведенъ въ Генераль-Аншефы (1780 г.); нѣскольکو лѣтъ находился въ домовомъ отпускѣ (**), вѣроятно скучая бездѣйствиємъ, претерпѣвая неудачи; служилъ потомъ въ 1787 и 1788 годахъ, подъ знаменами Задунайскаго; командовалъ 3-ю дивизією, состоявшею изъ 7000 человекъ; перешелъ (1788 г.) черезъ Дивстръ въ Косницъ ниже Сороки; прикрывалъ осаду Хотина (**); не допустилъ (5 Авг.) Татарскаго Хана подать помощь этой крѣпости; распо-

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Князя Александра Михайловича Голицына.

(**) 1777 года, 1778, съ 1781 по 1785 годъ.

(***) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

ложилъ свою дивизию въ окрестностяхъ Яссы, куда вступили Австрійцы 23 числа.

Императрица Екатерина II не любила Графа Эльмта за его невоздержный языкъ; Военначальники— за вспыльчивый нравъ; благородную гордость, хотя и отдавали справедливость достоинствамъ этого Полководца. Онъ начальствовалъ войсками, расположенными въ Ригѣ, когда скончалась Государыня. Императоръ Павелъ I переименовалъ его (1796 г.) въ Генералъ отъ инфантерій и въ командиры Лифляндской дивизіи; пожаловалъ Шефомъ С. Петербургскаго гренадерскаго полка (названнаго, потомъ, *полкомъ Графа Эльмта*) и, въ день своего коронаванія, 5 Апрѣля 1797 года, Генералъ-Фельдмаршаломъ, кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; но въ скоромъ времени (10 Янв. 1798 г.) уволилъ, за старостию, отъ службы съ дозволеніемъ носить общій армейскій мундиръ.

Графъ Эльмтъ былъ самъ виновникомъ своего паденія: къ нему пріѣхалъ Инспекторомъ Генералъ-Адъютантъ Баратынскій. Однажды, въ присутствіи его, за обѣденнымъ столомъ, Фельдмаршалъ спросилъ гостей, сидѣвшихъ вдали: *о чемъ они разговариваютъ съ такимъ жаромъ?* Ему отвѣчали: что въ сосѣдней дивизіи Инспекторъ Аракчеевъ арестовалъ Полковника, имѣющаго Георгіевскій крестъ. — *«Осмельлся-бы у меня Инспекторъ поступить такимъ образомъ!»*—воскликнулъ съ сердцемъ Графъ Эльмтъ— *«Я велѣлъ-бы ему связать руки и ноги и отправить-бы его прямо въ Гатчину.»*— Въ другое время присланъ къ нему Штабъ-офицеръ, изъ Нѣмцевъ, для

обученія солдатъ и, маршируя съ ними на флангъ, мимо Фельдмаршала, повторялъ во весь голосъ слова: *разъ, два.* — «*Какой тактики!*» — произнесъ вслухъ Эльмъ и, тотчасъ, приказалъ Штабъ-офицеру выйти изъ рядовъ, занялъ его мѣсто, началъ маршировать съ солдатами, подымать какъ можно выше ноги и, въ тактъ, палку, которую держалъ въ рукѣ, но, вмѣсто произносимыхъ офицеромъ словъ, повторялъ съ разстановкою: *так—тихъ.*

Онъ скончался въ 1802 году и погребенъ въ принадлежавшей ему мызѣ Свитенъ (Курляндской Губерніи); былъ высокаго роста; имѣлъ и въ старости маститой красную, пріятную наружность; съ великимъ умомъ соединялъ большія свѣдѣнія по военной части, отважность, нравъ веселый, обходительный; не смотрѣлъ вблизи на формы; но отъ природы чрезвычайно вспыльчивый, откровенный, не щадилъ никого для остраго слова.

Рис. Ил. Ивановъ

Графъ Валентинъ Платоновичъ

МУСШЕЦЪ и МУШКЕЦЪ.

Литог. Тюлева.

35-й

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ ВАЛЕНТИНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ

МУСИНЪ-ПУШКИНЪ.

=

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (*), сынъ Сенатора Графа Платона Ивановича, родился 6 Декабря 1735 года и на пятомъ году своего возраста разлученъ съ отцемъ, который посланъ былъ въ Соловецкій монастырь (**). Должно полагать, что осиротѣвшій юноша получилъ образованіе въ домъ родительницы своей. Съ самыхъ юныхъ

(*) *Мусины-Пушкины* имѣютъ одно происхожденіе съ Бутурливыми. *Гербоуникъ*, часть 4. — См. въ первой части біографію Генер. Фельдм. Графа Александра Борисовича Бутурлина.

(**) Графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ служилъ, въ молодыхъ лѣтахъ, по дипломатической части; потомъ присутствовалъ въ Московской Конторѣ Правительствующаго Сената; былъ Губернаторомъ: въ Смо-

лѣтъ посвятилъ онъ себя военной службѣ, былъ записанъ въ гвардію на тринадцатомъ году отъ рожденія (1747 г.); участвовалъ въ славной войнѣ Россіянъ съ Пруссакими; пожалованъ Камеръ-Юнкеромъ Высочайшаго Двора Императрицею Екатериною II, въ день Ея коронованія (1762 г.), будучи Секундъ-Ротмистромъ конной гвардіи; произведенъ черезъ семь лѣтъ въ Дѣйствительные Камергеры (1769 г.); служилъ (1771 г.) во второй арміи подъ знаменами тестя своего Князя Долгорукаго, завоевавшего Крымъ; награжденъ, за оказанную храбрость въ разныхъ сраженіяхъ, орденами Св. Георгія 3 класса и Св. Анны; прекратилъ мятежъ въ Воронежѣ (1774 г.), куда высланъ былъ *Крымскимъ* съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ, двумя карабинерными, тремя эскадронами драгунъ и десятью гусарскими; награжденъ въ день торжества замиренія съ Турками

ленскъ, въ Казани (1732 г.) и въ Эстляндіи (1734); пожалованъ: Президентомъ Коммерцъ-Коллегіи (1736); Сенаторомъ (1739 г.), съ оставленіемъ подъ его начальствомъ Коммерцъ-Коллегіи и Канцеляріи конфискацій, также съ подчиненіемъ ему вновь учрежденной Коллегіи Экономіи; кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго (1740 г.). Дружба съ Кабинетъ-Министромъ Волынскимъ погубила его: по доносу Бирова, лишень онъ (27 Іюня) чиновъ, знака отличія, Графскаго достоинства и, послѣ жестокой пытки, съ *отрѣзаніемъ языка* сосланъ въ Соловецкой монастырь, Архангельской губерніи, за дерзкія — будто-бы — рчи. Императрица Елисавета Петровна возвратила его изъ ссылки и приказала жить въ Симбирской деревнѣ.

(1775 г.) орденомъ Св. Александра Невскаго, будучи Генераль-Поручикомъ; пожалованъ: Генераль-Аншефомъ (1782); Генераль-Адъютантомъ (1783 г.), съ повелѣніемъ находиться при Наслѣдникѣ Престола; Вице-Президентомъ Военной Коллегіи и кавалеромъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго (1786 г.); Членомъ Совѣта (1787 г.); сохранилъ носимыя имъ званія по самую кончину Императрицы Екатерины II и въ это время дважды предводительствовалъ Финляндскою арміею противъ Шведовъ.

Первая война (1788 г.), кромѣ морскихъ сраженій, была оборонительная: четырнадцать тысячъ Россіянъ мужественно отразили нападенія тридцати шести тысячной арміи, которою начальствовалъ самъ Король Густавъ III; вторая кампанія (1789 г.), во время побѣдъ Адмирала Чичагова и Принца Нассау, ознаменована на сухомъ пути удачными дѣйствіями Генераль-Поручика Михельсона, который, командуя передовымъ нашимъ корпусомъ, разбилъ при деревнѣ Кири Шведскій отрядъ, взялъ двѣ пушки; овладѣлъ Христиною (1 Іюня), Санкт-Михелемъ (8 Іюня). Армія Графа Мусина-Пушкина состояла тогда изъ двадцати тысячъ человекъ: онъ очистилъ отъ непріятеля значительное пространство земель, разорилъ множество укрѣпленій; но, действуя слишкомъ осторожно, не увѣнчалъ себя никакимъ блистательнымъ подвигомъ. Въ 1790 году смѣнилъ его Графъ Салтыковъ (*). Между тѣмъ Государыня препроводила

(*) См. біографію Генер. Фельдм. Графа Ивана Петровича Салтыкова.

къ Графу Валентину Платоновичу, за первую кампанію, орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.); за вторую (въ день мирнаго торжества) алмазные знаки ордена Св. Андрея и золотую шапку съ такими же украшеніями (1790 г.)

Графъ Мусишъ-Пушкинъ былъ възысканъ и Императоромъ Павломъ I, который возвелъ его въ достоинство Шефа Кавалергардскаго Корпуса (1796 г.) и Генералъ-Фельдмаршала 5 Апрѣля 1797 года, пожаловалъ ему четыре тысячи крестьянъ въ день своего коронаванія. Онъ скончался въ Москвѣ 8 Іюля, 1804 года, на 69 отъ рожденія и погребенъ въ Симоновъ монастырь, гдѣ супруга его Графиня Прасковья Васильевна соорудила придѣлъ во имя Св. Мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе взносомъ двадцати тысячъ рублей.

Графъ Валентинъ Платоновичъ имѣлъ чрезвычайное доброе сердце, былъ ласковъ, обходителенъ со всѣми, отличался благороднымъ образомъ мыслей, чтивѣйшими правилами, достигалъ желаемаго терпѣніемъ; въ молодыхъ лѣтахъ былъ счастливъ, любимъ прекраснымъ поломъ; собою видный, роста высокаго, красивой наружности, но въ старости неполнѣлъ, сдѣлался сутуловатъ, имѣлъ лице красноватое, покрытое уграми; долженъ стоять на яму болѣе съ искусными царедворцами, нежели съ побѣдоносными вождями, по первшительности своего права.

Рис. по Уланову

Графъ Михаилъ Федотовичъ

КАМЕНСКОЙ.

Литог. М. Тюлева.

36-й

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

ГРАФЪ МИХАИЛЬ ФЕДОТОВИЧЪ

КАМЕНСКОЙ,

=

Графъ Михаилъ Федотовичъ Каменской, сынъ Гофъ-Юнкера, служившаго Мундшенкомъ при Петрѣ Великомъ (*), родился 1738 года; обучался въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ и на четырнадцатомъ году своего возраста, началъ въ ономъ службу (1751 г.) Капраломъ; выпущенъ изъ Сержантовъ (1756 г.) въ полевые полки Поручикомъ; переведенъ (1757 г.) въ артиллерію тѣмъ же чиномъ; пожалованъ 1 Января

(*) Предки Каменскаго выѣхали въ Россію изъ Германіи въ XIII столѣтіи. Родоначальникъ ихъ *Ратша*, какъ у Бутурлиныхъ и у Мусиныхъ - Пушкиныхъ. — См. III примѣчаніе въ 4 томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзина, издан. втор.

варя 1758 года Капитаномъ; служилъ два года въ Французской арміи волонтеромъ (1758 и 1759 г.); участвовалъ въ походахъ соотечественниковъ въ Пруссію 1760 и 1761 г.); произведенъ въ Полковника и въ Генералъ-Квартирмейстеры-Лейтенанты (1762 г.); получилъ чинъ Бригадира въ 1767 году, на двадцать девятомъ году отъ рожденія. Тогда родовое имѣніе его простиралось до трехъ тысячъ крестьянъ (*).

Пылкій, крутой нравъ Каменскаго, умъ бѣглый, проникательный, примѣрная храбрость — еще въ то время вывели его изъ круга людей обыкновенныхъ. Фридрихъ Великій, говоря объ немъ, въ 1765 году, съ своимъ Генераломъ Тауенцинымъ, называлъ Каменскаго: *молодымъ Канадцемъ, довольно образованнымъ* (**); Императрица Екатерина II позволяла ему посѣщать Наслѣдника, который любилъ бесѣдовать съ нимъ о славныхъ подвигахъ Россіянъ, отличалъ его предъ прочими.

Когда возгорѣлась война съ Портою Оттоманской, въ 1769 году, Каменской, будучи Генералъ-Маіоромъ и предводительствуя авангардомъ, участвовалъ, 29 Августа, въ разбитіи Княземъ Голицынымъ Верховнаго Визиря Молдованжи-Паши и Крымскаго Хана, въ занятіи Хотина; награжденъ орденомъ Св. Анны. Вслѣдъ за тѣмъ служилъ онъ подъ знаменами Графа Панина: явилъ опыты своего мужества при взятіи

(*) Изъ *Послужнаго списка, 1767 года.*

(**) *C'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez policé.* — Записки Порошина.

штурмомъ Бендеръ (1770 г.); содѣйствовалъ сдать Акермана; получилъ за военные подвиги орденъ Св. Георгія третьяго класса и, по старшинству, чинъ Генераль-Поручика (1773 г.); разбилъ (17 Іюня) Турецкій корпусъ на островъ предъ Журжею. Но блистательнѣйшею эпохой въ его жизни былъ 1774 годъ: разсылавъ непріятельскій отрядъ при Абтату (11 Мая), онъ выгналъ (2 Іюня) изъ Базарджика Турецкій пяти тысячный авангардъ; одержалъ, (9 Іюня) при мѣстечкѣ Козлуджи, совершенную победу надъ сорока-тысячною арміею, которою предводительствовали: Янычарскій Ага, Рейсъ-Ефендій и многіе Пашы: положилъ на мѣсть до трехъ тысячъ человекъ; взялъ 40 пушекъ, 80 знаменъ; овладѣлъ богатымъ лагеремъ; отбросилъ (19 Іюня), близъ Алибабы, Сераскира Дагистанлу Пашу къ Шумль; истребилъ подвезенный провіантъ Туркамъ и, потомъ, пресѣкъ всякое сообщеніе Великаго Визиря съ Андринополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ, заставилъ согласиться на предложенныя ему мирныя условія Графомъ Румянцовымъ. Высочайшія награды соответствовали заслугамъ искуснаго Полководца: онъ удостоился получить въ 1775. году ордена Св. Георгія втораго класса (10 Іюля) и Св. Александра Невскаго. (28 Августа).

Въ 1783 году поручена Каменскому должность Генераль-Губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго, которую онъ исправлялъ около трехъ лѣтъ съ отличнымъ усердіемъ, приобрѣтшимъ ему чинъ Генераль-Аншефа (1784 г.). Возобновившаяся война съ Турціею заставила его снова обнажить мечъ: поки-

нувъ въ Кишиневъ и Чучуленъ всю тяжелую артиллерию, подъ надлежащимъ прикрытіемъ и, раздѣливъ командуемую имъ дивизию на три колонны, Каменской, не смотря на глубокой снѣгъ и суровую погоду, выступилъ 19 Декабря (1788 г.) къ деревнѣ Гангуръ, откуда непріятель беспокоилъ передовые наши посты. Колонна Генераль-Маіора Лассія первая пришла къ назначенному пункту и была немедленно атакована сыномъ Татарскаго Хана Мегметъ-Гиреємъ; но Каменской, ведшей среднюю, ударилъ на противниковъ съ лѣвой стороны и въ тылъ, опрокинулъ ихъ, гналъ до Сакулецъ. Мегметъ-Гирей палъ на мѣстѣ битвы и съ нимъ около ста Турокъ и Татаръ. Пользуясь пораженіемъ непріятеля, Каменской устремился на него и въ Сакульцахъ, съ одною конницею; обратилъ въ бѣгство къ деревнѣ Манбетъ; положилъ на мѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ; взялъ въ плѣнъ восемьдесятъ семь; отнялъ четыре пушки и шесть знаменъ. Онъ отослалъ къ Хану тѣло убитаго сына его, писалъ къ нему: «что препровождаетъ оное для погребенія по ихъ обрядамъ, и что сдѣлалъ это не какъ Рускій Генераль, но какъ отецъ, котораго дѣти могутъ подвергнуться такой же участи.» — Ханъ благодарилъ за присылку драгоценныхъ остатковъ и утѣшалъ себя въ письмѣ: *что сынъ его умеръ, храбро защищая права своего Государя.* Событіе, дѣлающее честь обоимъ Полководцамъ; но, съ сожалѣніемъ, должно упомянуть здѣсь объ истребленныхъ въ то время огнемъ и мечемъ двухъ селенійхъ, Гангуръ и Сакульцахъ. Невинные младенцы

и немощныя жены подверглись этой жалкой участи. За кровавую побѣду, Каменской награжденъ орденъ Св. Владиміра первой степени (1789 г.). Онъ участвовалъ въ томъ же году въ осаду Бендеръ.

Среди успѣховъ нашего оружія, скончался Главнокомандовавшій Князь Потемкинъ-Таврической (1791 г.), въ тридцати семи верстахъ отъ Яссы, отправивъ въ тотъ день нарочнаго въ Крымъ къ Генералу Каховскому (*), которому ввѣрилъ свою армію. Тогда Каменской остался старшимъ въ главной квартирѣ, собралъ Генералитетъ, объявилъ оному о кончинѣ Фельдмаршала и принялъ команду. Черезъ нѣсколько дней явился Каховской, предъявилъ полу-

(*) Каховской, Михайла Васильевичъ, въ Государствованіе Императрицы Екатерины II служилъ; сначала, Генераль-Квартирмейстеромъ; потомъ управлялъ Могилевскою и Витебскою губерніями; предводительствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ въ Крыму; пожалованъ Генераль-Аншефомъ, кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго; вывелъ армію, по кончинѣ Потемкина, изъ областей Турецкихъ; неожиданно вторгся въ Польшу (1792 г.): разбилъ отрядъ мятежныхъ войскъ при Муравѣ, истребилъ главныя силы ихъ при Любарѣ и Городищѣ; награжденъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго; званіемъ Генераль-Губернатора Нижегородскаго и Пензенскаго, съ подчиненіемъ ему войскъ, расположенныхъ въ Тавриду. Императоръ Павелъ I переименовалъ его въ Генерала отъ инфантеріи, возвелъ въ Графское достоинство Россійской Имперіи и вскоре уволилъ отъ службы. Онъ скончался въ 1800 году, на 67 отъ рожденія.

ченный имъ ордеръ отъ Главнокомандовавшаго. Возникла переписка между обоими Генералами. Тщето Михаилъ Федотовичъ ссылался на старшинство свое: противникъ его превозмогъ, утверждая права на волю уполномоченнаго Государынею. Кратковременный раздоръ этотъ принять съ негодованіемъ Екатериною II, которая нашла дѣйствія Каменскаго произвольными, несомвѣстными съ закономъ (*). Онъ устранился отъ службы.

По вступленіи на Престолъ Императора Павла I (1796 г.), Михаилъ Федотовичъ пожалованъ былъ, 24 Ноября, Командиромъ Финляндской дивизіи, съ переименованіемъ въ Генералъ отъ инфантеріи; ше-

(*) Государыня въ рескриптѣ своемъ Каховскому, отъ 5 Ноября 1791 г., помѣстила между прочимъ: «Изъ до-несенія вашего отъ 17 Октября извѣстались Мы съ неудовольствіемъ о странныхъ поступкахъ Генерала Каменскаго, который, по кончинѣ Главнокомандовавшаго арміею Нашею Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго, собиралъ Генералитетъ для сужденія о такомъ дѣлѣ, въ коемъ воля покойнаго Фельдмаршала, изображенная въ данномъ вамъ ордерѣ, должна была служить закономъ, пока Указомъ Нашимъ рѣшить благоволимъ. Весьма благоразумно опровергли вы оное сильнымъ и убѣдительнымъ представленіемъ помянутому Генералу, письменно вами учиненнымъ; и если не отказали вы ему формально отъ команды, имѣя право, по данному повелѣнію, взять оную тотчасъ по прибытіи вашемъ въ главную квартиру: то сіе относимъ единственно къ вашей умѣренности.»

фомъ Рязанскаго мушкатерскаго полка; награжденъ въ слѣдующемъ году орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго (4 Марта), жезломъ Фельдмаршалскимъ (5 Апрѣля), въ день коронаванія Государя, и Графскимъ достоинствомъ Россійской Имперіи, и вскорѣ, *за слабостію здоровья*, отставленъ, по прошенію, отъ службы (24 Дек. 1797 г.), съ ношеніемъ армейскаго мундира.

Объявлена была война Франціи и Графъ Каменской, съ званіемъ Члена Государственнаго Совѣта, получилъ отъ Императора Александра I (1806 г.) предводительство надъ арміею, какъ Полководецъ опытный, состарѣвшійся во браняхъ. Выборъ этотъ обрадовалъ всѣхъ Россіянъ. Знаменитый лирикъ нашъ Державинъ привѣтствовалъ природнаго Вождя прекрасными стихами, въ которыхъ называлъ его: *булатомъ, обдержаннымъ въ болахъ, оставшимъ мечемъ Екатерины, камнемъ и именемъ и духомъ*; предвѣщалъ ему побѣду; но послѣдовавшія событія не оправдали этого ожиданія. 13 Декабря, на канунъ Пулгускаго сраженія, Графъ Каменской, по приключившейся ему болѣзни, сложилъ съ себя командованіе арміею, поручилъ оную старшему Генералу и уѣхалъ въ Остреленку, донеся о томъ Государю. Личное неудовольствіе было причиною толь неожиданнаго поступка. Уважая старость и заслуги, Императоръ великодушно простилъ порывъ оскорбленнаго самолюбія.

Живучи въ деревнѣ, Графъ Михаилъ Федотовичъ носилъ всегда куртку на зайчьемъ мѣху, покрытую голубою тафтой, съ завязками; желтыя мундирныя

штаны изъ сукна, ботфорты, а иногда коты, кожаный картузь; волосы связывалъ сзади веревочкою, въ видъ пучка; вѣдиль въ длинныхъ дремкахъ пугомъ съ двумя форейторами; лакей сидѣлъ на козлахъ: они имѣли приказаніе не оборачиваться назадъ, но смотреть на дорогу. Этимъ воспользовался убійца, поджидавшій Фельдмаршала въ лѣсу за деревомъ: однимъ ударомъ топора разсѣкъ онъ черепъ его и половину языка, 12 Августа 1809 года. Трогательно описалъ смерть вождя могущихъ славный пѣвецъ нашъ Жуковскій.

Графъ Михаилъ Федотовичъ Каменской былъ малаго роста, сухощавъ, широкъ въ плечахъ, крѣпкаго сложенія; лице имѣлъ кругловатое, пріятное, свѣжее, брови густыя; въ обхожденіи строгъ и вмѣстѣ ласковъ; любилъ говорить на отечественномъ языкѣ. Горячій, нетерпѣливый нравъ замѣнялся въ немъ примѣрною неустрашимостью, пламеннымъ стремленіемъ къ славы, вѣрою и вѣрностію къ Церкви и Престолу. Суворовъ отзывался о Каменскомъ: *что онъ зналъ тактику*. Сегюръ въ своихъ Запискахъ хотя и называетъ его вспыльчивымъ, жестокимъ, но вмѣстѣ отдаетъ справедливость храбрости этого Полководца, который — какъ самъ изъяснялся — *никогда не боялся смерти*. Онъ покровительствовалъ бессмертному стихотворцу нашему Богдановичу и издалъ въ Москвѣ, 1778 года, первую книгу поэмы его: *Душенька*. Имя Каменскаго, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ Кайнарджійскаго мира, не умретъ въ потомствѣ.

У Графа Михаила Федотовича было два сына,

оба Генералы отъ инфантерій: старшій, оставившій потомство, Графъ Сергій Михайловичъ, кавалеръ орденовъ: Св. Александра Невскаго, Св. Георгія второго класса и Св. Анны, овладѣль, въ 1810 году, Базарджикомъ, взялъ въ плѣнъ Сераскира Пегливана Пашу и около 2000 чел.; разбилъ подъ Шумлею тридцати-тысячный корпусъ Турецкій, обратилъ его въ бѣгство, положилъ на мѣстѣ до 6000 чел.; скончался въ 1835 году. Меньшой, Графъ Николай Михайловичъ, кавалеръ орденовъ: Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Георгія второго класса, Св. Владиміра первой степени и Св. Анны — заслужившій, въ молодыхъ лѣтахъ, отъ Суворова, на Альпійскихъ горахъ, названіе *старого Генерала*, прославилъ имя свое въ Финляндіи (1808 г.) двумя блистательными побѣдами, при Кауртанъ и у Оровайса; потомъ, команду Дунайской арміею (1810 г.), покорилъ Базарджикъ, Силистрію, Никополь; покушался взять приступомъ Русукъ, но принужденъ былъ отступить съ потерею убитыми и ранеными до 8000 чел.; заградилъ, вслѣдъ за тѣмъ, неудачу свою пораженіемъ Сераскира Кушанца-Али при Батынѣ, гдѣ овладѣлъ 14 пушками и взялъ въ плѣнъ пять тысячъ чело-вѣкъ, положивъ на мѣстѣ, ранеными и убитыми, до 10,000 чел.; принудилъ Русукъ и Журжу сдаться на капитуляцію и, среди побѣдъ, скончался въ 1811 году, послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни, на 35 году отъ рожденія.

Останки Фельдмаршала Графа Каменскаго преданы землѣ въ церкви принадлежавшаго ему села

Сабурова, Орловской губернии и уезда. Надъ нимъ и надъ прахомъ сына его, Графа Николая Михайловича, поставлены прѣстые бѣлые камни безъ надгробныхъ надписей. Село перешло къ стороннему владѣльцу. Церковь угрожаетъ паденіемъ: уполкли въ ней пѣсни служителей алтаря. Еще нѣсколько лѣтъ, и одиѣ развалины будутъ указывать мѣсто, гдѣ покоятся два героя!

Дюкъ Викторъ-Францискъ

БРОЛЬО.

Литогр М. Гюссэ.

37-й

ГЕНЕРАЛЪ - ФЕЛДМАРШАЛЪ

ДЮКЪ БРОЛЬО.

=

Дюкъ Викторъ-Францискъ Брольо, сынъ и внукъ Маршаловъ Франціи (*), родился въ 1718 году и съ самыхъ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ: участвовалъ (1734 г.) подъ знаменами отца своего въ сраженіяхъ при Пармѣ и Гвасталлѣ; въ оборонѣ Праги отъ Австрійцевъ (1742 г.); одержалъ близъ Зандерсгаузена знаменитую побѣду въ 1758 году (11 Іюля) надъ Гессенскимъ Генераломъ Принцемъ Изенбургскимъ; овладѣлъ Гессенскимъ Княже-ніемъ; поразилъ съ 25,000 человекъ, 1 Апрѣля 1759 года; подъ Бергеномъ, сорокатысячную Ганноверскую армію, которою предводительствовалъ Принцъ Брауншвейгскій Фердинандъ, искуснѣйшій того вре-

(*) Брольо произошелъ отъ древней фамиліи Пиемонтской.

мени Полководецъ: положилъ на мѣстѣ 6,000 человекъ; взялъ пять пушекъ, 2,000 чел. въ плѣнь. Въ числѣ убитыхъ находился Принцъ Иаенбургскій. Императоръ возвелъ Брольо въ достоинство Имперскаго Князя; Лудовикъ XV прислалъ ему Маршальскій жезлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Брольо вступилъ въ Геттингенъ; взялъ приступомъ Минденъ: принудилъ Генерала Застрова и 1,500 чел. положить оружіе (1759 г.); снова занялъ Гессенское Княженіе (1760 г.) и Ганноверское, гдѣ расположился на зимнихъ квартирахъ.

Въ слѣдующемъ году (1761), Принцъ Фердинандъ, подкрѣпленный Пруссаками, заставилъ Брольо отступить къ Франкфурту; но онъ, вскорѣ, напалъ близъ Гринберга (9 Марта) на наследнаго Принца, племянника Фердинанда, разсѣялъ его войска, взялъ болѣе 2,000 чел. въ плѣнь, отнялъ 13 орудій; принудилъ Ганноверцевъ оставить Гессенскія владѣнія; потомъ присоединился къ арміи Принца Субиза; напалъ, 3 Іюля, подъ Виллингсгаузеномъ, на правое крыло Фердинанда; имѣлъ, сначала, поверхность, но въ слѣдующій день, не получивъ достаточнаго подкрѣпленія отъ Субиза, принужденъ былъ отступить въ болышомъ безпорядкѣ.

Между обоими Военачальниками произошло несогласіе: Субизъ пользовался покровительствомъ г-жи Помпадуръ, любовницы Лудовика XV и умѣлъ сложить всю вину на Брольо, подъ предлогомъ, будтобы, послѣдній, желая присвоить себѣ всю славу побѣдителя и увѣренный въ успѣхъ, не сообщилъ ему о своемъ намѣреніи атаковать непріятели. Тщетно

противникъ увѣрялъ: что Сублизъ, побуждаемый завистию, выдалъ его на жертву врагамъ.— Правительство обвинило Брельо: онъ былъ лишенъ команды, удаленъ въ деревню; но и въ изгнаніи сохранилъ любовь и уваженіе соотечественниковъ (*).

По прошествіи некотораго времени, Брельо рѣшился обратиться къ виновницѣ его паденія: Г-жа Помпадуръ, помня какъ герой Бергенскій присылалъ ей реляціи о своихъ побѣдахъ, исходатайствовала ему позволеніе жить въ Парижѣ. Въ числѣ защитниковъ его у Двора находился Испанскій Посолъ; но Брельо, получивъ свободу, утратилъ прежнее значеніе и покорился обстоятельствамъ.

Кончина Лудовика XV (1774 г.) вывела Дюка Брельо на скользкое поприще царедворцевъ: ему вверены были, потомъ, войска. Онъ поссорился съ военнымъ Министромъ, Дюкомъ Шоазелемъ, и во второй разъ лишенъ команды:

Смутное время революціи, при самомъ началѣ, сблизило несчастнаго Короля съ вѣрнымъ подданнымъ: Брельо наименованъ былъ военнымъ Министромъ, начальникомъ войскъ, назначенныхъ для усмиренія мятежной столицы; предложилъ Лудовику удалиться съ семействомъ въ Мецъ; вызывался проводить его въ безопасности; но Король предпочелъ совѣтъ друга своего, Дюка Ланкура, и, распустивъ

(*) Тогда представляли въ Парижѣ трагедію Вольтера *Танкредъ* и стихъ: *C'est le sort d'un héros d'être persécuté* (участъ героя терпѣть преслѣдованіе) извлекъ общее рукоплесканіе въ честь невиннаго изгнанника.

солдатъ, предалъ себя народному собранію (1769 г.). Графъ д'Артуа удалился изъ Франціи въ сопровожденіи Брольо, съ которымъ Лудовикъ принужденъ былъ разстаться, желая избавить его отъ суда. Вскорѣ добродѣтельный Монархъ кончилъ жизнь на эшафотѣ.

Тщетно Брольо старался вторгнуться во Францію съ отрядомъ эмигрантовъ. Онъ отправился въ Россію въ числѣ многихъ соотечественниковъ его, искавшихъ покровительства Императора Павла I переименованъ въ Генералъ-Фельдмаршала нашихъ войскъ 26 Октября 1797 года. Брольо имѣлъ тогда 79 лѣтъ, но пылалъ еще усердіемъ и — какъ изъяснялся объ немъ Лудовикъ XVIII — *съ старой опытностію, соединялъ молодую храбрость*. Потерявъ надежду быть полезнымъ законному своему Монарху, почтенный военачальникъ испросилъ увольненіе (1799 г.) и мирно кончилъ дни свои въ Мюнстерѣ 1804 года, на 86 отъ рожденія.

Дюкъ Викторъ-Францискъ Брольо, пылкій, слишкомъ откровенный, отличался непоколебимою вѣрностью къ Престолу, примѣрною неустрашимостью; имѣлъ умъ образованный, ловкое, пріятное обращеніе въ обществахъ; былъ не всегда счастливъ на бранномъ полѣ, но побѣдами своими прославилъ оружіе единосемцевъ, которые отдають полную справедливость военнымъ его доблестямъ.

Конецъ второй части.

